

Смерть радикально
меняет имидж
в мистическом триллере
Даринды Джонс.
PUBLISHERS WEEKLY

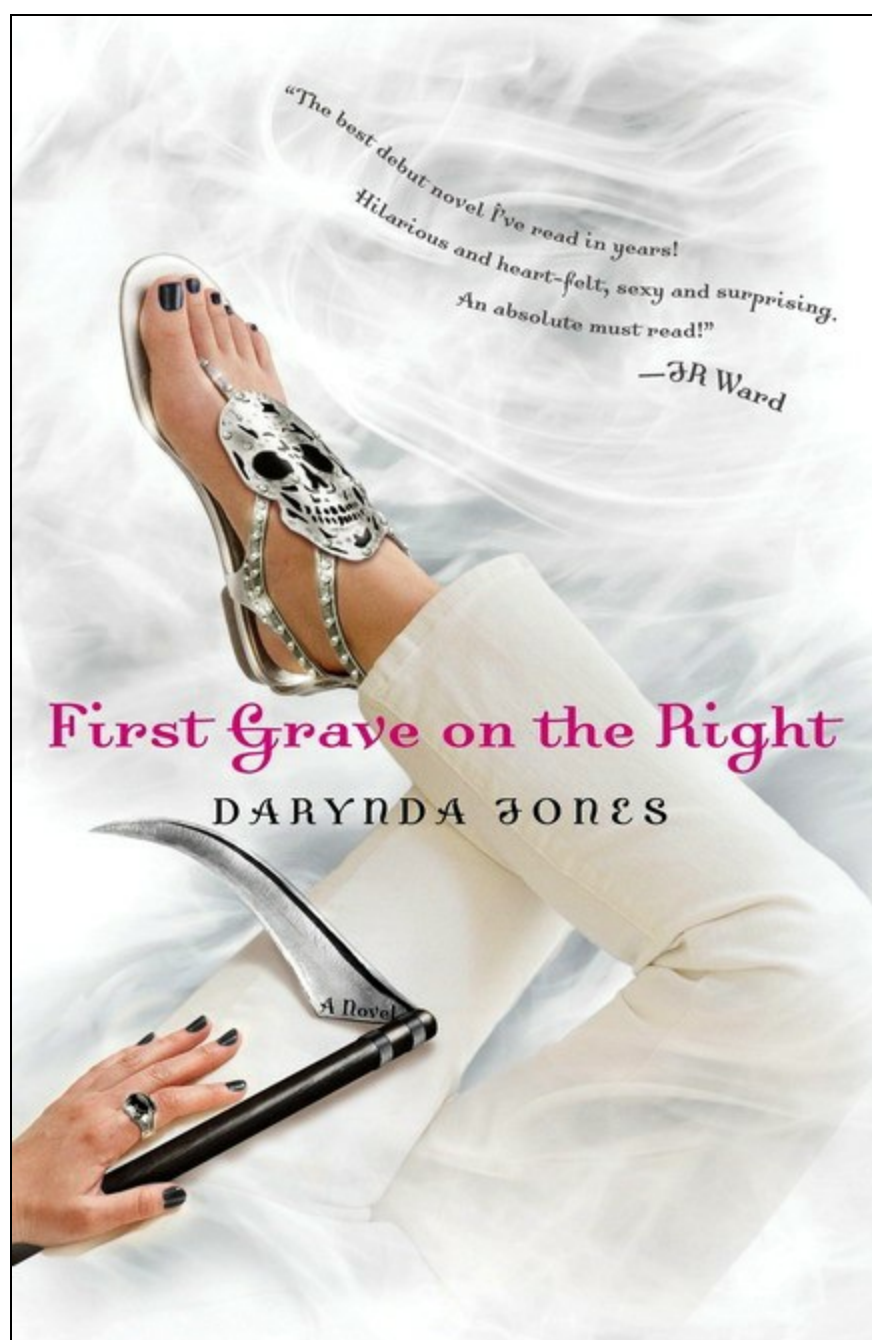
Даринда Джонс
**Первая могила
справа**
[mystery]

CoRpus

Annotation

Американская писательница Даринда Джонс покорила своим литературным дебютом сердца критиков и читателей. Увлекательное расследование, мистика, роковая страсть и море искромётного юмора — рецепт, перед которым невозможно устоять. «Первая могила справа» удостоена премии «Золотое сердце» как лучший паранормальный роман 2009 года.

Частный детектив Чарли Дэвидсон обладает двумя уникальными талантами: она общается с призраками и виртуозно вляпывается во всевозможные неприятности. Часто она помогает полиции распутывать безнадежные дела, поскольку ей нетрудно поинтересоваться личностью преступника непосредственно у покойных жертв. Но три адвоката, застреленные в одну ночь, убийцу не видели, к тому же не успели вытащить из тюрьмы несправедливо осужденного, так что у Чарли образуется двойной воз сыскной работы. Или даже тройной, если прекрасный незнакомец из ее снов — нечто большее, чем сумасшедшая эротическая фантазия...

Даринда Джонс

ПЕРВАЯ МОГИЛА СПРАВА

Лучше видеть мертвых, чем умереть самой.

Шарлотта Джин Дэвидсон, ангел смерти

Уже месяц мне снился один и тот же сон, в котором таинственный незнакомец, возникая из дыма и мрака, начинал любовную игру. Я стала задумываться, не вызовут ли еженощные галлюцинации, оканчивающиеся взрывным оргазмом, долговременных побочных эффектов. Меня всерьез беспокоило, как бы один из этих сладких снов не стал последним. Передо мной маячил вопрос: просить о помощи или ставить всем выпивку?

Эта ночь не стала исключением. Мне снился умопомрачительный сон: в нем участвовали чьи-то умелые руки, горячий рот и кожаные шорты, которым нашлось весьма изобретательное применение, — как вдруг в мое видение бесцеремонно вторглись внешние силы. Я сопротивлялась, как могла, но силы не отставали. Сперва подкрался холод и схватил за щиколотку; ледяное прикосновение вырвало меня из знойных объятий сна. Я вздрогнула, брыкнулась, не желая слушать ничьих призывов, и спрятала ногу в теплые складки одеяла, разрисованного кроликами Багз Банни.

Но тут краем уха я уловила негромкую мелодию, которая настойчиво играла где-то совсем рядом, точно знакомая песенка, которую никак не вспомнить. Спустя мгновение я поняла, что это стрекочет мой новый телефон.

Вздыхнув, я с трудом разлепила глаза и уставилась на цифры, мерцавшие на тумбочке возле кровати. Половина пятого. Какой садист звонит собрату-человеку в половине пятого утра?

У изножья кровати кто-то кашлянул. Я перевела взгляд на стоявшего там покойника, прикрыла глаза и проскрипела:

— Будь другом, принеси.

Он смутился:

— Телефон?

— Угу.

— Но я же...

— Ладно, проехали.

Я протянула руку, взяла телефон и сморщилась от резкой боли во всем теле, напомнившей, что прошлой ночью мне навалили по полной программе.

Покойник снова откашлялся.

— Алло, — проквакала я.

Звонил мой дядя Боб. Он обрушил на меня поток слов — наверно, ему не приходило в голову, что в предрассветный час я не способна связно мыслить. Отчаянным усилием воли я сосредоточилась и выделила из этого потока три самые громкие фразы — «ну и ночка», «два убийства» и «дуй сюда». Мне даже удалось ответить ему что-то вроде «Ты что, рехнулся, звонить в такую рань?».

Дядя Боб с досадой вздохнул и отключился. Я тоже нажала на кнопку — не то разъединения, не то быстрого набора китайской забегаловки за углом. Потом попыталась сесть. Как и со связными мыслями, это оказалось проще сказать, чем сделать. Вообще-то во

мне не больше пятидесяти семи килограммов, но по какой-то необъяснимой причине между подъемом и пробуждением я вешу добрых два центнера.

Побарахтавшись, как кит, выброшенный на берег, я решила, что зря съела квартиру бананового мороженого после того, как мне надавали по башке.

Потягиваться было больно, и вместо этого я зевнула во весь рот, поморщилась от боли в челюсти и перевела взгляд на покойника. Он расплывался у меня перед глазами. И не потому, что призрак, а потому что половина пятого утра. И еще — меня совсем недавно избили.

— Привет, — нервно поздоровался он. В мятом костюме, очках в круглой оправе и с взъерошенными волосами он походил то ли на одного юного волшебника, которого мы все знаем и любим, то ли на сумасшедшего ученого. В голове мертвеца виднелись два пулевых отверстия; из правого виска на щеку сочилась кровь. Но все эти подробности меня как раз не смущали. Меня смущало то, что он очутился в моей спальне. Глубокой ночью. Навис надо мной, как призрак Любопытного Тома.^[1]

Я смерила его своим знаменитым убийственным взглядом, равным по силе только моему не менее известному соблазнительному взгляду, и покойник немедленно откликнулся.

— Простите, пожалуйста, — проговорил он, запинаясь, — я не хотел вас пугать.

Неужели я кажусь напуганной? Над убийственным взглядом явно нужно поработать.

Не обращая внимания на призрак, я выползла из постели. На мне была футболка с эмблемой «Скорпионов»,^[2] которую я стащила у их вратаря, и трусы в клеточку — та же команда, другой игрок. Чихуахуа, текила, покер на раздевание. Та ночь навсегда останется первым пунктом в списке того, что я больше не стану делать ни за какие коврижки.

Стиснув зубы от боли, я потащила свои трясущиеся центнеры на кухню — точнее, к кофеварке. Кофеин поможет сбросить лишнее, и я мгновенно вернусь к нормальному весу.

Квартирка у меня крошечная, и ощупью в темноте на кухню я пробиралась недолго. Покойник не отставал. Вечно они ходят за мной по пятам. Оставалось только молиться, чтобы этот помолчал, пока кофеин не подействует. Но не тут-то было.

Не успела я нажать на кнопку, как призрак заговорил.

— Видите ли, — заявил он с порога, — дело в том, что меня вчера убили и мне посоветовали обратиться к вам.

— Посоветовали? Ну надо же. — Быть может, если я буду торчать возле кофеварки, она заработает комплекс неполноценности и по-быстрому сварит мне кофе — просто чтобы доказать, на что способна.

— Один парнишка сказал мне, что вы распутываете преступления.

— Неужели?

— Вы ведь Чарли Дэвидсон?

— Да.

— Вы коп?

— Не совсем.

— Помощник шерифа?

— Не-а.

— Контролер с автостоянки?

— Послушайте, — проговорила я, обернувшись к нему, — не обижайтесь, но, насколько я знаю, вы могли умереть и тридцать лет назад. У мертвых нет чувства времени. Ни

малейшего. Вообще.

— Вчера, восемнадцатого октября, половина шестого пополудни, два выстрела в голову, рана, несовместимая с жизнью, летальный исход.

— Понятно, — скептически протянула я, не желая сдавать позиции. — Но я не коп. — Я отвернулась к кофеварке, решив сломить ее стальную волю своим убийственным взглядом, который уступает лишь...

— Тогда кто же вы?

«Ваш ночной кошмар», — хотела было ответить я, но решила, что это глупо.

— Я частный детектив. Ловлю неверных супругов и потерявшихся собак. Делами об убийствах не занимаюсь.

Вообще-то занимаюсь, но ему незачем об этом знать. Я только что с успехом завершила одно сложное дельце и надеялась отдохнуть хотя бы несколько дней.

— А парнишка...

— Ангел, — произнесла я, досадуя на себя, что не изгнала этого бесенка, хотя возможность была.

— Разве он ангел?

— Нет. Его зовут Ангел.

— Его зовут Ангел?

— Да. А что тут такого? — взвилась я; эта ангельская переключка действовала мне на нервы.

— Я думал, что он ангел не по имени, а по сути.

— Его так зовут. И поверьте мне, он самый настоящий ангел.

Минула целая эпоха, одноклеточные организмы превратились в ведущих ток-шоу, а кофе продолжал испытывать мое терпение. Я сдалась и решила пойти пописать.

Покойник последовал за мной. Вечно они...

— Вы очень... яркая, — начал он.

— Спасибо.

— И... блестящая.

— Ага.

Тоже мне новость. Мне и раньше говорили, что для покойников я точно маяк или путеводная звезда, этакое лучезарное светило — ударение на «лучезарное», — заметное с другого конца земли. Чем ближе они подходят, тем ярче блеск. Если можно так выразиться. Мне всегда казалось, сияние — это плюс. Все-таки я единственный ангел смерти по эту сторону Марса. Я провожаю почивших к свету. В общем, я своего рода дверь. Не всегда получается гладко. Все равно что вести лошадь на водопой: она может и заартачиться.

— Кстати, — бросила я через плечо, — если когда-нибудь увидите настоящего ангела, бегите. Со всех ног. Не оглядываясь.

Это, конечно, неправда, но мне нравится смущать народ.

— Серьезно?

— Серьезно. Эй... — я замерла и повернулась к нему лицом, — вы до меня дотронулись? — У моей правой щиколотки явно кто-то отирался, — кто-то холодный, а раз уж в комнате всего один покойник...

— Что? — возмущенно переспросил он.

— Не сейчас, а когда я лежала в кровати.

— Что вы! Конечно нет!

Я прищурилась, смерила его угрожающим взглядом и поковыляла в ванную.

Мне нужно было принять душ. Причем срочно. Не могу же я весь день слоняться по квартире и болтать с призраками. Дядю Боба удар хватит.

Но, зайдя в ванную, я осознала, что грядет худшая минута моего утра — мгновение, когда я скажу «Да будет свет». Я тяжело вздохнула и подумала, не остаться ли все-таки дома, наплевав на артериальное давление дяди Боба.

Смирись, велела я себе. Надо — значит, надо.

Дрожащей рукой я оперлась о стену, затаила дыхание и щелкнула выключателем.

— Ничего не вижу! — завопила я, закрыв лицо руками. Я изо всех сил старалась разглядеть пол, раковину, ершик для унитаза, но перед глазами расплывалось яркое белое пятно.

Мне явно пора убавить мощность.

Я споткнулась, поймала равновесие и, решив не сдаваться, выставила вперед ногу. Меня не остановишь какой-то там лампочкой. Мне, черт побери, пора приниматься за дело.

— Вы знаете, что у вас в гостиной мертвец? — спросил призрак.

Я повернулась к нему, потом перевела взгляд на мистера Вонга, который стоял к нам спиной, уткнувшись носом в угол. Смерив взглядом первого покойника, я хмыкнула:

— Кто бы говорил.

Мистер Вонг тоже призрак. Совсем крохотный. Не более полутора метров ростом, весь серый, почти прозрачный, в мундирчике мышинного цвета, с пепельной кожей и волосами. Похож на китайского военнопленного. Мистер Вонг торчал у меня в углу день за днем, год за годом. Не шевелился, не разговаривал. Не могу поставить в упрек бедолаге унылую внешность, но даже мне казалось, что у мистера Вонга не все дома.

Разумеется, самая жуть не в том, что у меня в углу привидение; осознав, что мистер Вонг отнюдь не стоит, а висит в воздухе в нескольких сантиметрах над полом, мой новый знакомец точно перепугается.

Ради таких мгновений стоит жить.

— Доброе утро, мистер Вонг, — крикнула я. Не уверена, слышал ли он. Может, это и к лучшему, учитывая, что я не знаю, как его зовут. Вообще-то я назвала его мистером Вонгом на то время, что он обосновался у меня в углу, пугая других покойников; но в один прекрасный день он превратится в обычного мертвеца и уберется подобру-поздорову. Надеяться на лучшее и мертвым не вредно.

— Он что, отдыхает?

Хороший вопрос.

— Я знать не знаю, отчего он торчит в углу. Когда я сюда переехала, он уже там был.

— Вы сняли квартиру с покойником в углу?

Я пожала плечами:

— Мне нужно было жилье, и я решила, что прикрою его книжным шкафом или еще чем-нибудь. Но мне не давала покоя мысль, что за моим экземпляром «Любовь сладка, любовь безумна»^[3] будет маячить привидение. Я просто не могла его там оставить. Я ведь даже не знаю, нравятся ли ему любовные романы. — Я оглянулась на нового бесплотного знакомого, почтившего меня своим присутствием. — Кстати, как вас зовут?

— Ах да, простите мою бестактность, — проговорил он, расправив плечи, и подошел пожать мне руку. — Патрик. Патрик Сассмэн. Третий. — Призрак замялся, посмотрел на свою ладонь и смущенно поднял глаза. — Едва ли мы сможем...

Я крепко сжала его руку.

— Почему бы и нет, Патрик, Патрик Сассмэн Третий.

Он нахмурил брови:

— Не понимаю.

— Чего уж там, — сказала я, выходя на свет, — не вы один.

Закрыв дверь ванной, я услышала, как Патрик Сассмэн Третий завопил от страха:

— О господи! Он же... висит в воздухе.

Много ли человеку надо для счастья... ну и так далее.

* * *

Душ пролился на меня, как небесная благодать, покрытая теплым шоколадным сиропом. Пар и вода струились по телу, а я проверяла каждый мускул, отмечая в уме звездочкой те, что болели.

Левый бицепс точно заслуживал звездочки, что неудивительно. Вчера вечером тот придурок в баре так вывернул мне руку, что чуть не оторвал. Раз уж ты частный детектив, иногда приходится общаться с малоприятными членами общества — например, извергом мужем клиентки.

Потом я проверила правый бок. Он болел. Поставим звездочку. Наверно, отбила, когда отлетела на музыкальный автомат. Благоразумие и приличие — это не ко мне.

Левое бедро — звездочка. Понятия не имею, где ушиблась.

Левое предплечье — две звездочки. Скорее всего, когда блокировала удар того уroda.

Ну и, разумеется, левая щека и челюсть — четыре звездочки: тут мне блок не помог ни капли. Гад оказался намного сильнее и проворнее: я просто не ожидала удара. Рухнула, как пьяная девица с ранчо, которая пытается танцевать под «Металлику».

Неловко? Еще бы. Но, как ни странно, этот случай открыл мне глаза. Меня никогда раньше не отправляли в нокаут. Я думала, это намного больнее. Когда тебя вырубают, больно становится только потом. Но зато уж так, что выть хочется.

По крайней мере, обошлось без непоправимых последствий и даже удалось пережить ночь. Это всегда радует.

Я потирала шею, стараясь унять боль, и вспоминала сон — тот самый, который снился мне вот уже месяц. И раз за разом сон все дольше старался задержаться в памяти томительными прикосновениями, пеленой желаний. Каждую ночь из глухих закоулков моего сознания появлялся незнакомец, который словно только и ждал, пока я засну. Поцелуй его чувственных жестких губ опалили кожу. Жадный язык, казалось, разжигал в теле искры пламени. Он спускался ниже, небеса разверзались, и ангельский хор в унисон возглашал: «Аллилуйя!»

Начинались сны скромно. Прикосновение. Легкий, как ветер, поцелуй. Неожиданно очаровательная улыбка, заметная лишь краем глаза. Потом видения развивались, обретали силу и пугающий напор. Впервые в жизни я кончила во сне. И не один раз. За последний месяц такое случалось почти каждую ночь. Руки (и другие части тела) любовника из моих грез я не видела — по крайней мере, не видела четко. Но откуда-то знала, что он — воплощение чувственности, мужской притягательности и обаяния. А еще он мне кого-то напоминал.

Я пришла к выводу, что в мои сны кто-то вторгся. Но кто? Я с детства могу видеть умерших. В конце концов, я родилась ангелом смерти. Единственным в своем роде, хотя это я узнала только в старших классах школы. Но мертвецам не пробраться в мой сон, не вызвать у меня дрожь, возбуждение и, кажется, даже стоны.

Что же до моих способностей, в них нет ничего особенного. Мертвые обитают в одном измерении, живые — в другом. А я, в силу нелепой случайности, душевного расстройства или же волею провидения, ухитрюсь существовать и там, и там. В том, что ты ангел смерти, есть свои плюсы. Но все вполне обыденно. Я не впадаю в транс. Не смотрю в хрустальный шар. Не переправляю души усопших с одного берега на другой. Одна-единственная девица, несколько призраков и весь род людской. Что может быть проще?

Да и к тому же было в герое моих снов что-то такое... не призрачное. По крайней мере, он казался вполне живым. От него исходило тепло. Покойники холодные, как в кино. В их присутствии изо рта валит морозный пар, пробирает дрожь и волосы встают дыбом. А этот парень, этот таинственный соблазнительный незнакомец, доставлявший мне такое удовольствие, был горячий, как печка. Казалось, будто меня обдает кипятком: и сладко, и больно — все сразу.

Сны были абсолютно реальными, ощущения и реакции — очень яркими. Я все помню, как сейчас, и кажется, что его руки скользят вверх по моим ногам, как будто мы сейчас вместе принимаем душ. Я чувствую его ладони у себя на бедрах, чувствую, как он прижимается к моей спине крепкой грудью. Я протягиваю руку назад, провожу пальцами по его жестким, как сталь, ягодицам, и он прижимает меня к себе. Под моими прикосновениями его мускулы напрягаются и снова расслабляются, и это похоже на прилив и отлив, повинующийся фазам луны. Я просовываю между нами руку и, скользнув ладонью по его животу, обхватываю рукой твердый член; раздается протяжный приглушенный стон удовольствия, и незнакомец обнимает меня.

Я чувствую его губы возле моего уха; дыхание обжигает щеку. Мы никогда не разговаривали. Зной и страсть моих снов не оставляли места болтовне. И вот впервые до меня донесся шепот — тихий, еле слышный:

— Датч.

Мое сердце учащенно забилося; я настороженно огляделась в поисках призраков, затаившихся в углах ванной комнаты. Никого. Неужели я заснула? В душе? Не может такого быть. Я по-прежнему стояла. Правда, с трудом. Вцепившись в кран, я выпрямилась, гадая, что же такое сейчас произошло в этой безумной загробной жизни.

Успокоившись, я выключила воду и схватила полотенце. Датч. Я отчетливо слышала слово «Датч».

Только один человек на земле однажды назвал меня так, и было это давным-давно.

Мертвецов много, а времени мало.

Шарлотта Дэвидсон

Я завернулась в полотенце и отдернула занавеску душа. От догадки, кем мог быть незнакомец из сна, у меня закружилась голова. Сассмэн просунул голову в дверь; от испуга мое сердце упало и порезалось об осколки нервов.

Я подскочила, схватилась за грудь, досадуя, что меня по-прежнему так легко застать врасплох. А ведь я столько раз видела, как покойники появляются из ниоткуда, — могла бы и привыкнуть.

— Черт побери, Сассмэн. И когда ваш брат научится стучаться?

— Я же призрак, — подбоченившись, ухмыльнулся он.

Я выскочила из душа и схватила с туалетного столика бутылочку с распылителем.

— Только войдите — и я брызну вам в лицо потусторонним репеллентом.

Его глаза округлились.

— Правда?

— Нет, — ответила я, и мои плечи бессильно опустились. Мне всегда было трудно врать призракам. — Это просто вода. Только не говорите мистеру Хабершему, покойнику из квартиры 2В. Эта бутылка — единственное, что мешает грязному старикашке пробраться ко мне в ванную.

Сассмэн, подняв брови, рассматривал мое неглиже.

— Что ж, не мне его судить.

Я прищурилась и с силой распахнула дверь, ударив ею призрака по лицу. Сассмэн растерялся и, чтобы унять головокружение, схватился одной рукой за лоб, а другой — за дверную ручку. С новичками просто. Дав ему время прийти в себя, я указала на знак, прикрепленный снаружи на двери ванной.

— Запомните это, — велела я и захлопнула дверь.

— Покойникам вход запрещен, — вслух прочитал он.

— И если вдруг выясняется, что вы можете проходить сквозь стены, значит, вы мертвы. А не валяетесь в канаве, дожидаясь, пока тело проспится. Смиритесь с этим и, черт побери, не лезьте ко мне в ванную.

Сассмэн снова просунул голову в дверь:

— Вам не кажется, что это жестоко?

Стороннему наблюдателю такая табличка могла показаться несколько суровой, но обычно все понимали ее правильно. Кроме мистера Хабершема. Его приходилось отпугивать. Частенько.

И даже с табличкой я вынуждена была мыться с такой скоростью, словно в доме пожар. Принимать душ в обществе призраков — это, знаете ли, немного чересчур. Трудно сохранять самообладание, когда ребята, которым только что разнесли голову из пистолета, заглядывают к тебе попить чайку и освежиться.

Я начала терять терпение.

— Пошел вон! — приказала я и вернулась к опухшему недоразумению в синяках,

которое некогда было моим лицом.

Мазаться тональным кремом после того, как тебе набили морду, — это скорее искусство, чем наука. Тут главное — терпение. И множество слоев. Но после третьего слоя мое терпение лопнуло, и я смыла косметику. Ну кто меня увидит в такую рань? Собирая свои шоколадные волосы в хвост, я почти убедила себя, что синяки и ссадины придают мне неуловимое очарование. Немного маскирующего крема, губной помады — и вуаля, можно появляться на людях. Готовы ли люди меня видеть — это уже другой вопрос.

Я вышла из ванной в джинсах и белой рубашке, надеясь, что грудь, на которую природа не поскупилась, поднимет мой рейтинг до девяти целых и двух десятых по десятибалльной шкале. Грудь у меня большая. Чтобы подчеркнуть это, я расстегнула верхнюю пуговицу. Может, хоть так никто не заметит, что мое лицо похоже на топографическую карту Северной Америки.

— Ого, — восхитился Сассмэн, — знойную женщину не портят даже легкие изъяны.

Я замерла как вкопанная и обернулась к нему:

— Что вы сказали?

— Э-э-э... что вы знойная женщина.

— Позвольте спросить, — процедила я, приблизившись к нему; Сассмэн на всякий случай отступил на шаг, — при жизни, то есть всего пять минут назад, смогли бы вы заявить женщине, с которой только что познакомились, что она выглядит сексуально?

Задумавшись на мгновение, он ответил:

— Нет. Жена бы тут же со мной развелась.

— Так почему же, стоит вам умереть, как вы полагаете, что можно говорить что угодно кому угодно?

Сассмэн снова задумался.

— Наверно, потому что жена не слышит, — предположил он наконец.

Я обрушила на него всю мощь своего убийственного взгляда, который должен был ослепить наглеца навечно. Потом взяла сумочку, ключи и, прежде чем выключить свет, обернулась и подмигнула призраку:

— Спасибо за комплимент.

Он улыбнулся и последовал за мной.

* * *

Очевидно, не такая уж я знойная, что бы там ни говорил Сассмэн. Сказать по правде, мне было очень холодно. Разумеется, я забыла пиджак. Возвращаться за ним было лень, и я поспешила забраться в свой вишневый «вранглер». Машину я прозвала Развалюхой как скопище ужасов и всяческих мерзостей. Сассмэн забрался на переднее сиденье.

— Значит, ангел смерти? — бросил он, когда я застегивала ремень.

— Угу. — Не знала, что он в курсе, как называется мое занятие. Похоже, они с Ангелом успели обсудить немало. Я повернула ключ, и Развалюха с урчанием завелась. Еще тридцать семь выплат — и эта малышка вся моя.

— Вы не похожи на смерть.

— А вы разве с ней встречались?

— Н-нет... вообще-то нет, — поколебавшись, ответил он.

— Плащ я сдала в химчистку.

Сассмэн робко хихикнул:

— А косу?

Я злоеще усмехнулась и включила печку.

— Кстати, о смерти, — сменила я тему, — вы, случайно, не видели, кто стрелял?

— Даже не заметил.

— Значит, нет.

Сассмэн указательным пальцем поправил очки.

— Нет, я никого не видел.

— Черт. Это плохо. — Я свернула налево, к Централ. — А вы знаете, где вы? В смысле, где тело? Мы едем к центру. Наверно, вы там.

— Нет, я как раз повернул к дому. Мы с женой живем в Хайтс.

— Давно женаты?

— Пять лет, — с грустью проговорил он. — Двое детей. Девочки. Четыре года и полтора.

Ненавижу это. Все, что связано с теми, кто остался.

— Мне очень жаль.

Он посмотрел на меня так, словно, раз я вижу мертвецов, то знаю ответы на все вопросы. Вечно призраки так на меня смотрят. Придется его разочаровать.

— Им будет трудно, да? — спросил он, удивив меня направлением мыслей.

— Да, — честно ответила я. — Ваша жена будет плакать, кричать, переживет адскую депрессию. А потом найдет в себе силы, о которых и не подозревала. — Я посмотрела ему в глаза. — Она справится. Ради девочек. Она будет жить.

Казалось, мои слова успокоили Сассмэна. Он кивнул и уставился в окно. Остаток пути до центра мы проехали в молчании, и волей-неволей я вновь задумалась о любовнике из моих снов. Если я права, то его зовут Рейес. Я понятия не имела, имя это или фамилия, откуда он и где сейчас, — вообще ничего о нем не знала, кроме того, что звать его Рейес и он красавец. К сожалению, он был опасен. Мы виделись лишь однажды, много лет назад, еще подростками. Наше знакомство таило угрозу, искрило напряжением, а его губы были так близко к моим, что я почти чувствовала их вкус. Больше я никогда его не видела.

— Это здесь, — вывел меня из задумчивости голос Сассмэна.

Призрак указывал на место преступления в нескольких кварталах от нас. Красные и синие огни скользили по фасадам, пульсируя в утреннем сумраке. Мы подъехали ближе; поставленные для следователей яркие прожектора заливали светом полквартала. Казалось, будто над этим местом взошло солнце. Я заметила джип дяди Боба и свернула на ближайшую стоянку у отеля.

Прежде чем вылезти из машины, повернулась к Сассмэну:

— Кстати, вы, случаем, у меня в квартире никого не видели?

— Вы имеете в виду, кроме мистера Вонга?

— Да. Там не было другого мужчины?

— Нет. А разве должен быть?

— Ладно, проехали.

Мне предстояло выяснить, как Рейес ухитрился пробраться в душ. Если я не обладаю сверхъестественной способностью спать стоя, значит, он может больше, чем просто проникнуть в мой сон.

Я выбралась из машины — Сассмэн с горем пополам вылез за мной — и огляделась в поисках дяди Боба. Тот стоял в сорока ярдах от нас в призрачном свете прожектора; дядя бросил на меня злобный взгляд. Так нечестно, он ведь даже не итальянец. Разве это законно?

Дядя Боб, или Диби, как я его зову — в основном за глаза, — брат моего отца и детектив управления полиции Альбукерке. Похоже, его приговорили к работе пожизненно; мой отец, в прошлом тоже коп, давным-давно уволился и купил бар на Сентрал-авеню. Мой дом стоит как раз за ним. Время от времени я подрабатываю у отца за стойкой, и тогда мой трудовой рейтинг достигает трех целых семи десятых пункта. Когда появляются клиенты, я занимаюсь частными расследованиями, когда папе нужна помощь — обслуживаю посетителей в баре, а официально мне начисляет зарплату полицейское управление. По документам я консультант. Наверно, потому, что это солидно звучит. На самом деле я секрет успеха дяди Боба, так же, как и отца, когда он еще работал в полиции. Благодаря моим способностям они получали повышение за повышением и в конце концов оба стали детективами. Удивительно, до чего легко распутывать преступления, когда можешь спросить у жертв, кто это сделал.

Семь десятых — моя блестящая карьера ангела смерти. Занятие это отнимает большую часть времени, но дохода не приносит. Поэтому не уверена, можно ли его назвать работой.

Мы прошли за полицейское ограждение ровно в пять тридцать с чем-то. Дядя Боб побагровел от злости, но апоплексическим ударом там и не пахло.

— Почти шесть, — процедил он, постучав по циферблату часов.

Так мне и надо.

На нем был тот же коричневый костюм, что и вчера, но щеки чисто выбриты, усы аккуратно расчесаны, и от него пахло недорогим одеколоном. Дядя взял меня за подбородок и повернул мою голову, чтобы хорошенько рассмотреть синяки.

— Скорее уж половина шестого, — возразила я.

— Я звонил тебе больше часа назад. И учись уворачиваться от ударов.

— Ты позвонил в полпятого, — процедила я, оттолкнув его руку. — Ненавижу это время. Половину пятого утра нужно запретить законом, заменить на что-нибудь более приемлемое — например, десять минут десятого.

Дядя Боб вздохнул и щелкнул резиновым браслетом на запястье. Он объяснял мне, что этот браслет — часть программы, которая позволяет ему справляться с раздражением, но я так и не поняла, как боль может лечить от злости. Впрочем, когда нужно, я всегда рада помочь сердитому родственнику.

— Могу пальнуть из тазера,^[4] если тебя это спасет, — шепнула я ему на ухо.

Дядя снова бросил на меня угрюмый взгляд, но ухмыльнулся, и я просияла.

Похоже, криминалист уже закончил осмотр, и нам можно было пройти на место преступления. Я старалась не замечать устремленные на меня со всех сторон неприязненные взгляды. Другие полицейские никогда толком не понимали, как у меня получается так быстро раскрывать преступления, и смотрели в мою сторону с подозрением и опаской. Пожалуй, в этом нет их вины. Хотя постойте. Все-таки есть.

Тут я заметила стоявшего над телом убитого Гаррета Своупса, он же сыщик-зануда. Я закатила глаза так, что едва не упала в обморок. Не то чтобы Гаррет не знал свое дело. Он учился у легендарного Фрэнка М. Ахерна — пожалуй, самого знаменитого детектива, занимавшегося розыском сбежавших должников. Насколько я слышала, благодаря урокам

мистера Ахерна Гаррет, если бы захотел, смог бы найти даже Хоффу.^[5]

Кроме того, он был хорош собой. Брюнет с короткой стрижкой, широкими плечами, кожей цвета шоколада и дымчато-серыми глазами, взгляд которых покорял любую засмотревшуюся в них девушку.

Слава богу, у меня никогда не хватало на это терпения.

Если бы меня попросили угадать его происхождение, я ответила бы, что он негр лишь наполовину. Более светлый оттенок кожи и серые глаза свидетельствовали о том, что он полукровка. Правда, я не знала, кто он на вторую половину — белый или латиноамериканец. Тем не менее у него была уверенная походка и теплая улыбка, и куда бы он ни шел, все провожали его взглядом. Внешность — явно не та область, которую ему следовало совершенствовать.

Нет, Гаррет был невыносим совсем по другим причинам. Едва я шагнула на свет, как он оглядел синяки на моей челюсти и хмыкнул:

— Свидание вслепую?

Я средним пальцем почесала бровь, одновременно как бы посылая этого нахала куда положено. У меня здорово получается делать несколько дел сразу. А Гаррету хоть бы хны. Он снова ухмыльнулся.

Ладно, он не виноват в том, что ведет себя как придурок. Своупс неплохо ко мне относился, пока дядя Боб в дурном порыве пьяной откровенности не выболтал ему наш маленький секрет. Разумеется, Своупс не поверил ни единому слову. Да и кто бы поверил? Это случилось около месяца назад, и с тех пор наши отношения, ранее вполне дружеские, заметно охладели. Гаррет считал, что по мне плачет психушка. И по дяде Бобу — раз тот верит, что я на самом деле вижу призраки. У некоторых людей напрочь отсутствует воображение.

— Что ты здесь делаешь, Своупс? — раздраженно бросила я. Сказать, что я разозлилась — значит ничего не сказать.

— Подумал, что, возможно, это один из моих должников.

— И как?

— Разве что наркоманы носят костюмы за три штуки и мокасины за полторы.

— Какая жалость. Ведь за мертвого должника гонорар наверняка получить проще.

Гаррет пожал плечами, но возражать не стал.

— Это я попросил его приехать, — пояснил дядя Боб. — Лишняя пара глаз никогда не помешает.

Я изо всех сил старалась не смотреть на тело (призраки я еще терплю, а вот трупы не переношу) — но тут мое внимание привлекло какое-то движение именно в той стороне.

— Что-нибудь заметила? — поинтересовался дядя Боб (хотя он до сих пор считает меня чокнутой), но я так увлеклась разглядыванием призрака, спрятавшегося в мертвеце, что не ответила.

Я осторожно приблизилась к трупу и ткнула его носком ботинка:

— Эй, чувак, ты что там делаешь?

Призрак уставился на меня широко раскрытыми глазами:

— Я не могу пошевелить ногами.

Я фыркнула.

— И руками, и ногами, и глаза открыть тоже не можешь. Ты умер.

— Господи Иисусе, — процедил Гаррет сквозь зубы.

— Послушай, — повернулась я к нему. — Копайся в своей песочнице и не лезь, куда не просят. Comprendre?^[6]

— Я жив.

Я снова обернулась к трупу:

— Дружок, ты так же мертв, как моя бабушка Лиллиан, а ее давно черви съели, уж поверь мне.

— Нет, я жив. Я не умер. Почему никто не пытается меня спасти?

— Гм. Наверно, потому что ты мертв?

Я услышала, как Гаррет что-то еле слышно пробормотал себе под нос и отошел. Вечно скептики делают из мухи слона.

— Ладно, допустим, я умер. Как же я тогда с вами разговариваю? И почему вы такая блестящая?

— Долгая песня. Поверьте мне, сэр, вы мертвы.

Тут к нам подошел сержант Дуайт. В униформе полицейского управления Альбукерке он выглядел строго и молодцевато.

— Мисс Дэвидсон, вы только что пнули тело?

— Помилуйте, но я же живой!

— Нет.

Сержант Дуайт сурово на меня посмотрел. А я постаралась не рассмеяться.

— Все под контролем, сержант, — заверил его дядя Боб.

Сержант обернулся к нему, и оба полицейских добрую минуту мерили друг друга свирепым взглядом. Наконец Дуайт проговорил:

— Почему на моем месте преступления топчутся ваши родственники?

— Ах, на вашем? — переспросил дядя Боб, и у него на виске забила жилка.

Я хотела было щелкнуть резинкой на его запястье, но засомневалась, подействует ли.

— Дядя Боб, — позвала я, похлопав его по руке, — пойдём поговорим, хорошо?

Я развернулась и пошла, не дожидаясь дяди, — надеялась, что он последует за мной. Он так и сделал. Мы прошли мимо прожекторов к дереву и встали поодаль, чтобы нас никто не услышал. Я послала сержанту Дубине Дуайту нахальную улыбку. Кажется, он зарычал. Как здорово, что я не стараюсь всем понравиться.

— Ну? — спросил дядя Боб, когда к нам неохотно присоединился Гаррет.

— Не знаю. Он не хочет вылезать из тела.

— Чего? — Гаррет запустил руку в волосы. — С ума сойти!

Я проигнорировала его реплику, наблюдая, как Сассмэн подошел к третьему призраку, оказавшемуся на месте преступления, — ослепительной блондинке в строгом пиджаке и юбке цвета пожарной машины. В ней изумительно сочетались женственность и сила. Она мне уже нравилась. Сассмэн пожал женщине руку. Потом они обернулись и уставились на мертвеца, лежащего в луже собственной крови.

— Похоже, они знакомы, — предположила я.

— Кто? — переспросил дядя Боб, оглядевшись, как будто мог их увидеть.

— Ты знаешь, кто этот парень?

— Ага. — Дядя выудил из кармана записную книжку, напомнив мне, что пора заглянуть в магазин. Все мои блокноты исписаны от корки до корки. В итоге я записываю важную информацию на руке, а потом по рассеянности смываю.

— Джейсон Барбер. Адвокат. Работает в компании...

— Сассмэн, Эллери и Барбер, — в унисон с дядей Бобом произнес Сассмэн.

— Вы адвокат? — уточнила я у него.

— Именно так. А это мой партнер, Элизабет Эллери.

— Привет, Элизабет, — поздоровалась я, протягивая руку. Гаррет ущипнул себя за кончик носа.

— Мисс Дэвидсон, Патрик мне сказал, что вы нас видите.

— Ага.

— Но как?..

— Долгая история, — резко сказала я, предупреждая поток вопросов. — Сначала мне хотелось бы кое-что уточнить. Вы трое работаете в одной фирме и все умерли сегодня ночью?

— Кто еще умер сегодня ночью? — всполошился дядя Боб, стремительно листая записную книжку.

— Нас всех убили этой ночью, — поправил Сассмэн. — Два выстрела в голову из пистолета калибром девять миллиметров.

Элизабет подняла идеально очерченные брови.

— Два выстрела?

Сассмэн робко улыбнулся и ковырнул носком ботинка грязь под ногами.

— Я слышал, как об этом говорили копы.

— У меня записано только два убийства.

Я подняла глаза на дядю Боба:

— У тебя только два? Сегодня ночью было совершено три убийства.

Гаррет промолчал, очевидно пытаясь отгадать, к чему я клоню, — откуда я узнала о третьем убийстве, раз не вижу покойников, а значит, те не могут мне сообщить, что умерли. Это же просто невозможно.

Дядя Боб сверился с блокнотом.

— У нас есть Патрик Сассмэн, найден возле собственного дома в районе Маунтин-Ран, и вот этот, некий Джейсон Барбер.

— Сейчас с нами здесь Патрик Сассмэн... Третий, — пояснила я, ухмыльнувшись Сассмэну, — и Джейсон Барбер. Но он пока все отрицает. — Я оглянулась: коронер застегнул молнию на мешке с трупом.

— Помогите! — завопил Барбер, извиваясь всем телом, точно червь на сковородке. — Я задыхаюсь!

— Ради бога, встаньте уже, — проскрежетала я.

— И?.. — не отставал дядя Боб.

— Еще была убита Элизабет Эллери, — добавила я. Терпеть не могу говорить о присутствующих в третьем лице. Неловко.

Гаррет разглядывал меня с нескрываемым раздражением. Сталкиваясь с тем, во что невозможно поверить, люди часто злятся. Но, положив руку на сердце, пошел бы этот Своупс к черту.

— Элизабет Эллери? Нет у нас никакой Элизабет Эллери.

Элизабет изучающе посмотрела на Гаррета:

— Похоже, он чем-то расстроен.

Я кивнула:

— Он не верит, что я могу видеть умерших. Его бесит, что я с вами разговариваю.

— Очень жаль. Он... — Элизабет наклонила голову, чтобы рассмотреть его с тыла, — симпатичный.

Я хихикнула, и мы легонько хлопнули друг друга по руке, отчего Гаррет разозлился еще больше.

— Вы знаете, где ваше тело? — поинтересовалась я у Элизабет.

— Да. Я шла в гости к сестре, она живет между Индиан-Скул и Челвуд. Я несла племяннику подарок. Пропустила его день рождения... — с грустью заключила она, словно осознав в эту минуту, что ей предстоит пропустить и все остальное. — Я услышала, что дети играют на заднем дворе, и решила подкрасться незаметно, чтобы застать их врасплох. Это последнее, что я помню.

— Вы тоже не видели, кто стрелял? — уточнила я.

Она покачала головой.

— Быть может, вы что-то слышали? Раз в вас стреляли, значит...

— Не помню.

— У него был глушитель, — пояснил Сассмэн. — Звук был странный, приглушенный, словно дверью хлопнули.

— Нападавший воспользовался глушителем, — сообщила я дяде Бобу. — И ни один из убитых не видел, кто стрелял. Где именно лежит ваше тело? — спросила я Элизабет; она объясняла мне, а я передавала ее слова дяде. — Сбоку от дома. Там растут густые кусты, и поэтому, очевидно, ее до сих пор не обнаружили.

— Как она выглядит? — поинтересовался дядя Боб.

— Хм... Европейской внешности, рост примерно метр семьдесят пять, — проговорила я, на глаз прикинув ее рост минус восьмисантиметровые шпильки.

— Правильно, — похвалила меня Элизабет.

Я польщенно улыбнулась.

— Светлые волосы, голубые глаза, маленькая родинка на правом виске.

Женщина смущенно вытерла висок.

— Наверно, это кровь.

— Ох, извините. Иногда трудно различить цвет. — Я указала дяде Бобу на строчку в записной книжке. — Вычеркни родинку. — Потом подняла на него глаза. — Скорее всего, она окажется единственной покойницей в округе в красной дизайнерской юбке и туфлях на шпильках.

Гаррет едва не зарычал на меня и велел сквозь зубы:

— Садись ко мне в машину. Вместе с убитой, — язвительно добавил он.

Я обернулась к дяде Бобу:

— И ты позволишь ему так со мной разговаривать?

Дядя Боб пожал плечами:

— У него туго с соображалкой.

— Кто бы сомневался, — фыркнула я.

Не то чтобы я не могла поставить Гаррета на место. Просто мне захотелось пожаловаться. Но перед уходом надо было разобраться с Барбером. Пока коронер разговаривал с сержантом Дуайтом, мы с Элизабет и Сассмэном подошли к «скорой». Нос Барбера торчал из похоронного мешка.

— Чувак, я не шучу, давай вылезай из тела. Ты меня достал.

Он чуть приподнялся — так, чтобы я увидела его лицо.

— Черт возьми, это мое тело. Я знаю законы: девять десятых посвящены праву собственности. А что касается вас, — продолжал он, высунув указательный палец из мешка, — то разве вы не должны нам помогать? Поддерживать в трудную минуту? Разве не этим вы занимаетесь?

— Нет, если удастся отвертеться.

— Так я вот что вам скажу: из-за своей работы вы потеряли жалость к людям, — упрекнул он меня.

Я со вздохом повернулась к Сассмэну:

— Никто не ценит мою неспособность войти в чужое положение. Быть может, вам удастся его убедить?

Гаррет стоял возле своей машины, раздосадованный тем, что я не побежала за ним, виляя хвостом, как нашкодивший щенок.

— Дэвидсон! — крикнул он из-за капота.

— Своупс! — выпалила я, пародируя старую традицию обращаться к коллегам по фамилии, и обернулась к адвокатам: — Встретимся попозже у меня в офисе.

Сассмэн кивнул и бросил суровый взгляд на своего компаньона, отказывавшегося признать, что от смерти не спрячешься.

Мы с Элизабет пошли к машине Гаррета.

— Можно я сяду рядом с этим красавцем?

Я улыбнулась ей во весь рот:

— Да ради бога.

*Не стучитесь в двери смерти.
Позвоните в звонок и убегайте.
Она этого терпеть не может.*

Надпись на футболке

— Держи. — Гаррет открыл пузырь со льдом, потряс его и бросил мне, сворачивая на Сентрал. — У тебя вся физиономия перекошена.

— Я надеялась, что никто не заметит. — Я подмигнула Элизабет, которая сидела между нами; Гаррету, разумеется, я об этом не сообщила. Кое о чем лучше умалчивать.

Гаррет раздраженно посмотрел на меня:

— Ты надеялась, что никто не заметит? Да где ты живешь — в мире своих дурацких фантазий?

— Ого, — бросила Элизабет, — он вас распекает явно не по долгу службы.

— Ты меня достал. Отвали, — ответила я. Гаррету, не Элизабет.

Если тебя зовут Чарли Дэвидсон, это обязывает. Такое имя не терпит возражений. Не выносит оскорблений. А новым клиентам кажется, что они его где-то слышали. Как будто мы уже знакомы. Все равно что называться Мартой Вашингтон или Тедом Банди.

Я посмотрела в зеркало заднего вида на черно-белую полицейскую машину, следовавшую за нами к месту, где, по информации, полученной детективом Робертом Дэвидсоном из анонимного источника, лежит тело еще одной жертвы. Дядя Боб частенько получает сведения из анонимных источников. И Гаррет начал догадываться, что к чему.

— Так это ты его загадочный всемогущий информатор?

Я задохнулась от изумления:

— Ты этими губами и маму целуешь? Хотя насчет всемогущего мне понравилось. — Гаррет бросил на меня сердитый взгляд, и я пояснила: — Да. Я его анонимный источник. С пяти лет.

На лице Своупса появилось недоверчивое выражение.

— Дядя брал тебя с собой на место преступления, когда тебе было пять лет?

— Не говори чепухи. Дядя Боб никогда бы себе этого не позволил. Да ему и не нужно было. Меня брал с собой папа. — У Гаррета челюсть упала, и я рассмеялась. — Шучу. Мне не обязательно быть на месте преступления. Жертвы находят дорогу ко мне без моей помощи. Говорят, я очень яркая.

Он отвернулся и уставился на розовые и оранжевые полосы восхода на горизонте.

— Извини, но я в это не верю.

— Не извиню.

— Ладно, — раздраженно отрезал Своупс, — если все это правда, тогда скажи, в чем моя мама была на своих похоронах.

Прекрасно. Еще один.

— Видишь ли, твоя мама, скорее всего, ушла куда-то еще. Ну, к свету, — пояснила я, пошевелив пальцами. — Как большинство умерших. У меня нет волшебного кольца, которое открывало бы двери в иной мир. А пропуск давным-давно просрочен.

Он фыркнул.

— Ловко.

— Своупс, — начала я, собралась с духом и прижала лед к щеке. Когда я склонила голову на компресс, челюсть пронзила боль. — Все в порядке. Ты не виноват в том, что придурок. Я давным-давно поняла: нельзя говорить людям правду. Зря дядя Боб тебе рассказал. — Я замолчала, ожидая ответа. Не получив его, продолжила: — У каждого из нас свое представление о том, как устроен мир. И когда вдруг появляется тот, кто его меняет, мы не знаем, как быть. Это наше слабое место. Тяжело усомниться в том, во что всегда верил. Поэтому я и сказала, что ты не виноват. Хочешь, верь мне, хочешь, нет, но в любом случае отвечать за последствия придется самому. Поэтому хорошенько обдумай все, прежде чем решить, — заключила я и улыбнулась здоровым краешком губ.

Не услышав в ответ фирменных острот Своупса, я открыла глаза и увидела, что он меня рассматривает. Через Элизабет, но все же... Мы стояли на светофоре, и он воспользовался передышкой, чтобы проверить мои слова своим нюхом ищейки. В его серых глазах, поразительно ярких на фоне смуглой кожи, блестело любопытство.

— Зеленый, — заметила я, чтобы рассеять чары.

Он моргнул и нажал на педаль газа.

— Мне кажется, вы ему нравитесь, — поделилась наблюдением Элизабет.

Поскольку я не сказала Гаррету, что она едет с нами, то послала ей сокращенный вариант моего убийственного взгляда. Она хихикнула.

Мы проехали еще несколько кварталов, и наконец Гаррет задал убойный вопрос:

— Так кто же тебя избил?

— А я что говорила! — обрадовалась Элизабет.

Я заскрипела зубами и поморщилась, сдвигая компресс пониже.

— Была у меня одна клиентка.

— Это она тебя так отделала?

От его слов отдаленно повеяло прежним, нормальным Гарретом.

— Нет, меня избил муж клиентки. Я его отвлекала, пока клиентка садилась на самолет до Мехико.

— Только не говори, что ты ввязалась в дело о домашнем насилии.

— Не говорю.

— Ввязалась, значит?

— Ага.

— Черт побери, Дэвидсон, неужели ты ничему у меня не научилась?

Настал мой черед взглянуть на Своупса с недоумением.

— Ты научил меня тому, что узнал от Фрэнка Ахерна: как помочь людям скрыться. Как ты полагаешь, зачем мне это вообще нужно?

— Уж не затем, чтобы вмешиваться в домашние разборки.

— Да все мои дела так или иначе с ними связаны. Чем, по-твоему, занимаются частные детективы?

Разумеется, он тоже имеет лицензию частного детектива и мог втихомолку разузнать побольше о моем окружении, но предпочел заняться должниками. Таким умельцам, как он, возврат долгов приносит неплохой доход. Да и, если честно, в этом случае я не могла с ним не согласиться. Я взвалила на плечи ношу не по себе. Но в итоге все закончилось благополучно.

Клиентка, она же Роза Хершел, взяла мой телефон у знакомой своей подруги, позвонила однажды вечером и попросила подъехать к супермаркету в западном районе. Наше знакомство напоминало кино про шпионов. Чтобы улизнуть из дому, она наврала мужу, что ей нужно купить молока, и мы встретились в темном уголке на стоянке у магазина. Меня насторожило уже то, что ей пришлось придумывать предлог, чтобы уйти из дому. Мне бы тогда бежать куда глаза глядят, но Роза была в таком отчаянии, так дрожала от страха и настолько устала от того, что муж, хронический неудачник, постоянно вымещал на ней злость, что я не смогла ей отказать. Моя челюсть — ничто по сравнению с ужасным фонарем, который светил под глазом у бедняжки в нашу первую встречу. Мы обе понимали, что, попытайся Роза уйти от мужа без моей помощи, она не дожила бы до следующего дня рождения.

Родом она была из Мексики, там у нее остались родственники, и мы разработали план, как ей встретиться с тетей в Мехико. Оттуда обе уедут на юг и на захваченную с собой небольшую сумму откроют пансиончик на берегу неподалеку от деревни, где жили дедушка и бабушка Розы.

Роза сказала, что с ее мексиканской родней муж незнаком. Шансы на то, что он отыщет в Мехико нужную семью Гутьеррес, стремятся к нулю. Но на всякий случай мы приготовили для моей клиентки и ее тети новые документы. Что само по себе целое приключение.

Потом я отправила мистеру Хершелу анонимку, в которой представилась тайной поклонницей и пригласила выпить в баре в западной части города. Мне безумно хотелось провернуть дельце в безопасном папином заведении, но я не могла рисковать: вдруг кто-то окликнул бы меня по имени. Итак, я отвезла Розу в аэропорт и вернулась на противоположный берег Рио-Гранде. До вылета оставалось несколько часов, но я придумала, чем занять Хершела на всю ночь. Я решила спровоцировать его, чтобы он меня ударил, и вызвать полицию. Не скажу, что это было просто. Мне пришлось попотеть: сперва я отчаянно пыталась его соблазнить, точно лисица в течку, а потом давала отбой, да так, что казалось, будто я вlepила ему пощечину. Разумеется, такой тип, как этот Хершел, не смог стерпеть, что ему прокрутили динамо. Несколько грубых шуток про маленький член да пара оскорбительных смешков — и в ход пошли кулаки.

Конечно, достаточно было бы просто напоить его в стельку, а потом бросить где-нибудь на бульваре, но я не могла допустить, чтобы он обнаружил исчезновение жены раньше утра. Ночь в участке — вот все, что нам было нужно. Сейчас Роза уже, наверно, всю осваивает новую профессию — хозяйки гостиницы.

— Это здесь, — подала голос Элизабет.

— Ага, сюда, — передала я Гаррету. — Дом на углу?

Женщина кивнула.

Мы нашли тело Элизабет там, где она и сказала. Сначала я заметила ее туфли, красные, дорогие, с острыми носами, потом перевела взгляд на покойницу. Описание совпало точь-в-точь. Я не подкачала. Я отошла в сторону и присела на крыльцо, пока Гаррет общался с полицейским.

Ругая себя за то, что не осмотрела тело и место преступления в поисках улик, как поступил бы настоящий частный детектив, я вдруг краем глаза заметила какое-то расплывчатое пятно. Не просто в глазах помутилось, как со всеми иногда случается. Пятно было слишком темное и... плотное.

Я стремительно обернулась, но ничего не увидела. Снова. Последнее время такое

бывало частенько. Темные пятна на периферии зрения. Я решила, что либо умер Супермен и теперь носится по всей стране со скоростью света (потому что мертвые передвигаются медленно, появляются из ниоткуда и так же исчезают), либо у меня множественные мини-удары, которые однажды приведут к обширному и губительному кровоизлиянию в мозг.

Мне явно пора проверить холестерин.

Разумеется, этим пятнам было и третье объяснение. Мне не хотелось об этом думать. Но оно пролило бы свет на многое.

В отличие от большинства людей, я не боялась непонятного. Ни темноты, ни монстров, ни привидений. В противном случае я никогда не стала бы настоящим ангелом смерти. Однако кто-то (или что-то) меня преследовал. Я неделями пыталась убедить себя, что мне это почудилось. Но за всю свою жизнь я видела лишь одно существо, которое двигалось с такой скоростью. И оно было единственным на том и этом свете, что меня пугало.

Я никогда особо не задумывалась над причинами своего необычного страха, потому что это существо ни разу не причинило мне вреда. Сказать по правде, несколько раз оно спасло мне жизнь. Спасло, когда в детстве меня едва не похитил условно освобожденный из тюрьмы педофил. Спасло, когда в старших классах Брэд Уокер чуть не сбил меня на отцовском джипе. Спасло, когда в колледже на меня неожиданно напали. Я не придавала особого значения тому, что кто-то преследует меня по пятам, пока не появился мой защитник. И лишь тогда, когда чуть не стало слишком поздно, я осознала, что моя жизнь подвергалась опасности.

Вы скажете, что мне следует быть благодарнее. Но дело не только в том, что таинственное существо уберегло меня от гибели. А в том, как оно это провернуло. Меня немного смущала его способность перерубать позвоночник пополам, не оставив на теле видимых следов.

В старших классах, когда остальные подростки отчаянно пытались понять, кто же они такие, найти свое место в мире, это существо сказало мне, кто я. Оно прошептало мне на ухо роль, которую мне предстоит играть в жизни, когда я красила губы в девчачьем туалете. Таких слов я не слыхала никогда; они сгустились в воздухе, дожидаясь, пока я их вдохну, приму свой путь и предназначение. Вокруг меня суетились школьницы, мельком оглядывали себя в зеркале, но я не видела никого, кроме таинственного существа, стоявшего передо мной; огромное, в плаще, оно меня подавляло, и я задыхалась, точно в вакууме.

Когда все девочки ушли и мой страшный гость исчез, я проторчала перед зеркалом битых пятнадцать минут, еле дыша, не в силах пошевелиться, пока миссис Уорзи не выловила меня и не отправила к директору за то, что я прогуливаю урок.

Существо было мрачным и жутким; с каждым своим появлением оно сообщало мне очередную колоритную мудрость из загробной жизни и пугало меня до икоты, так что после его ухода я тряслась от страха. По крайней мере, я была ярким и сияющим ангелом смерти. А он был черен, опасен и сеял смерть, как сухой лед испускает пар. Еще в детстве я решила дать ему какое-нибудь простое, нестрашное имя, но «Пушистик» как-то не подошел. В конце концов я окрестила его Злодеем.

— Мисс Дэвидсон, — окликнула меня сидевшая рядом Элизабет.

Я моргнула и огляделась по сторонам:

— Вы кого-то заметили?

Она тоже окинула взглядом окрестности:

— Вроде бы нет.

— Может, пятно? Нечто темное и... расплывчатое?

— Нет.

— Да-да, извините. Так что вы хотели?

— Я не хочу, чтобы племянники проснулись и увидели мое тело. Оно как раз у них под окном.

Я задумалась на мгновение.

— Вы правы. Пожалуй, следует сообщить о случившемся вашей сестре.

Элизабет грустно кивнула. Я подозвала Гаррета и договорилась, что мы с полицейским позвоним в дверь и сообщим хозяйке скорбную весть. Быть может, Элизабет подскажет мне правильные слова. Ее присутствие облегчит нам эту печальную обязанность. По крайней мере, я на это надеялась.

Спустя час я сидела в джипе дяди и дышала в бумажный пакет.

— Надо было дождаться меня, — участливо проговорил дядя Боб.

Больше никогда. Оказывается, бывают сестры, которые искренне любят друг друга. Кто бы мог подумать? Женщина билась в истерике у меня на груди. Больше всего ее мучило то, что тело Элизабет всю ночь пролежало возле ее дома, а она ничего не знала. Пожалуй, мне следовало об этом умолчать. Бедняжка схватила меня за плечи, да так, что ногти впились в кожу; не в силах поверить в случившееся, она трясла волосами, растрепанными с утра, как у танцора диско или наркомана, сидящего на крэке, и в конце концов осела на пол и зарыдала. Скорее всего, нервный срыв.

Но самое худшее началось, когда я упала рядом с ней и тоже заревела. С мертвецами мне проще. Они обычно не закатывают истерик. Это привилегия оставшихся. Самое трудное в моей работе. Мы обнялись с сестрой Элизабет и долго сидели, пока не явился дядя Боб и не оттащил меня от нее. Зять Элизабет собрал детей, они вышли через боковую дверь и сели в машину, чтобы ехать к бабушке. В общем, настоящая любящая семья.

— Потихе, — предостерег дядя Боб, когда я спрятала лицо в пакет. — Если ты переусердствуешь и отключишься, я тебя не удержу. Позавчера играл в гольф и повредил плечо.

До чего у меня заботливая родня. Я постаралась дышать медленнее, но не переставала думать о бедной женщине, потерявшей сестру, лучшего друга, верного товарища. Что она будет делать? Как справиться с тем, что выпало на ее долю? Где найдет силы жить? Я снова залилась слезами, дядя Боб махнул рукой и оставил меня в джипе одну.

— Она справится.

Я посмотрела в зеркало заднего вида на Элизабет и всхлипнула.

— Она сильная, — добавила та.

Похоже, она ужасно переживала, а я ей ничем не могла помочь.

Я снова всхлипнула:

— Простите. Мне не надо было заходить в дом.

— Вовсе нет. Я очень благодарна вам за то, что там были именно вы, а не толпа копов. Есть вещи, которых мужчинам просто не понять.

Я оглянулась на Гаррета, беседовавшего с дядей Бобом; Своупс покачал головой и бросил на меня бесстрастный взгляд.

— Пожалуй, вы правы.

Мне пора было браться за работу, и поскорее, но Элизабет хотела проведать мать и узнать, как там идут дела. Мы договорились позже встретиться у меня в офисе, и я попросила полицейского отвезти меня к Развалюхе.

Поездка подействовала на меня умиротворяюще. Люди выходили на улицу и шагали на работу. Солнце, маячившее на горизонте, заливало мягким светом оживленный утренний Альбукерке и внушало надежду на то, что можно все начать заново. Проносившиеся мимо дома в стиле пуэбло^[7] с аккуратно подстриженными лужайками неожиданно сменились деловым районом, где каждый дюйм был застроен старыми и новыми зданиями.

— Вам лучше, мисс Дэвидсон?

Я уставилась на Тафта. Он был одним из молодых полицейских, стремившихся поладить с моим дядей, и поэтому согласился меня подвезти, воображая, что это как-то поможет его карьере. Интересно, знал ли он, что на заднем сиденье везет призрак девочки? Очевидно, даже не догадывался.

— Да, спасибо, мне гораздо лучше.

Он улыбнулся. Формально проявив участие, дальше он мог спокойно меня игнорировать.

Обычно я не имею ничего против того, чтобы на меня не обращали внимания, но мне хотелось расспросить Тафта о белокурой девочке, на вид лет девяти, которая смотрела на него с таким обожанием, будто он только что спас мир от гибели. Но такой вопрос требовал такта. Умения. Хитрости.

— Это не у вас в машине недавно умерла девочка?

— У меня в машине? — изумленно переспросил полицейский. — Нет. По крайней мере, я на это надеюсь, — усмехнулся он.

— Ну и хорошо.

Он неловко поерзал, обдумывая мои слова.

— Ничего об этом не знал. Разве у кого-то...

— Нет, что вы, просто ходили слухи.

Тафт, вероятно, слышал все обо мне от других мальчишек из той же песочницы на детской площадке. Вечно они сплетничают. Он явно хотел свести общение к минимуму. Но любопытство одержало надо мной верх.

— Значит, недавно умерла какая-то девочка, которую вы знали? Светленькая такая?

Тафт уставился на меня так, будто я окосела и пускаю слюни. На всякий случай я вытерла опухший уголок рта.

— Нет. — Он задумался. — Но примерно месяц назад погибла одна девочка. У нее были светлые волосы. Я пытался сделать ей искусственное дыхание, но оказалось слишком поздно. Такое горе.

— Верю. Мне очень жаль.

Девочка вздохнула:

— Правда, он классный?

Я фыркнула.

— Что? — переспросил Тафт.

— Ничего-ничего. То есть — это действительно трагедия.

— Полегче, сука.

Я изо всех сил постаралась не выпучить от удивления глаза. Живым странно наблюдать, как я реагирую на что-то, чего они не видят и не слышат. Я осторожно обернулась к девочке, делая вид, что люблю пейзажем позади, и вопросительно приподняла брови.

— Ты его не получишь, поняла? — рявкнула она из-за решетки.

— Угу, — тихонько произнесла я.

Тафт покосился на меня:

— Прекрасный район.

— Да, пожалуй.

— Я тебе глаза выцарапаю, слышишь, ты, уродина!

Уродина? Ну все, с меня хватит. Пора поиграть в мобильник.

— Ой, — произнесла я, роясь в сумочке. — Кажется, у меня жужжал телефон. — Я щелчком открыла трубку. — Алло?

— На твоём месте я бы не стала пользоваться пудрой с блестками. От нее никакого толка.

— Она без блесток.

— И перестань пялиться на него. Он заслуживает кого-нибудь по красивее.

— Послушай, малышка, — начала я, снова оборачиваясь, чтобы полюбоваться пейзажем за спиной. Надеюсь, это не было похоже на то, что я беседую с призраком на заднем сиденье, притворяясь, будто болтаю по телефону. — У меня невероятный роман с парнем, который тоже никогда не будет со мной. Comprendre?

Девочка стукнула кулачками по обтянутым пижамой коленкам и сверкнула на меня глазами:

— Я тебя предупредила, сука.

— Прекрати меня так называть, малявка!

Тут я заметила, что Тафт удивленно сдвинул брови.

— Ох уж эти родственники, — хохотнула я.

Разумеется, фокус с мобильником срабатывал, когда на телефоне был выключен звук. Пока я пыталась объяснить юной собеседнице, что свет совсем рядом и ей следует войти в него, мой сотовый заиграл Пятую симфонию Бетховена — это значило, что звонит дядя Боб. Едва не выронив телефон, я улыбнулась Тафту.

— Наверно, предыдущий звонок оборвался. — Я не стала комментировать тот факт, что несколькими секундами ранее был якобы включен только виброзвонок.

Призрак на заднем сиденье злорадно расхохотался. Откуда, черт возьми, взялся этот ребенок? Тут меня осенило. Вот оно что! Может, она пришла из ада?

— Черт, — пробормотала я.

— Ты же хочешь, чтобы я отправилась к свету, так что сама иди ко всем чертям, — ухмыльнулась несносная девчонка.

— Я этого совсем не хочу!

— Ладно, — озадаченно произнес дядя Боб. — Больше не буду звать тебя «малышкой».

— Прости, дядя, я приняла тебя за другого.

— Да, меня часто путают с Томом Селлеком. ^[8]

— Вашему дяде ничего не надо? Может, кофе? Латте? — оживился Тафт.

Подлизывается, как девчонка.

— Раз уж вы спросили, ему нужна суррогатная мать для внебрачного ребенка.

Тафт поджал губы, отвернулся и уставился на дорогу.

Ладно, признаю, это прозвучало грубовато. Чертенок на заднем сиденье думал так же. Она замахнулась на меня.

Рассмеявшись, я увернулась от ее кулачка, якобы случайно уронив вишневую гигиеническую помаду на пол.

— Молчание — знак согласия, — сказал дядя Боб.

— Хорошо. В девять у меня в офисе. Поняла. Я только забегу домой, чего-нибудь перехвачу и приду.

— Спасибо, малышка. Как ты себя чувствуешь?

— Я? Лучше всех, как всегда, — ответила я, и в этот момент златокудрый бесенок прыгнул на меня и попытался вцепиться в лицо. Девчонка выпала из машины где-то между Карлайл и Сан-Матео. — Знаешь, дядя Боб, недавно я совершенно точно выяснила, почему некоторые виды съедают свое потомство.

Я люблю детей, но целого мне не съесть.

Наклейка на бампер

Я опасалась, что белокурый бесенок увяжется за мной и продолжит мотать мне нервы, поэтому, прежде чем забраться в Развалюху и помчаться домой, убедилась, что девчонки нигде не видно. На всякий случай я вихрем влетела в квартиру, торопливо поздоровалась с мистером Вонгом и обшарила тумбочку под телевизором в поисках штучек для изгнания бесов. Я держу их там, потому что экзорцизм — это очень весело.

Если честно, я ничего такого не умею, несмотря на все преимущества ангела смерти. В моих силах лишь помочь призракам разобраться, почему они все еще на земле, а потом заманить их в мир света. Я не могу заставить их делать что-то против воли. По крайней мере, мне так кажется. На самом деле я просто никогда не пробовала. Но я могу их обвести вокруг пальца. Несколько свечек, короткая молитва — вуаля, экзорцизм дня. Ключнув на это, покойники уходят даже вопреки собственному желанию. Все, кроме мистера Хабершема. Когда я попыталась его изгнать, он только рассмеялся. Старый пердун.

Несмотря на мистера Хабершема — и, положа руку на сердце, мистера Вонга, — мне нравится здесь жить. И не только потому, что мой дом, «Плотина», расположен ровно за папиным баром, а следовательно, и моим офисом; это еще и местная достопримечательность.

Я живу здесь чуть более трех лет, но когда была помладше — слишком маленькой, чтобы знать о существовании порока, — это старое здание впечаталось в мою память, хотя и не по собственной вине. Позже, когда папа купил здесь бар, я зашла на стоянку позади дома и снова увидела «Плотину» — впервые за десять лет. Подняв глаза на затейливый готический орнамент над входом (что редкость в Альбукерке), я замерла как вкопанная: перед моим мысленным взором закрутился калейдоскоп мучительных и мрачных воспоминаний. От них у меня сжало сердце, сперло дыхание, и с тех пор я буквально одержима этим домом.

У нас общая история — ужасная, кошмарная история, в которой был замешан условно освобожденный за взятку насильник. Наверно, мне казалось, что, поселившись здесь, я справлюсь со своими демонами. Но это срабатывало, только если демоны не появлялись.

Я включила кофеварку и пошла в ванную проверить, не опухли ли мои глаза, как прежде челюсть. Реветь в три ручья, как кинозвезда в реабилитационном центре, — не лучший способ сохранить красоту. Но потом я заметила, что красные мешки под глазами подчеркивают их золотистый оттенок. Круто. Я открыла горячий кран на полную мощность и выждала необходимые десять минут, пока вода нагрелась.

А еще говорят, что в Нью-Мексико нехватка воды. Судя по нашему дому, это не так.

Тут я услышала, как в квартиру с кружкой кофе в руках зашла Куки, моя соседка, она же лучшая подруга, она же секретарь. Куки очень похожа на Крамера из «Сейнфелда», только не такая нервная, — скажем, как Крамер на прозаке. А про кофейную кружку я сказала, потому что у нее в руках всегда кружка кофе. Без него ей трудно связывать слова в предложения.

— Дорогая, я дома! — крикнула она из кухни.

С этим не поспоришь.

— Я тоже! — прозвенел нежный голосок.

Я познакомилась с Куки, когда перебралась в «Плотину». Она тогда только переехала сюда после безобразного развода (ее слова) — и мы быстро подружились. Но к ней в комплекте прилагалась дочь Эмбер. Мы с Куки сразу же поладили, а вот насчет ее дочки я поначалу немного сомневалась. Мне никогда особенно не нравились существа ростом метр с кепкой, наделенные сверхъестественной способностью за считанные секунды указать мне на все мои недостатки. А еще (исключительно для протокола) я тоже умею читать, не шевеля губами. Но я решила завоевать Эмбер любой ценой. И стоило нам разок сыграть в мини-гольф, как она уже могла веревки из меня вить.

— Я сейчас! — прокричала я из ванной. Должно быть, миссис Лёвенштейн, соседка снизу, затеяла стирку, потому что вода быстро превратилась в кипяток. Я умывалась в клубах пара. Потом взглянула в зеркало, и у меня снова опустились руки. Слава богу, что парень из сна не увидит меня такой. Я промокнула лицо полотенцем, опять посмотрела в зеркало и отпрянула: на его поверхности блеснули и снова запотели буквы.

Датч.

У меня перехватило дыхание. Датч. Мне не померещилось. Парень из сна, он же Рейес, он же бог фантазий и плотских удовольствий, действительно назвал меня «Датч» тогда в душе. Кто же еще это мог быть?

Я огляделась. Никого. Я замерла и прислушалась, но слышала только, как Куки на кухне гремит посудой.

— Рейес? — Я заглянула за занавеску. — Рейес, ты здесь?

— Купи себе новую кофеварку, — крикнула мне Куки. — А то приходится ждать целую вечность.

Я вздохнула, отчаявшись найти Рейеса, и провела пальцами по каждой буквке на зеркале. Рука дрожала. Я отдернула ее и, оглядевшись напоследок, вышла из ванной, готовясь к неизбежным охам и ахам по поводу моего вида.

— Черт возьми, сколько можно... — Куки поставила кружку на стол, потом снова взяла ее и вздрогнула. — Что случилось?

— Ого! — ахнула Эмбер, придвигаясь поближе, чтобы меня рассмотреть. Ее большие голубые глаза округлились от изумления, когда она разглядывала мою щеку и челюсть. Эмбер похожа на фею, только без крыльев. Каждое ее движение дышало грацией; со временем девочка обещала стать настоящей красавицей — с длинными темными волосами, спадающими на спину, и идеально очерченными губками бантиком.

Эмбер озадаченно сдвинула брови, и я рассмеялась.

— Почему ты не в школе? — поинтересовалась я.

— За мной заедет мама Фионы. Мы идем в зоопарк на экскурсию, и мама Фионы нас сопровождает, поэтому она сказала мистеру Гонсалесу, что мы приедем прямо туда. Тебе больно?

— Ага.

— Ты дала сдачи?

— Нет. Я потеряла сознание.

— Не может быть!

— Может.

Отодвинув дочь, Куки подошла ближе и взглянула на мою челюсть.

— Тебя кто-нибудь осмотрел?

— Ага, красавец блондин, который сидел в углу бара и строил мне глазки.

Эмбер хихикнула.

Куки поджала губы:

— Я имела в виду медицинскую помощь.

— Нет, но лысеющий, хотя и на удивление сексуальный врач «скорой» сказал, что все заживет.

— Он специалист?

— По флирту.

Эмбер снова хихикнула. Люблю слушать, как она смеется — точно колокольчики звенят на ветру.

Куки смерила ее суровым материнским взглядом и повернулась ко мне. Она из тех, кому маловата безразмерная одежда, и производители подобных товаров вызывают у нее раздражение. Как-то раз мне пришлось отговаривать ее от намерения взорвать такую компанию. А в остальном она очень разумна и практична. У нее длинные черные кудри, из-за чего Куки считают ведьмой. Разумеется, никакая она не ведьма, но забавно наблюдать, как люди на нее косятся.

— Кофе еще не готов?

Куки сдалась и проверила кофеварку.

— Это самое настоящее издевательство. Как китайская пытка водой, только не так гуманно.

— У мамы ломка. Вчера вечером у нас кончился кофе.

— Ого, — протянула я, улыбнувшись Куки.

Мы уселись за стол, а Эмбер принялась искать в шкафчике пирожные.

— Кстати, забыла тебе сказать, — начала Куки, — Эмбер просила, чтобы твой папа поставил в баре автомат для терияки: она хочет петь для одиноких завсегдатаев.

— Мама, я хорошо пою. — Только двенадцатилетний подросток способен произнести слово «мама» так, словно это ругательство.

Я наклонилась к Куки:

— Разве она не знает, что это называется...

— Нет, — прошептала подруга.

— А почему ты ей не скажешь?

— Так прикольное.

Я хмыкнула и вспомнила, что Куки позавчера ходила к врачу.

— Как все прошло? Нашли какие-нибудь новые опасные болезни, о которых мне следует знать?

— Нет, но я в очередной раз убедилась, что вазелин — это здорово.

— Фиона приехала! — объявила Эмбер, захлопнув мобильный телефон, и выскочила из кухни. Потом так же стремительно вернулась, чмокнула маму в щеку, чмокнула меня в щеку — здоровую — и снова умчалась.

Куки проводила ее взглядом:

— Прямо ураган на стимуляторах.

— Может, попить успокоительное? — предположила я.

— Мне или ей? — Куки рассмеялась и направилась к кофеварке. — Выпью-ка я первую

чашку.

— У тебя каждая чашка первая. Так что все-таки сказал врач?

Куки не любит об этом говорить, но в свое время ей пришлось бороться с раком, и тот едва не победил.

— Не знаю, — пожала она плечами. — Отправил меня к другому врачу, какому-то медицинскому светилу.

— Правда? А как его зовут?

— Доктор... Черт. Забыла.

— Ах, к этому, — ухмыльнулась я. — И он хороший врач?

— Вроде бы да. Кажется, он изобрел внутренние органы или что-то вроде того.

— Ну, это плюс.

Куки налила две чашки кофе и плюхнулась возле меня.

— Нет, правда, я прекрасно себя чувствую. — Она размешала сахар и сливки. — Наверно, мой врач просто хочет удостовериться, что история не повторится.

— Он осторожен, — согласилась я, помешивая кофе. — Мне это в людях нравится, особенно в тех, у кого в руках жизнь и смерть.

— Я просто не хочу, чтобы ты за меня волновалась. Я никогда не чувствовала себя лучше. Наверно, ты держишь меня в тонусе. — Она подмигнула мне поверх кружки.

Сделав большой глоток, я заметила:

— Я думала, это привилегия Эмбер.

Куки фыркнула.

— Эмбер не упускает случая сообщить мне, что я старая зануда. «Тебе до Чарли далеко», — говорит она. Постоянно. Она процентов на девяносто уверена, что именно ты сотворила луну.

— Хоть кто-то так думает, — заметила я, приподняв брови.

— Ага. — Куки поставила чашку на стол. — Опять поругалась с красавчиком детективом?

Я откинулась на спинку стула, недовольная, что об этом зашла речь. Причем в моем собственном доме!

— Он придурок.

— Значит, я права. — Лицо Куки озарилось улыбкой. Ей очень нравится Гаррет. Меня же это... напрягает. — Рассказывай. — Она придвинулась ближе. — Что он сказал? Вы обменивались шпильками? Дрались? Ссора перешла в безудержный секс?

— Фу! — Я сморщила нос. — Ни за что, даже если бы он был последним красавчиком детективом на земле.

— А что тогда? Ты должна мне обо всем рассказать. — Свободной рукой подруга схватила меня за воротник рубашки. Я старалась не рассмеяться. — Когда же ты поймешь, что я живу твоей жизнью?

— Правда?

— Кривда! — Она расправила мой воротник и отхлебнула кофе. — У меня дочь-подросток и никакой личной жизни. Ни одного занятия, не связанного с диснеевским телеканалом. И секса тоже нет. — Она театрально махнула рукой. — Так что не испытывай мое терпение. В моей постели уже несколько лет не заносило ничего, что не работало бы на батарейках. Мне нужны подробности.

Переважив упоминание о батарейках, я заметила:

— Я же предлагала познакомить тебя с курьером Дейвом.

— Это который развозит хлеб? — Она задумалась, потом поджала губы. — Такого счастья я недостойна.

Я хихикнула, и она улыбнулась.

— Так ты расскажешь, что стряслось вчера вечером? — не отставала Куки.

— Ах да. Вчера вечером. — Я рассказала о том, как познакомилась с психованным мужем Розы, заверила подругу, что посадила свою клиентку на самолет и та спокойно улетела в Мексику. Потом добавила, что утром мне пришлось пообщаться еще с одним придурком, Гарретом, детективом-скептиком. Упомянула о кошмарной встрече с сестрой Элизабет. А потом рассказала самое интересное. О Рейесе.

— Так его зовут Рейес?

— Ага.

Куки усмехнулась:

— Ты должна произносить это имя с придыханием.

Я улыбнулась и намазала бублик с черникой сливочным клубничным сыром — тут тебе и злаки, и молоко, и фрукты.

— Я его видела один-единственный раз в жизни, в ту ночь в Саут-Вэлли, с Джеммой.

— В какую еще ночь? — Потом до нее дошло, и ее глаза округлились от изумления. — Неужели?..

— Именно. Если не ошибаюсь, это он.

Куки слышала эту историю. Я ей рассказывала дюжину раз. По меньшей мере. Подруга замолчала, а я стала вспоминать, что знаю о Рейесе. К несчастью, знала я немного.

В тот единственный раз, когда мы виделись, я только-только перешла в старшие классы, а моя чокнутая сестрица Джемма как раз оканчивала школу. Точнее, пыталась окончить на полгода раньше и поступить в колледж, но для сдачи экзаменов экстерном нужно было сделать проект, а она оказалась слишком труслива, чтобы справиться с ним самостоятельно. Тут на сцене появляется Шарлотта Дэвидсон, суперсестра, святая и на все руки мастер.

Конечно, не обошлось без накладок. Странно, но я помню наш разговор так, словно это было минутой назад. Однако с той ужасной и прекрасной ночи пролетело двенадцать лет. Эту ночь я не забуду никогда.

— Если хочешь знать мое мнение, — проворчала я в красный шарф, закрывавший мне рот и нос, — ни один школьный проект не стоит нашей смерти, даже если за него тебе поставят лишние десять баллов.

Джемма обернулась ко мне и опустила папину видеокамеру, чтобы убрать за ухо белокурую прядь. Декабрьский полночный холод придал ее голубым глазам металлический блеск.

— Если я не получу дополнительных баллов, — проговорила она, и дыхание ее в студеном воздухе превратилось в пар, — у меня не получится окончить школу досрочно.

— Знаю, — сказала я, стараясь не выдать раздражения. — Но я тебе серьезно обещаю, что если умру за две недели до Рождества, то буду тебя преследовать. Всю твою жизнь. И поверь мне, я знаю, как это делается.

Джемма равнодушно пожала плечами и продолжила снимать Альбукерке. Фонари вдоль зданий и тротуаров отбрасывали на пустынные улицы призрачные тени. К выпускному экзамену по обществоведению Джемма решила снять фильм. Ей хотелось запечатлеть личную жизнь Саутсайда. Трудные подростки в поисках понимания. Наркоманы в поисках

дозы. Бездомные в поисках крова и средств к существованию.

Пока же ей удалось заснять только скейлера, разъезжавшего по Централ, да проститутку, покупающую газировку в «Мачо Тако».

Нам давно пора было домой, но мы всё ждали, притаившись в тени заброшенной школы, дрожали от холода и старались изо всех сил держаться незаметно. Местные хулиганы приставали к нам с расспросами, что мы тут делаем. Несколько раз мы едва не влипли, я записала парочку телефонов, но, в общем, вечер выдался довольно спокойным. Наверно, потому что на улице было около нуля.

Тут я заметила парнишку, свернувшегося калачиком под лестницей, одетого только в грязную белую футболку и джинсы. Он был без куртки, но не дрожал. Мертвым холод не страшен.

— Привет, — окликнула я его, подойдя поближе.

Он ошарашенно уставился на меня:

— Ты меня видишь?

— Еще бы.

— Меня никто не видит.

— А я вижу. Меня зовут Чарли Дэвидсон.

— Как мотоцикл?

— Типа того, — ухмыльнулась я.

— Почему ты такая яркая? — прищурившись, поинтересовался он.

— Я ангел смерти. Не бойся, это не так страшно, как кажется.

В его взгляде отразился испуг.

— Я не хочу попасть в ад.

— В ад? — переспросила я, усевшись рядом с ним, несмотря на вздохи Джеммы, которую раздражало, что я опять разговариваю с невидимками. — Поверь мне, приятель, если бы тебе суждено было побеседовать с дьяволом, тебя бы здесь не было.

Он с облегчением вздохнул.

— Ты, значит, болтаешься без дела? — спросила я.

Вскоре я уже знала, что передо мной тринадцатилетний гангстер по имени Ангел, который во время недавнего налета получил пулю в грудь. Он был за рулем. По-моему, он искупил все свои грехи, потому что, пока не засвистели пули, даже не подозревал, что его приятель собирается убить долбаных puta vatos,^[9] вторгшихся на их территорию. Чтобы этому помешать, Ангел разбил мамину машину, а потом попытался отобрать у друга пушку. В итоге той ночью умер всего один человек.

Пока я распинаясь перед Ангелом о преимуществах пуленепробиваемых жилетов, мое внимание привлекла сцена, разыгравшаяся в окне стоявшего поодаль дома. Я вышла из тени, чтобы лучше видеть. Резкий желтый свет заливал кухню небольшой квартирki, но меня поразило не это. Сначала я не поверила своим глазам. Моргнула, пригляделась и задохнулась от ужаса; у меня мурашки побежали по коже.

— Джемма, — шепотом позвала я.

— Чего тебе? — огрызнулась сестра и тоже ахнула от изумления. Она заметила.

Мужчина в грязной футболке и трусах прижал к стене парня. Тот вцепился в руку обидчика, который схватил подростка за горло и занес над ним мясистый кулак. Он влетел в челюсть парня с такой силой, что голова дернулась и ударилась о стену. Подросток обмяк, но только на мгновение. Он исступленно размахивал руками, отбиваясь. На секунду мне

показалось, что его загуманившийся взгляд встретился с моим. И тут мужчина ударил его еще раз.

— О господи, Джемма, надо что-то делать! — завопила я и помчалась к дыре в проволочной сетке, окружавшей школу. — Надо ему помочь!

— Чарли, подожди!

Но я уже выскользнула за ограду и бежала к дому. Я подняла глаза и увидела, как мужчина повалил подростка на кухонный стол.

Крыльцо не было освещено. Я споткнулась о ступеньки, замолотила кулаком в запертую входную дверь, но никто не открыл. В щель почтового ящика был виден темный пустой коридор.

— Чарли! — Джемма стояла на тротуаре возле дома. Окно находилось высоко, и ей пришлось отойти, чтобы заглянуть внутрь. — Чарли, скорее! Он его убьет!

Я подбежала к ней, но парня не увидела.

— Он его убьет, — повторила сестра.

— Где они? Неужели ушли?

— Там. Никуда не делись, — взволнованно выпалила она. — Он упал. Парень упал, а мужик...

Я сделала первое, что пришло мне в голову. Сбегала к заброшенной школе и взяла кирпич.

— Что ты задумала? — спросила Джемма, когда я перелезла через забор и вернулась к ней.

— Может, нас прибьют, — ответила я, прицелившись. — Или, хуже того, разорвут на части.

Джемма отошла, а я запустила кирпичом в окно кухни. Огромное зеркальное стекло расколосось, но на мгновение устояло, словно возмущаясь нашим поступком. Потом оно рассекло ночную тишину громким звоном: каскад осколков обрушился на тротуар. В окне мгновенно показался мужчина.

— Я вызываю полицию, ублюдок! — Я постаралась говорить как можно убедительнее, чтобы его напугать.

Он уставился на меня. Его лицо исказилось от гнева.

— Сучка. Ты за это заплатишь.

— Бежим! — крикнула я, поддавшись порыву, и схватила Джемму за руку. — Скорее!

Джемма устремилась прочь, но я потащила ее к дому, от которого мы старались удрать.

— Что ты делаешь? — испуганно пропищала она. — Побежали к машине.

Я спряталась в тени. Втащив Джемму в проход между домом и прачечной, я тянула ее за собой.

— Пошли через арройо. Так быстрее.

— Там темно.

Я пробиралась меж коробок и выдавших виды ящиков. Кровь стучала у меня в висках. Я не замечала холода. Не испытывала ничего, кроме острого желания помочь. Спасти парня.

— Надо найти телефон, — заявила я. — На той стороне арройо есть круглосуточный магазин.

Мы вышли из проулка, и дорогу нам преградила очередная проволочная сетка.

— И что теперь? — тут же заныла Джемма.

За изгородью тянулось сухое русло реки, а за ним — магазин. Я потащила сестру вдоль

изгороди в поисках прохода. За прачечной горело охранное освещение, но мы все равно оскальзывались и спотыкались на обледенелой неровной земле.

— Чарли, подожди.

— Надо позвать на помощь. — Я не могла думать ни о чем другом. Я должна помочь парню. В жизни не видела ничего более жестокого. От страха и адреналина желчь подкатывала к горлу жгучей волной. Чтобы успокоиться, я сглотнула и вдохнула морозный воздух.

— Стой. Да стой же ты! — Жалобный шепот Джеммы заставил меня замедлить шаг. — Кажется, это он.

Я остановилась и обернулась. Парень стоял на четвереньках за мусорным контейнером, держась рукой за живот, и корчился от приступов тошноты. Я отпрянула. Тут уже Джемма схватила меня за руку и, стараясь удержаться на ногах, побрела обратно.

Когда мы подошли к парню, он собирался встать, но из-за перенесенных жестоких побоев не смог. Дрожа от слабости, он упал на четвереньки и оперся о мусорный контейнер. Длинные пальцы другой руки впились в гравий; пытаюсь отдышаться, парень хватал ртом воздух. На нем была только тонкая футболка и серые тренировочные штаны. Наверно, он окоченел от холода.

От жалости у меня сдавило грудь; я опустилась на колени возле него, не зная, что сказать. Он учащенно дышал. Мышцы рук сжались от боли; я заметила плавные, яркие очертания татуировки на плече. Над ухом вились густые темные волосы.

Джемма сняла с шеи камеру, чтобы нам посветить. Парень поднял голову, зажмурился и грязной рукой прикрыл глаза.

Это были удивительные глаза. Глубокие, карие, с золотистыми и зелеными искорками, они блестели от света. По щеке струилась темно-красная кровь. Парень был похож на воина из эротического фильма, на героя, который принимает бой, хотя шансы на победу ничтожны. На мгновение я засомневалась, не ошиблась ли — вдруг он мертв, — но потом вспомнила, что Джемма тоже его видит.

Я моргнула и спросила:

— Ты в порядке?

Глупый вопрос, но ничего другого мне не пришло в голову.

Прищурившись, он посмотрел на меня, потом отвернулся, сплюнул кровь в темноту и оглянулся. Он выглядел старше, чем я думала. Пожалуй, ему было лет семнадцать или восемнадцать.

Парень снова попытался встать. Я подскочила к нему, но он уклонился. Подавив отчаянное, почти невыносимое желание ему помочь, я отошла в сторону, глядя, как он с усилием поднимается на ноги.

— Надо отвезти тебя в больницу, — заявила я, едва он встал.

Мне это казалось логичным, но парень устремил на меня взгляд, полный враждебности и недоверия. Тогда я впервые поняла, что мужское племя напрочь лишено логики. Парень сплюнул и, держась за кирпичную стену, шагнул в узкий проулок, из которого не так давно вышли мы с Джеммой.

— Эй, — окликнула я, устремившись следом. Джемма мертвой хваткой вцепилась в мою куртку и время от времени дергала меня, явно не желая идти за нами. Не обращая на это внимания, я тащила ее за собой. — Мы видели, что случилось. Тебе надо в больницу. Наша машина недалеко.

— Проваливай, — наконец ответил он глухим голосом, в котором слышалась боль. Парень с трудом взобрался на ящик, вцепился в высокий подоконник, попытался заглянуть в окно, и его стройное мускулистое тело задрожало.

— Ты собираешься туда вернуться? — ошеломленно уточнила я. — Ты с ума сошел!

— Чарли, — прошептала Джемма за моей спиной, — может, нам лучше просто уйти? Разумеется, я ее проигнорировала.

— Он же тебя чуть не убил.

Парень бросил на меня злой взгляд и повернулся спиной к окну.

— Какая из букв в слове «проваливай» тебе непонятна?

Признаюсь, меня одолели сомнения. Но я даже представить себе не могла, что случится, если он вернется в квартиру.

— Я вызову полицию.

Он резко обернулся и неожиданно проворно, словно никто его и не бил, спрыгнул с ящика на землю и приземлился прямо передо мной.

Незнакомец схватил меня за горло — не сильно, но так, чтобы я почувствовала его руку, — и прижал к кирпичной стене. Какое-то время он пристально смотрел на меня. По его лицу пронесся вихрь эмоций. Гнев. Досада. Страх.

— От этого будет только хуже, — наконец сказал он. Это было предупреждение. В его спокойном голосе сквозило отчаяние.

— Мой дядя полицейский, отец тоже служил в полиции. Я могу тебе помочь. — От незнакомца исходил жар, и я подумала, что он, наверно, простудился. Опасно торчать на холоде в одной футболке.

Похоже, моя смелость его удивила. Он едва не рассмеялся.

— Когда мне понадобится помощь избалованной сопли из Хайте, я тебя позову.

Его враждебный тон меня обескуражил, но лишь на минуту. Я оправилась от удивления и бросилась в атаку:

— Если ты туда вернешься, я вызову полицию. Я не шучу.

Он раздраженно сжал зубы.

— Ты не сможешь, а только навредишь.

Я покачала головой:

— Что-то не верится.

— Ты ничего обо мне не знаешь. И о нем тоже.

— Он твой отец?

Парень замаялся и посмотрел на меня с нетерпением, словно обдумывая, как ловчее от меня отделаться. Потом принял решение. Я прочла это по его лицу.

Он помрачнел, подошел ближе, прижался ко мне всем телом, наклонился к моему уху и прошептал:

— Как тебя зовут?

— Чарли, — ответила я; отчего-то мне не хватило смелости промолчать. Потом попыталась выговорить «Дэвидсон», но парень потянул шарф вниз, чтобы лучше разглядеть лицо, и все буквы фамилии слились в один слог, больше похожий на...

— Датч? — переспросил он, сдвинув брови.

Я никогда прежде не встречала такого красавца. Он был крепок, силен и зол. И уязвим.

— Нет, — прошептала я, когда его пальцы спустились вниз и дерзко скользнули по моей груди. — Дэвидсон.

— Тебя когда-нибудь насильовали, Датч?

Я понимала, что он хотел меня шокировать, а для этого все средства хороши, но вопрос все равно меня ошаршил. Я замерла в испуге. Пыталась подавить желание сбежать, проявить твердость, но с инстинктом самосохранения шутки плохи. Я оглянулась на Джемму и поняла, что она мне ничем не поможет. Сестрица стояла с круглыми от изумления глазами, распахнув рот, и рассеянно держала камеру (как будто это еще имело значение), но умудрилась не снять ни секунды.

— Нет, — еле слышно пробормотала я.

Он коснулся щекой моей щеки, а его пальцы сомкнулись на моем горле. Стороннему наблюдателю мы могли показаться обнимающейся в темноте влюбленной парочкой.

Парень раздвинул коленом мои колени и свободной рукой потянулся к самому сокровенному. Я задохнулась от неожиданности, когда его ладонь очутилась у меня между ног, инстинктивно понимая, что дело плохо. Обеими руками я вцепилась в его запястье.

— Пожалуйста, не надо.

Он замер, но его пальцы по-прежнему касались моего паха. Я уперлась ладонью ему в грудь и мягко оттолкнула, надеясь, что он меня отпустит.

— Пожалуйста.

Он ослабил хватку и посмотрел мне в глаза:

— Ты уйдешь?

— Уйду.

Не отрываясь, он смотрел на меня, потом поднял руки и оперся о стену над моей головой.

— Иди, — жестко произнес он.

Это было не предложение. Я нырнула под его руку и, увлекая за собой Джемму, помчалась прочь, пока он не передумал.

Завернув за угол дома, я остановилась и обернулась. Парень забрался на ящик и сидел на нем, глядя в окно. Горько вздохнув, прислонился головой к стене, и я поняла, что он и не думал возвращаться в квартиру. Просто хотел проследить за тем, что происходит внутри.

Интересно, кого же он там оставил. Спустя два дня я узнала это из разговора с разъяренной хозяйкой. Семья из квартиры 2С съехала среди ночи, не заплатив за два месяца, да еще разбила дорогое зеркальное стекло. Из того же чувства самосохранения я не стала распространяться о том, что случилось с окном. Когда хозяйка наконец перестала ныть об утраченных деньгах, она сообщила, что слышала, как жилец называл мальчишку по имени — Рейес. Но мне не давал покоя вопрос, кого же он оставил в квартире. Хозяйка мне сказала.

Сестру. Внутри была его сестра. Один на один с этим садистом.

— Поверить не могу. — Голос Куки вернул меня к действительности. — Получается, он умер?

Куки давным-давно знала, что я вижу призраки. И ее это не смущало.

— В том-то и загвоздка, — протянула я. — Не могу разобраться. Это ни на что не похоже. — Я взглянула на часы. — Черт, мне пора в офис.

— О, хорошая мысль, — хихикнула Куки. — Я мигом.

— Ладно! — Махнув подруге, я вылетела за дверь. — Увидимся. Держитесь, мистер Вонг!

Маладец

Надпись на футболке

С трудом преодолев полтора десятка метров через улицу до задней двери отцовского бара, я размышляла о том, по какой причине все три адвоката могли остаться на земле, вместо того чтобы отправиться в мир иной. По моим расчетам, погрешность которых составляла двенадцать процентов, исходя из радиуса соответствующего доверительного интервала и предупреждений службы здравоохранения, остались они не ради мексиканского фастфуда.

Я задержалась у входа, чтобы убрать в сумку солнечные очки и дать глазам привыкнуть к тусклому освещению в баре.

Бар моего отца великолепен, и это еще мягко сказано. В главном зале потолок, как в соборе, все отделано темным деревом и увешано картинами в рамах, большую часть которых закрывают медали и флажки с различных полицейских сборищ. Если войти с черного хода, то по правую руку будет барная стойка, посередине круглые столики и стулья, а по краям — высокие круглые столы, как в бистро. Но главной гордостью бара была искусная, выкованная более века назад композиция, окружавшая зал, точно древний карниз. Она вилась по периметру, притягивая взгляды к западной стене, где возвышался величественный кованый лифт. Такой увидишь только в кино или в очень старых гостиницах. Все его шестеренки и блоки были открыты для глаз любопытной публики. Правда, на второй этаж он поднимался целую вечность.

Большую часть верхнего этажа занимал мой офис; у него был свой вход сбоку здания — живописная лестница в новоанглийском стиле. Но я усомнилась, что одолею ее без невыносимой боли. Поскольку невыносимой мне казалась любая боль, я решила воспользоваться лифтом в баре, несмотря на все его недостатки.

До меня донесся голос отца, и я улыбнулась. Папа всегда действовал на меня, как дождь на выжженную солнцем пустыню. В детстве он не дал мне пересохнуть и замкнуться в себе. Это было бы просто неприлично.

Я вошла внутрь и заметила его высокую, стройную фигуру; он сидел за столом вместе с моей противной мачехой и старшей родной сестрой. Если папа был дождем, то они скорпионами, и я давным-давно научилась их избегать. Моя мама умерла в родах — истекла кровью, рожая меня. Я не люблю об этом вспоминать. Не прошло года, как папа женился на Дениз. Даже не спросив, что я об этом думаю. Мы с Дениз никогда особенно не ладили.

— Привет, милая, — сказал папа, когда я, напялив солнечные очки, попыталась незаметно проскользнуть мимо них. Сама не понимаю, почему решила, что солнечные очки меня спасут.

Я расстроилась было, что меня заметили, но потом осознала, что это все равно бы произошло. Чертов лифт гудел громче джипа «шевроле» и тащился, как раненая улитка. Дениз наверняка бы заметила темноволосую девушку в очках, поднимающуюся возле нее на лифте.

Я побрела к столику.

— Позавтракай с нами, — предложил папа. — Я с тобой поделюсь.

Дениз и Джемма принесли отцу поесть, чтобы тот не умер с голоду. Меня они явно не ждали — ну надо же! — несмотря на то, что я живу в двух шагах от задней двери.

Джемма не удосужилась поднять глаза от буррито. Ведь от кивка может растрепаться прическа. Дениз только вздохнула на папино приглашение и разрежала буррито, чтобы предложить мне.

— Спасибо, я уже поела, — отказалась я.

Тогда мачеха подняла глаза; видно, мой ответ ее рассердил. Это я умею.

— И что же ты ела? — язвительно поинтересовалась она.

Я задумалась. В вопросе крылся подвох, и я это чувствовала. Она притворялась, что ее волнует мой рацион, чтобы я поверила, будто ей не наплевать. Я молчала, точно язык проглотила: меня не поймаешь на такую дурацкую уловку.

Но мачеха прожгла меня властным взглядом, и я сдалась.

— Бублик с черникой.

Она раздраженно закатила глаза и снова принялась за буррито.

Фу. Чуть не влипла. Кто бы мог подумать, что упоминание о бублике с черникой способно так разозлить мою мачеху? Наверно, стоило на всякий случай упомянуть клубничный сливочный сыр. Нелегко смириться с тем, что ты не оправдала надежд женщины, которая тебя вырастила, но, черт возьми, я сделала все, что могла. Она осталась бы недовольна, даже изобрети я колесо. Или стикеры для записок. Или костный мозг.

Папа поднялся со стула, чтобы меня поцеловать, и тихонько вздохнул, увидев синяки. Я уверена, что Дениз тоже заметила — ее глаза расширились на сотую долю дюйма, потом она справилась с собой, — но поскольку мачеха предпочла притвориться, будто все в порядке, я тоже решила не заострять на этом внимание.

Я приспустила очки и кивком позвала папу поговорить. Он замолчал, поднял брови, обиженный, что я не хочу ничего объяснять при моей противной мачехе, а потом чмокнул меня в лоб.

— Сейчас поднимусь.

Он дал понять, что все равно ждет объяснения.

— Буду наверху, — ответила я, открывая дверь лифта, — если ты меня дождешься.

Папа рассмеялся.

Дениз вздохнула.

Воспитателя из моей мачехи не получилось. Наверно, все душевные силы ушли на мою старшую сестрицу, поскольку к тому времени, когда Дениз принялась за меня, заниматься воспитанием ей уже было лень. Правда, она поделилась со мной кое-какой житейской мудростью. Именно она сообщила мне, что у меня внимания не больше, чем у комара, — имелось в виду, что я слышу только то, что хочу слышать. По крайней мере, мне кажется, она так сказала. Я не слушала. Ах да, еще мачеха предупредила меня, что всем мужчинам нужно только одно.

А вот за это спасибо небесным силам. Мне от мужчин, в общем, тоже ничего особо не надо.

Но, положи руку на сердце, можно ли винить Дениз? Ведь у нее была Джемма. Джемма Ви Дэвидсон. Единственная и неповторимая.

Соперничать с ней было трудно. К тому же мы с Джеммой — полная противоположность. Она голубоглазая блондинка. А я нет.

Джемма всегда училась на «отлично». Я же получала в основном четверки.

Пока Джемма зубрила, я прогуливала уроки.

Пока сестра занималась иностранными языками, я занималась кое-чем другим со смазливим итальянским парнем с нашей улицы.

Наконец Джемма поступила в колледж и спустя три года окончила его с отличием, получив степень бакалавра психологии. Я тоже поступила в колледж и спустя три с половиной года стала бакалавром социологии — с наивысшим отличием.

Джемма так и не простила мне, что я поставила ее в неловкое положение. Но это подстегнуло сестру продолжить образование — как часть нашего бесконечного соперничества за звание лучшей, похожего на борьбу за выживание, только не с такими благородными намерениями. Став магистром, Джемма не остановилась. Ей нужна была ученая степень. Она ее и получила в лице женатого профессора по фамилии Роланд. А потом и диссертацию защитила — как раз к тридцати годам.

Ей явно стоило больше внимания уделять профессору.

Дениз тоже меня не простила. Когда Джемма оканчивала колледж, в глазах нашей мачехи блестели слезы радости. На моем выпускном Дениз закатывала глаза чаще, чем героиновый наркоман со счетом в трастовом фонде. Наверно, она злилась, что из-за меня пришлось пропустить субботнюю встречу в клубе садоводов. А может, ее взбесила футболка с надписью «Маладец», которую я надела под блестящую выпускную мантию.

Но папа мной гордился. Долгое время я делала вид, что этого достаточно. Думала, что в один прекрасный день Дениз обнаружит в себе сверхчеловеческую способность гордиться более чем одним человеком.

Этот день так и не настал. И я нарочно сделала то, чего и ждала от меня Дениз. Я ее разочаровала. В очередной раз. Мачеха считала, что место женщины — в классе у доски. Я же отправилась на встречу с будущими работодателями, которую устраивали в университете, и завербовалась в Корпус мира. Мне было намного проще огорчить Дениз, чем выбиваться из сил, чтобы соответствовать ее ожиданиям. К тому же косые взгляды и печальные вздохи так не ранят, когда они заслужены. Не говоря уже о том, что мне несколько раз доводилось работать с военными, и оказалось — кто бы мог подумать! — среди них полным-полно мужчин в форме. Буквально каждый первый. Красотища!

Наконец лифт дополз до второго этажа. Я помахала папе и шагнула в коридор, который вел к задней двери моего офиса. С парадного, наружного входа, которым я обычно пользовалась, посетители попадали в приемную; за ней находился мой кабинет.

Был еще и третий вход, пользоваться которым было чуть сложнее, — пожарная лестница за домом. Поэтому, когда я увидела в коридоре Гаррета, который ждал меня, прислонившись к двери моего кабинета, я подумала, что он, наверно, вскарабкался именно по ней и влез в окно.

Пижон.

— Ты разве забыл, что мой папа — бывший полицейский? Что тебе здесь надо? — раздраженно осведомилась я. Гаррет был в белой футболке, темном пиджаке и джинсах, которые сидели на нем отлично.

Он выпрямился и вопросительно приподнял бровь.

— С чего это ты решила предпочесть лестнице лифт, который ползет медленнее, чем кукурузная патока?

Черт возьми, Гаррет просто красавец — смуглый, с дымчато-серыми глазами, — вот

только мне до этого не было никакого дела. Если на мгновение я и прониклась к нему симпатией, то теперь это чувство подавили возмущение и злость. И я понимала, что так будет всегда.

Я скорчила сердитую гримасу, отперла тяжелую деревянную дверь и посмотрела мимо Гаррета на трех дожидавшихся меня призраков.

— Рада, что вы с нами, — сказала я Барберу. — Стоя вы гораздо выше.

Сассмэн шутливо толкнул его локтем, а Гаррет стремительно прошел в мой кабинет, очевидно, чтобы не наблюдать, как я разговариваю с обоями.

— Прошу прощения, что так себя вел, — извинился Барбер. — Я просто немного растерялся.

От его извинений меня охватило чувство вины за собственную грубость. Может, мне нужно научиться вести себя деликатнее. Однажды я записалась на уроки самообладания, но преподаватель вывел меня из себя.

— Не мне вас судить. — Я похлопала Барбера по плечу. — Я-то не умирала. По крайней мере, официально.

— Официально? — переспросил Сассмэн.

— Долгая история.

— Да-да, — вмешалась Элизабет, — можно нам войти? Думаю, у меня осталось не так много времени, и хочу наглядеться на этого высокого темнокожего красавца. И почему я его не встретила вчера? Умерла бы счастливой.

Я понимала, о чем она. Те же чувства я испытывала к Рейесу.

Мы вошли в кабинет, служивший также выставочным залом моей подружки Пари. На стенах висели темные абстрактные картины, запечатлевшие жизнь Сентрал. На одной была изображена жуткая девушка-гот, отстирывающая кровь с рукавов. Девушка похожа на меня; шутка художницы — я ненавижу стирать. К счастью, меня трудно было узнать в буйстве оттенков серого.

Еще Пари делала татуировки; ее салон находился неподалеку. Это она придумала татуировку, украшавшую мою левую лопатку: маленькая смерть, закутанная в просторный плащ с капюшоном, из-под которого смотрят большие невинные глаза. Пари обожает шутки, понятные только своим.

Гаррет повернулся ко мне. Я постаралась не встречаться с ним взглядом. Вместо этого повесила сумку, включила кофеварку, и тут вошла Куки.

— Ты уже здесь, дорогая?

— Я вернулась! — крикнула я. — И включила кофеварку.

Я держу в офисе кофеварку якобы для того, чтобы следить, сколько кофе пьет моя подруга. На самом же деле — вместо сухих духов.

— Кофе. Слава богу, — произнесла Куки, открыв дверь между кабинетом и приемной. — Ой. — Она заметила Гаррета. — Мистер Своупс, я не знала...

— Он уходит, — отрезала я.

Гаррет улыбнулся мне, затем обрушил всю мощь своей асимметричной ухмылки на Куки.

Ублюдок.

— Вот это да, — восхищенно протянула Элизабет. — Вот об этом я и говорила.

Подавив беспомощный вздох, я наблюдала, как Куки, пробормотав что-то о работе с документами, помахала мне и закрыла за собой дверь, оставив нас наедине.

— Я понимаю, что она чувствует, — промурлыкала Элизабет.

Я плюхнулась за стол, а Гаррет уселся напротив.

— Ну? — начала я.

— Ну? — передразнил он.

— Я тебя сюда не приглашала. Чего тебе, Своупс? У меня три убийства, мне надо работать.

Похоже, его развеселила моя дерзость.

— Я просто думал, что мы могли бы как-нибудь сходить выпить кофе.

— Ого, — проговорила Элизабет, — вы пойдете пить кофе? Я должна это видеть!

Я послала ей хмурый взгляд.

— Никуда мы не пойдём.

Гаррет опустил голову, стараясь сохранять самообладание, чем достал меня окончательно.

— Слушай, я тебе уже все сказала. Хочешь, верь, хочешь, не верь. Второе предпочтительнее. Дверь там. Всего хорошего. Убирайся к черту.

Своупс поднял голову; лицо его было серьезно, но, вопреки моим ожиданиям, он не разозлился, хотя я его послала.

— Во-первых, — устало произнес он, — не хамя. Я никак не могу поверить в то, что ты мне рассказала. Дай мне время.

— Не дам.

— Во-вторых, — продолжал он, не смутившись, — как раз об этом я хотел с тобой поговорить.

— Нет.

— Я хотел узнать, как это происходит?

— Легко.

— Ты все время видишь призраки?

— Два раза в месяц по выходным и по праздникам.

— То есть они повсюду?

— Заливается ли вода лягушке в задницу? — спросила я, откинувшись на спинку кресла и задрвав на стол ноги в грязных туристических ботинках.

Я положила ногу на ногу, скрестила руки на груди и уставилась на Гаррета, с нетерпением ожидая, что он решит. Верить мне или нет.

Я называю это «озарением» — момент, когда люди начинают задумываться, действительно ли я вижу привидения. Разумеется, их по-прежнему терзают сомнения. Большинство ломает голову, пытаясь найти объяснение — любое, какое угодно — тому, как у меня это получается.

Я жила и дышала, а Гаррет Своупс изо всех сил старался понять. В конце концов, покойники не разгуливают по улицам, расследуя собственные убийства. Привидений не существует. Все, что я рассказала, невозможно.

Озарение — как перепутье, и пресловутому страннику нужно выбрать, по какой дороге идти. К несчастью, тропка, ведущая к вере в то, что Чарли видит призраки, извилистей, чем безопасная торная дорожка к убеждению, что Чарли сошла с ума. Никому неохота выглядеть дураком. В девяти из десяти случаев именно эта причина не дает людям поверить мне.

Гаррет несколько секунд смотрел мне в глаза, потом перевел взгляд на мои пальцы. Я буквально слышала, как у него в голове скрипят колесики. Спустя некоторое время я решила,

что их не мешало бы хорошенько смазать.

— Откуда ты узнала, где искать тело мисс Эллери? — наконец спросил он.

— Я не собираюсь объяснять по второму разу.

— Серьезно...

— Нет.

Помолчав, он поинтересовался:

— И ты умеешь это с пяти лет?

Я фыркнула.

— Я вижу призраки с рождения. Это моему отцу понадобилось пять лет, чтобы мне поверить. Но когда я ему сказала, где искать тело пропавшей девочки, до него дошло, что я — настоящее сокровище.

— Ты о дочке Джонсонов? — уточнил Своупс.

Я постаралась не морщиться. Не люблю к этому возвращаться. Если бы меня спросили, я ответила бы, что мне трудно найти менее приятное воспоминание. В день, когда случилась «Катастрофа с дочкой Джонсонов», как я это называю, Дениз свернула на проторенную дорожку: предпочла мне не верить и поклялась никогда больше об этом не говорить. В тот день я поняла: то, что я делаю, — ненормально. И некоторые люди — даже мои близкие — будут меня за это презирать. Разумеется, мачеха, надававшая мне пощечин перед толпой зевак, не завоевала моей любви.

— Все в порядке? — забеспокоился Сассмэн.

Чуть не забыла, что они здесь. Я сдержанно кивнула.

— Знаете, — вмешалась Элизабет, — мне кажется, он искренне пытается вам поверить.

Я скривилась и скептически посмотрела на нее. И очень зря — она же просто хотела помочь.

— Они сейчас здесь? — спросил Гаррет.

Я вздохнула; мне не улыбалось выслушивать его обвинения. Но раз уж он сам спросил...

— Да.

Он вынул записную книжку.

— Не могла бы ты спросить мисс Эллери, когда у нее день рождения?

— Нет.

Элизабет шагнула вперед:

— Двадцатого июня.

Я взглянула на нее:

— Он знает, когда ваш день рождения. Он просто меня проверяет.

— Нет? — разочарованно переспросил Гаррет. Казалось, он хотел услышать мой ответ, хотел поверить мне. Пусть и на пять минут. Знаю я таких — они верят, пока все благополучно. С ними нужно держать ухо востро. У них есть отвратительная привычка ударить исподтишка, когда я меньше всего этого ожидаю.

— Скажите же ему, — настаивала Элизабет.

— Вы не понимаете, — пояснила я. — Такие, как он, никогда не поверят окончательно. У него обязательно останутся сомнения. Он будет вечно меня допрашивать, выуживать сведения, которые ему уже известны, чтобы посмотреть, как я сяду в лужу. — Я оглянулась на Гаррета. — Так что пошел он к черту.

— Элизабет, — вмешался Сассмэн, — может, нам лучше...

— Нет! — крикнула она так, что я подпрыгнула, и Гаррет тут же уставился на меня. —

Скажите ему. — Она подбежала к столу и наклонилась ко мне. — Ему нужно преодолеть себя и поверить вам. Он не знает, что теряет. Так и проживет всю жизнь с одномерным представлением о мире. У него не будет ни ориентира, ни надежды на то, что люди, которых он любил и потерял, перейдут в лучший мир. Что у них все будет хорошо.

Я поняла, что Элизабет говорит не о Гаррете. О себе.

Я встала и подошла к ней:

— Элизабет, что с вами?

Она чуть не плакала. Я заметила, что в ее тусклых глазах блестят слезы.

— Я столько хочу рассказать сестре, но она такая же, как он... как я. Я бы вам тоже никогда не поверила. — У нее бессильно опустились плечи. Элизабет бросила на меня виноватый взгляд. — Простите меня, Шарлотта, но это правда. Я бы вам никогда не поверила. И она не поверит.

Я с облегчением улыбнулась. И это всё? С такой проблемой мне приходилось сталкиваться бесчисленное количество раз.

— Элизабет, — сказала я, — из всех задач, которые нам предстоит решить, эта самая простая.

Гаррет наблюдал за нашим — точнее, моим — разговором, но, к его чести, ничем не выдал своих эмоций. Я часто думала, до чего смешной, должно быть, кажусь живым, когда разговариваю сама с собой, бурно жестикулирую и обнимаю воздух. Правда, у меня не всегда есть выбор. Раз уж Гаррет отказался уйти, придется ему познакомиться с моим миром. Я не стану сдерживать себя в угоду его изысканным представлениям о правилах приличия, да еще у себя в офисе.

Элизабет всхлипнула:

— Что вы имеете в виду? Почему это просто?

— Вы оставите записку.

— Записку?

— Конечно. Я всегда так делаю. Так меньше приходится объяснять, — заявила я, обведя комнату рукой. — Вы мне продиктуете записку, я ее напечатаю — разумеется, поставив дату до вашей смерти, — а потом она чудесным образом отыщется среди ваших вещей. Что-то наподобие писем на тему «если вдруг со мной что-нибудь случится». Вы расскажете ей все, что хотели, а мы сделаем вид, будто вы напечатали это незадолго до смерти. Если хотите, у меня даже есть знакомый, который для верности может подделать вашу подпись.

— Кто это? — поинтересовался Гаррет.

Я послала ему предостерегающий взгляд. То, о чем я говорю с умершими, его не касается.

На лице Элизабет отразилось изумление.

— Отлично. Я же адвокат. Я точна, как десятичная система Дьюи. Сестра непременно в это поверит.

— Разумеется, поверит, — кивнула я, похлопав Элизабет по плечу.

— А можно я напишу жене? — спросил Сассмэн.

— Конечно.

Мы посмотрели на Барбера, ожидая, что он тоже захочет кому-то написать.

— У меня только мама. Она знает, как я к ней отношусь, — пояснил он, и я задумалась, радоваться мне или огорчаться, что у него только мама.

— Вот и хорошо, — ответила я ему, — жаль, что немногие признаются близким в своих

чувствах.

— Ага. Я смертельно ненавижу ее с десяти лет. Так что ничего нового я бы ей не написал.

Я постаралась ничем не выдать своего потрясения.

Но Барбер все равно заметил.

— Поверьте мне, это чувство взаимно.

— Хорошо, значит, две записки.

— Кстати, — задумчиво проговорила Элизабет, — когда у нас начинается лето?

— Хотите дождаться? Но еще долго, — удивилась я.

Она пожала плечами, кивнула на Гаррета и приподняла идеально очерченные брови.

— Ах вот оно что! — Я едва не расхохоталась. — Кажется, двадцатого июня.

Гаррет открыл рот от изумления. Элизабет сложила руки на груди и улыбнулась, лучась самодовольством.

— Верно, — кивнул Гаррет. — У Элизабет Эллери день рождения двадцатого июня.

Я бросила на нее оскорбленный взгляд:

— Вы меня провели.

— Я же адвокат, — усмехнулась она, как будто это все объясняет.

Да, она мне очень нравилась. Я вернулась за стол и плюхнулась в кресло под обычные фанфары.

— Она меня провела, — пояснила я Гаррету.

Он ухмыльнулся, но уже иначе. Его улыбка изменилась, и я догадалась почему.

— Нет уж. Нет-нет-нет-нет-нет, — проговорила я, погрозив ему пальцем. — Даже не начинай.

— Что не начинать? — невинно переспросил он.

— Ты так на меня смотришь, будто я знаю ответы на все вопросы в мире. Это не так. Я не предсказываю будущее. Не вижу твоего прошлого. Не гадаю по руке и прочей фигней не страдаю. Я не...

— Но ты ведь экстрасенс, верно?

— Чувак, — я наклонилась к нему через стол, — я такой же экстрасенс, как, скажем, морковь.

— Но...

— Никаких «но»!

Терпеть не могу это слово. Оно не имеет ко мне никакого отношения. Я зажала уши руками и запела.

— Что ты как маленькая.

Гаррет был прав. Я показала ему язык и опустила руки.

— Послушай, даже у меня больше вопросов, чем ответов. Я уверена, что мои способности скорее похожи на шизофрению, чем на что-то сверхъестественное. Спроси кого угодно. Если бы я была едой, то только ореховым кексом с цукатами.

— Шизофрения, — с сомнением протянул он.

— Я слышу голоса. Разве это не шизофрения?

— Но ты же только что сказала...

Я подняла указательный палец, чтобы его остановить. Хотя средний был бы уместнее. Мне нужно было кое-что объяснить Гаррету, чтобы не сдать завоеванные позиции.

— Послушай, когда люди, вот как ты сейчас, уже почти мне поверили, они начинают

бессовестно этим пользоваться. Допрашивают меня, задают дурацкие вопросы, интересуются, где будет следующее землетрясение или какие числа выиграют в лотерею. Я не шучу. Ты когда-нибудь видел в газетах новость «Экстрасенс выиграл в лотерею»? Я не экстрасенс. Я даже не верю, что они существуют.

— Объясните же ему, кто вы, — взволнованно проговорила Элизабет, пока Гаррет листал блокнот.

Я послала ей убийственный взгляд. Не помогло. Наверно, потому что она и так умерла.

— Серьезно, — не сдавалась Элизабет, — скажите ему. Он почти вам поверил. Ему это понравится.

— Не понравится, — процедила я сквозь зубы, забыв, что я единственная из живых в комнате, кто ее слышит.

— Человек, обладающий сверхчувственным восприятием. — Гаррет поднял на меня глаза. — Определение экстрасенса.

— Ладно, может, и так, — согласилась я. — Но я все равно ненавижу это слово. И все его скрытые смыслы.

— Хорошо. — Он пожал плечами. — А что и кому не понравится?

— Тебе.

— Что? Твои способности?

— Не совсем.

— Тогда что?

И в самом деле — что? Если бы ему действительно хотелось это знать, я бы ему лично приготовила энчиладу. В конце концов, он же мне поверил. Стоит ли на этом остановиться? Ведь ни папа, ни дядя Боб не знали, кто я на самом деле. Как-то не было необходимости им об этом говорить. Они мне верят, и этого достаточно. Но раз уж я наплевала на то, что Гаррет обо мне думает...

— Хорошо, — вызывающе бросила я. — Я тебе все расскажу. Тогда ты наконец уйдешь?

Он замялся, но еле заметно кивнул.

— Я... Дело в том, что я... Что-то вроде... Черт! — Наконец собралась с духом и выпалила: — Я ангел смерти. Единственный в своем роде.

Вот и все. Я это сказала. Раскрыла карты, разрядила атмосферу, распахнула душу, торжественно поклявшись разоблачить все штампы. Но Гаррет даже не дрогнул. Не рассмеялся. Не вскочил со стула и не пошел к двери. Он не шелохнулся. Не сдвинулся ни на дюйм. Я засомневалась, дышит ли он, и тут меня осенило. Своупс блефовал. Я ждала, как он себя поведет, а он не сводил с меня серых глаз и не думал реагировать. Надо признать, у него хорошо получалось напускать на себя равнодушие. Я так и не узнала, о чем он думал.

— Мне кажется, он вам поверил. — Элизабет наклонилась, посмотрела на Гаррета и обернулась ко мне.

Я тщательно проконтролировала выражение собственного лица, чтобы на нем не читалось ничего, кроме сомнения.

— Что это значит? — наконец подал голос Гаррет.

Я посмотрела на него:

— Ты обещал, что уйдешь.

— Только если ты все мне расскажешь, — парировал он.

Черт возьми.

— Ладно. Ты спрашиваешь, что это значит? Откуда мне знать? Просто ангел смерти, и

все.

— Я имел в виду, что ты делаешь?

— Ах, ты об этом. Помогаю людям перейти.

— Перейти?

— Ну, в иной мир, — пояснила я, удивляясь его невежеству.

— Как?

Вот зануда.

— Извини. — Я вскочила, пододвинула ближе офисную разновидность двухместного диванчика и вернулась в кресло. Адвокаты подались вперед, чтобы не пропустить ни слова из моего рассказа. — Сядьте, пожалуйста. Когда вы так надо мной нависаете, я нервничаю.

— Да, конечно, — ответили они и втроем уселись на диванчик. Я подавила смешок.

— Как? — повторил Гаррет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Опять допрос с пристрастием. Я глубоко вздохнула, перебирая в уме все, что успела рассказать Своупсу. Это могло быть использовано как оружие против меня. Такое случалось и раньше, причем с людьми, которым я доверяла намного больше, чем Гаррету. Но дело зашло слишком далеко.

— В общем, я пытаюсь помочь им понять, почему они не перешли, — сообщила я, добавив в голос металла. — Потом провожаю их к свету.

— Какому свету?

— К единственному известному мне свету, — уклонилась я от прямого ответа. Научилась этой тактике у одного лейтенанта, с которым встречалась в колледже.

Но Своупс не клюнул.

— Гм. Так к какому свету?

Я замаялась. Мы подошли к области сокровенного знания. Часть его вообще предназначена только для умерших. Едва ли честное признание в том, что я делаю, поможет Гаррету поверить мне. Скорее он выбежит за дверь. Может, игра и стоит свеч...

— Ко мне, — призналась я самодовольно и чуть вздернула подбородок. Точно школьница, бросающая вызов хулигану.

Гаррет взял секунду на размышления.

— К тебе?

— Ко мне, — подтвердила я с тем же высокомерием. Ну давай, Фома неверующий, насмешь меня. Поставь мои слова под сомнение. Докажи, что я не права. Якобы. — Говорят, я очень яркая.

Неожиданно до меня дошло, что я сделала. Выболтала слишком много. Отпустила свою гордость на вечеринку, а кончилось все пробами на съемки в порнухе. Как приземленно.

Гаррет откинулся на спинку кресла, смерил меня взглядом с головы до пят, а потом пристально уставился мне в глаза.

— Значит, ты помогаешь им понять, почему они не перешли.

Теперь мне точно не увильнуть от этого дурацкого разговора. Не удивительно, что гордыню считают одним из смертных грехов.

— Да, — ответила я.

— И провожаешь их к свету.

— Да.

— Этот свет — ты.

— Да.

— Значит, когда мы переместимся, — уточнил Сассмэн, — то пройдем через вас?

Я оглянулась на него. Похоже, перспектива, которую на тысяче других планет сочли бы святотатством, заинтриговала его, хоть и заставила содрогнуться.

— Да, вы пройдете через меня. Ангела смерти, — пояснила я.

— Ух ты, — протянул Барбер. — Ничего круче я сегодня не слышал.

— Ты — вход, — не унимался Гаррет.

Я пожала плечами:

— Можно и так сказать.

Он впился в меня глазами, и я насторожилась. На его лице появилась озадаченная улыбка.

— Вы ему очень нравитесь, — заметила Элизабет.

Я пропустила ее реплику мимо ушей и взглянула на часы:

— Надо же, как время летит.

Где, черт возьми, дядя Боб?

— Значит, духи, которые не перемещаются в мир иной, бродят по земле, проходят сквозь нас, а мы даже не замечаем? — спросил Гаррет, не желавший прекращать дознание.

Я вздохнула. Так можно продолжать дни напролет.

— Нет. Они существуют в том же времени и пространстве, только на другом уровне. Как фотография, на которой одно изображение наложилось на другое. А я просто могу одновременно находиться на обоих уровнях.

— Тогда ты — настоящее чудо света. — Его глаза заблестели от восторга.

Это уж слишком. Образно выражаясь, я и так до сих пор подбираю челюсть с пола, потому что он поверил всему, что я сказала.

— Ну так что? Пойдем выпьем кофе? — предложил Гаррет еще раз.

— Но я же тебе все объяснила.

— Милая моя, я подозреваю, что ты только начала. — Я замялась, и он продолжал: — Мы же друзья.

Я поджала губы и напомнила ему:

— Если ты забыл, мы не друзья. Твоими стараниями за последний месяц мне это стало предельно ясно. Мы не приятели, не товарищи. Между нами нет ничего, даже отдаленно напоминающего дружбу.

— Тогда любовники? — предположил он.

Наконец-то. Я никак не могла понять, в какую игру он играет — хотя была уверена, что не в «Монополию» и не в шашки, — но отказалась в ней участвовать. Я поднялась, обошла вокруг стола и нависла над ним. Угрожающе. Как Дарт Вейдер, только с большей емкостью легких. Бросив на Своупса многозначительный взгляд, я указала ему на дверь:

— Мне нужно работать.

Он посмотрел на дверь, на которую я указывала, намекая, что пора через нее выйти.

— Тебе нужно работать? С этой дверью? — поддразнил он. Остриек выискался.

— Что?

— Ты собираешься ее покрасить?

— Нет.

— К твоим волосам подойдет глубокий темно-коричневый цвет. — Гаррет поднялся. Теперь он возвышался надо мной. Взглянув на меня, но уже иначе, без насмешки, он

наклонился и нежно произнес: — Или золотой... к твоим глазам.

— С ума сойти, — прокомментировала Элизабет.

Ее коллеги, откашлявшись, деликатно вышли из комнаты. Элизабет неохотно последовала за ними в приемную, она же священные владения Куки, которая, черт возьми, никому не позволяла забыть об этом.

Гаррет ждал, что я соглашусь пойти выпить с ним кофе. Вдруг краем глаза я уловила расплывчатое пятно, пронесшееся мимо, как Супермен. Оно двигалось так быстро, что, когда я обернулась, уже никого не увидела. Пятно приблизилось, дотронулось до моей руки, коснулось губ и погрузилось в меня, наполняя все тело теплом.

Все мое нутро затрепетало; задохнувшись от изумления, я откинула голову назад. Гаррет шагнул ко мне и схватил за руки, чтобы я не упала. Только тогда я заметила замешательство, написанное на его лице. Он притянул меня к себе. Тут ощущение тепла меня отпустило, и Гаррет отшатнулся, как будто его оттолкнула неведомая сила.

Своупс споткнулся, но устоял. Мы таращились друг на друга круглыми от удивления глазами. Я отошла на шаг и оперлась о стол; у меня подкашивались ноги.

— Это был... один из них? — наконец спросил Гаррет, рассеянно потирая грудь, куда его, видимо, ударило загадочное существо. Он обвел комнату диким взглядом и, нахмурившись, посмотрел на меня.

— Нет, — ответила я, стараясь дышать медленнее, — что-то другое.

А что именно, я не знала. Но догадывалась, и мне совсем не нравилось направление, которое приняли мои мысли. Вдруг это Злодей? Но если так, то почему он здесь? И сейчас? Моей жизни вроде бы не угрожает опасность.

Мне трудно было скрыть страх. Я его редко испытываю. Конечно, Гаррет почувствовал, что я боюсь. Меня не на шутку раздражало, что он это видит.

Тут мне в голову пришла другая мысль. Злодей ни разу меня не задел. Он никогда не прикасался ко мне, и уж точно не нырнул бы в мои внутренности. Значит, скорее всего, это был не Злодей.

Я в отчаянии оглядела комнату. А что, если это Рейес? Может, он... ревнует? К Своупсу? Неужели серьезно?

Я бросилась к двери и спросила всех, кто был в приемной:

— Вы что-нибудь заметили? Он вышел отсюда?

Элизабет, сидевшая на нашем выдавшем вида зеленом диване, вскочила на ноги и воскликнула:

— Вы его потеряли? Но как это могло случиться?

— Да я не о Гаррете, — с легким раздражением пояснила я. — Я о темном расплывчатом парне.

До Куки постепенно дошло, что мы не одни. Она осторожно привстала с кресла, точно над ее столом нависла кобра.

— Чарли, дорогая, у нас клиенты?

— Ах да. Забыла сказать. Знакомьтесь, это Куки. Куки, у нас трое юристов, прошлой ночью покинувших мир живых. Я тебе о них рассказывала. Мы с дядей Бобом расследуем их дело. Ну так что, кто-нибудь его видел?

Юристы вопросительно покосились друг на друга и пожали плечами. Не в силах сдержать вздоха разочарования, я прислонилась к дверному косяку.

Может показаться, что раз я ангел смерти и все такое, то у меня есть связи, способы

установить личность таинственного расплывчатого парня. Но поскольку единственный знакомый с того света, с которым я когда-либо общалась, — это Злодей, он же воплощение смерти, любые расспросы затруднительны.

Тут я заметила в углу странную тень: она покачивалась в утреннем свете и меняла форму. Это он. Больше некому. Я выпрямилась, отошла от двери и осторожно шагнула вперед, стараясь его не спугнуть.

— Можно мне тебя увидеть? — спросила я дрожащим голосом.

Все усталились в угол, но увидели его только адвокаты. Все трое робко отступили на шаг назад, причем одновременно, будто в танце. Я же умоляюще подалась вперед.

— Пожалуйста, покажись мне.

Тень шелохнулась, распалась на части, исчезла и в то же мгновение снова появилась передо мной. Пришел мой черед отшатнуться. Я запнулась; показалась длинная струйка дыма, и вдруг о стену над моей головой оперлась рука. Длинная рука, переходящая в высокое плечо.

Адвокаты задохнулись от изумления, когда незнакомец целиком материализовался перед ними: дым стал плотью, молекулы соединились, слились, образуя крепкие мускулы. Я засмотрелась на его руку, скользнула взглядом по упертой в стену ладони — изящной, несмотря на трудовые мозоли, — и длинному изгибу мускулистого предплечья. Ниже локтя руку обхватывал закатанный рукав странного яркого цвета, а выше под одеждой выпирал тугой бицепс, демонстрируя заключенную в нем силу. Я перевела взгляд на плечо — широкое, мощное и твердое.

Не успела я разглядеть лицо незнакомца, как он потянулся ко мне, прижался всем телом и наклонился к моему уху. Он был так близко, что мне удалось рассмотреть только крутой подбородок с двухдневной щетиной и темные волосы, которые не мешало бы подстричь.

Его губы коснулись моего уха, и у меня по спине побежали мурашки.

— Датч, — прошептал он, и я растворилась в нем.

Это был мой шанс спросить, тот ли он, о ком я думаю и кого надеюсь встретить. Но я перенеслась в мир своих фантазий, где все шло иначе. Мои руки против воли уперлись ему в грудь. Мышцы ног ослабели. Губы хотели только одного. Его. Чувствовать его на вкус и на ощупь. Он пах, как мокрая земля в грозу — свежестью, влагой и электричеством.

Я зажала его рубашку в кулаке; сама не знаю, чего мне хотелось — то ли оттолкнуть его, то ли плотнее прижать к себе. Почему я его не вижу? Почему не могу заставить себя отойти в сторону и посмотреть на него?

Тут его губы приникли к моим, и я утратила чувство реальности. Мой мир принял его форму, стал его телом, его ртом, его руки скользили по мне, исследовали холмики и долины того, что было мною — его спутником. Собственный искусственный спутник прибил к его орбите, влекомый непреодолимой силой притяжения.

Поцелуй становился глубже, настойчивее; мое тело откликнулось на него, задрожав от желания. Незнакомец зарычал и сильнее прижался ко мне. Его язык исследовал мои губы; не просто пробовал на вкус, но пил каждую частицу меня, сливая наши души воедино.

Он отцепил мою руку от своей рубашки и направил ее вниз; моя ладонь накрыла твердый холмик у него в паху. Я жадно глотнула воздух, вдыхая жар, шедший от незнакомца. Почувствовала, как его рука скользнула меж моих ног и тепло разлилось в животе. Я хотела, чтобы он лег сверху, обнял и вошел в меня. Я не могла думать ни о чем, кроме невероятной притягательности этого совершенного создания.

Желание мучило меня, пока я вдруг не услышала, как кто-то вдалеке окликнул меня по имени; дымка стала рассеиваться.

— Чарли?

Я пришла в себя и обнаружила, что вытянулась по стойке «смирно». Все, кто был в комнате, таращились в мою сторону, открыв рот. Дядя Боб стоял в дверях и, нахмурившись, рассматривал меня с недоумением. Гаррет тоже не сводил с меня глаз. В его взгляде читалась тревога. Он развернулся и вышел, отрывисто кивнув дяде Бобу.

Тогда я поняла, что незнакомец исчез. Он ушел. Не в силах больше держаться на ногах, я изнеможенно сползла на пол и замерла, переваривая шок.

— В тебя вселился демон? — спустя некоторое время тихим от восхищения голосом спросила Куки. — Признаюсь тебе, дорогая: если это одержимость, то я готова продать душу.

Ежедневная доза. Приход длиною в жизнь.

Надпись на футболке

Больше всего на свете мне хотелось расспросить адвокатов о Рейесе — хорошо ли они его рассмотрели? Какого цвета его глаза? Выглядел ли он, как бы это сказать, мертвым? Но дядя Боб настаивал на том, чтобы мы обсудили дело. В то время как мой рассудок висел на волоске. И мое хрупкое душевное равновесие тоже. И моя способность справляться с каждодневными трудностями. Не говоря уже о моей интимной жизни.

Неужели у людей нет ничего святого?

— Ты установила личность стрелявшего? — спросил дядя Боб на обратном пути в мой кабинет, временно превратившийся в мертвую зону.

— Нет.

Комната казалась холодной — наверно, потому, что меня ласкал пламенный демон. Я включила обогреватель и, прежде чем усестыся в кресло, налила себе кофе.

Дядя Боб расположился напротив.

— Нет? А они, ну, ты понимаешь, о ком я, здесь?

— Да.

Неужели это действительно произошло? Рейес явно не походил на заурядный призрак из тех, с кем мне приходится иметь дело каждый день. Если, конечно, это был Рейес. И если он вообще призрак.

— Так ты еще с ними об этом не говорила?

— Нет.

Если же Рейес умер, то почему он такой... горячий? В буквальном смысле слова? А если жив — то как покинул тело? Как ему удается так быстро перемещаться? Как он переходит из молекулярного состояния в иное? Никогда не видела ничего подобного.

Дядя Боб щелкнул пальцами перед моим носом. Я моргнула, пришла в себя и уставилась на него.

— Не сердись. — Он примирительно поднял руки. — Ты витаешь в облаках, а ведь ты нужна мне на земле. Прошлой ночью было совершено еще одно убийство. Хотя, похоже, этот случай никак не связан с предыдущими, мне нужно знать наверняка.

— Еще одно? — переспросила я.

Из папки, которую он принес с собой, дядя вынул фото трупа.

— Почему ты мне не позвонил?

— Я звонил. У тебя выключен телефон.

— Ой!

— Мэр меня подгоняет. Три убитых адвоката за вечер — не лучшая новость в вечерней сводке.

Я проверила мобильный.

— Извини, батарейка села.

Похоже, в мертвой зоне ни в чем нельзя быть уверенной.

Я поставила телефон на подзарядку, и дядя Боб подтолкнул ко мне через стол

фотографии: опухшее синюшное лицо, на нескольких отечных ранах запеклась кровь, как будто пострадавший попал в аварию. Учитывая обстоятельства произошедшего, я усомнилась в том, что раны получены в автокатастрофе. Кем бы ни был убитый, умирал он трудно.

— Что с ним случилось? — спросила я.

— Его пытали, потом прикончили. Но им от него нужна была не информация. — Дядя Боб указал на рот и горло мертвеца. — Ему заклеили рот скотчем и сдавили горло, чтобы не кричал. Значит, либо он уже дал им то, что они хотели, либо они узнали, что он сделал.

Я глубоко вздохнула, пытаясь справиться с тошнотой.

— Прежде чем убить, нападавшие хотели как следует его помучить. Насколько я разбираюсь в уличных понятиях, он настучал на плохого парня. Так обычно пытаются предателей, выдавших либо главаря банды, либо всю организацию целиком. Сейчас в преступных синдикатах иерархия почище, чем у английской знати.

Адвокаты столпились вокруг моего стола, и я подняла фото повыше, отвернув от себя. Сассмэн состроил гримасу и отошел. Я в нем не ошиблась. Но Элизабет и Барбер внимательно изучали снимок.

— Трудно сказать наверняка, — проговорила Элизабет. — Если бы не эти пятна...

— Было бы лучше, если бы у нас был его прижизненный портрет.

— Мы еще не установили личность, — напомнил мне дядя Боб, прежде чем ответить на звонок по мобильному.

Сассмэн пристально смотрел на Барбера сквозь свои очки в круглой оправе.

— Джейсон, ты ведь его узнаешь?

Я перевела взгляд на Барбера. Казалось, тот ошеломлен, онемел от ужаса и даже побледнел, хотя это физиологически невозможно. У призраков ни крови, ни плоти.

— Это он, — подтвердил Барбер. — Тот парень, который просил меня с ним встретиться.

Элизабет бросила взгляд на снимок.

— Так это твой таинственный незнакомец? — поинтересовалась она.

— Почти наверняка, — ответил Барбер.

Сассмэн подошел снова взглянуть на фото.

— Ты уверен?

Барбер с сомнением кивнул:

— Хотя, конечно, голову на отсечение не дам.

— Все равно уже поздно, — съязвила Элизабет. Кривясь от отвращения, она пристально рассматривала фотографию.

Дядя Боб закрыл телефон.

— Карлос Ривера. У него такое досье, что даже я с моей завидной памятью всего не упомяну.

— Значит, о его прошлом нам ничего не известно, — заключила я, подавив смешок.

Дядя Боб прищурился и постучал указательным пальцем по виску:

— У меня память цепкая, точно капкан.

— Ага, вот только ты, похоже, забыл, как должен был забрать меня из папиной машины и уложить спать, пока он накачивался «Маргаритой». Я проснулась в два часа ночи, едва не окоченев от холода на заднем сиденье, пока ты в соседнем доме развлекался с миссис Данлоп.

— Во всем виноват алкоголь, — пробормотал он, поправив галстук. Лицо дяди Боба покрылось густым румянцем, который, как ни странно, шел ему; о том случае стоило вспомнить хотя бы ради этого румянца.

Я решила подлить масла в огонь и с притворной досадой покачала головой:

— Лишь бы тебя не мучили кошмары из-за того, что ты по неосторожности едва не стал причиной моей смерти.

Элизабет хихикнула.

Дяде Бобу было не до смеха.

— Может, оставим обвинения окружному прокурору? — Не успела я возразить, как он продолжил: — Мы нашли мистера Риверу плавающим в Рио-Гранде.

— Может, ему хотелось пить, — предположила я.

— Ты когда-нибудь пила воду из Рио-Гранде?

— Что-то не припомню, — ответила я, удивившись, когда же это дядя успел ее попробовать. И зачем. И не подцепил ли после этого какую-нибудь инфекцию. — Барбер полагает, что это тот самый парень, который просил его о тайной встрече.

Дядя Боб подался вперед, заинтригованный:

— Да ну?

— Ага.

Барбер объяснил мне, как было дело, а я передала все дяде Бобу, который, естественно, записал рассказ в блокнот.

— Этот парень мне позвонил, — начал Барбер, усаживаясь на диван, который я выдвинула на середину кабинета. Элизабет последовала его примеру, а Сассмэн подошел к окну и, пока мы разговаривали, рассматривал двор университета на другой стороне улицы. — Он хотел встретиться на бульваре, и мне это показалось очень странным. Но он так отчаянно упрашивал...

— Он может описать его поведение? — спросил меня дядя Боб.

— Он нервничал, — припомнил Барбер. — Дергался. Постоянно оглядывался через плечо и посматривал на часы. Я решил, что он принял какой-то новомодный наркотик.

— Но вы все равно его выслушали? — встряла я в дядин допрос.

— Парень сказал, что у него есть информация об одном из наших клиентов, — пояснила Элизабет. — Джейсон не мог не выслушать его.

— Что за информация? — спросила я, отметив про себя, как стремительно она бросилась на его защиту.

Когда Барбер закончил рассказ, мы узнали, что, по словам ныне покойного Карлоса Риверы, некто очень надолго сел в тюрьму, хотя худшее, что он совершил в своей жизни, — выкурил косячок в колледже. Очевидно, бедняга все же затягивался.

Но суд признал его виновным в более серьезном преступлении. Полиция нашла у него во дворе труп подростка, а кроссовки подозреваемого оказались испачканы кровью убитого. Они и стали последним гвоздем в гроб подсудимого. К этому добавились дополнительные доказательства — свидетельство восьмидесятилетней старухи в очках со стеклами толщиной с консервную банку и шишками на пальцах, — и бедолага сел за убийство. Старуха под присягой подтвердила, что видела, как подсудимый прятал тело подростка на заднем дворе. За сараем. Темной ночью, в грозу. Она явно перечитала детективов.

— Но ведь было же темно, — заметила я. — Шел дождь. Старуха могла видеть мою двоюродную бабушку Лиллиан, которая прятала там труп, и решить, что это ваш клиент.

— Именно, — согласился Барбер. — Тем не менее его признали виновным в умышленном убийстве со смягчающими обстоятельствами.

— А ваш клиент был знаком с убитым? — поинтересовался дядя Боб. Это был мой следующий вопрос.

Барбер покачал головой:

— Сказал, что никогда в жизни его не видел.

— Как зовут вашего клиента? — снова спросила я, опередив дядю Боба.

— Уир. Марк Уир. Он передал мне флешку, — сообщил Барбер.

— Кто передал? Ваш клиент?

— Кто что передал? — полюбопытствовал дядя Боб, не поднимая глаз от записей.

— Кто-то передал Барберу флешку.

— Кто? — повторил он. Черт, разве я только что не сказала то же самое?

— Нет, тот парень. — Барбер кивнул на фото. — Ривера. Он так и не представился, не назвал место, где искать доказательства, необходимые, чтобы оправдать мистера Уира, — на складе в западном районе. Велел там быть в среду ночью.

— Во сколько? — уточнил дядя Боб. Очевидно, тем, кто силен в допросах, не обязательно изъясняться полными предложениями. Я мысленно взяла это на заметку.

— Времени он не назвал. Мне кажется, за ним кто-то следил. Ривера накиннул капюшон спортивного свитера и, не успев я задать следующий вопрос, нырнул в какую-то пиццерию. — Барбер снова взглянул на фото. — Похоже, его все равно поймали, узнав о том, что он задумал.

— Сегодня среда, — напомнила я. — Когда все это было?

Сассмэн обернулся к коллегам, и трое адвокатов переглянулись. Потом Элизабет ответила с грустью, смягчившей ее голос:

— В день, когда мы умерли. — Она посмотрела на Барбера. — Кажется, это было так давно.

Барбер взял ее руки в свои. И на миг с нее слетела маска жесткой бескомпромиссной деловой дамы.

— Это случилось вчера, — доложила я дяде Бобу.

— Понял, — кивнул он и переключился на допрос с пристрастием в духе нацистов: задал бесчисленное количество вопросов, поспешно записывая в блокнот ответы, которые я передавала. Интересно, он когда-нибудь слышал, что диктофон уже изобрели?

— Флешка на столе в его кабинете, — ответила я на очередной вопрос. — Нет, Ривера не сказал, что на ней, но Барбер решил, что какая-то видеозапись. Да, в эту среду, сегодня. Нет, он не видел, кто следил за Риверой. Они уже подали апелляцию, но пока она дойдет до судьи, пройдут месяцы. Да. Нет. Клиента еще не перевели. Может быть. Даже не думай. После второго пришествия. Ну ладно. Нет, другое левое яйцо.

Когда у дяди Боба наконец закончились вопросы — к счастью, потому что он постоянно отклонялся от темы, — я выбилась из сил. Но не настолько, чтобы оставить без внимания некоторые появившиеся у меня подозрения по поводу этого дела. Тут крылось нечто поважнее, чем один невинно осужденный, и я считала, что ключ к разгадке — убитый подросток. Мне нужно было больше информации и о том, и о другом.

Мы спустились вниз перекусить. Папа готовил лучшие «Монте-Кристо»^[10] по эту сторону Эйфелевой башни: при мысли о них у меня потекли слюнки. Когда мне наконец удалось перевести дух, я снова вспомнила о Рейесе. Трудно было не думать о человеке, одно

присутствие которого пробуждало греховные фантазии.

— Мне нравится название бара, — призналась Элизабет по пути вниз.

Я заставила себя вернуться к действительности. С той минуты, когда я при ней едва не занялась сексом с бестелесным существом, ее отношение ко мне как-то переменялось. Не похоже, чтобы она злилась. Или чувствовала себя задетой. Может, дело в Гаррете. Вдруг она решила, что я его обманываю, поскольку он, видимо, питает ко мне чувства. Насчет чувств она не ошиблась — вот только они были отнюдь не теплыми.

— Спасибо. Папа назвал бар в мою честь, к вящей досаде моей сестры, — фыркнула я.

Сассмэн усмехнулся:

— В вашу честь? Я думал, бар называется «Ворона».

— Ага. Дядя Боб меня так называл всю жизнь. Говорил: «Вечно ты каркаешь». А папа купив бар, решил, что это подходящее название.

— Мне нравится, — повторила Элизабет. — Когда-то у меня была собака, которую я назвала в свою честь.

Я подавила смешок.

— Какой породы?

— Питбуль. — Она лукаво ухмыльнулась.

— Могу себе представить, — хихикнула я.

Мы сели за столик в укромном уголке, где я могла пообщаться с клиентами вдали от посторонних ушей. После краткого предисловия — чтобы объяснить, почему у меня все лицо в синяках, мне пришлось вкратце рассказать о вечере, проведенном в баре в компании домашнего тирана, — я спросила папу, нет ли для меня сообщений.

— Здесь, в баре? — переспросил он. — Ты ждешь от кого-то вестей?

— И да, и нет.

Рози Хершел, моя первая исчезнувшая клиентка, которой я лично помогла скрыться, должна была позвонить, только если попадет в беду, так что отсутствие новостей — лучшая новость. Мы не хотели рисковать, выходя на связь, не хотели, чтобы ее чокнутый муж узнал обо мне и моей работе и обнаружил, что жена просто сбежала от него, от их мучительной совместной жизни, хотя, конечно, он не производил впечатления человека, способного сообразить, что же на самом деле произошло.

— И да, и нет — это не ответ, — заметил папа, ожидая, что я все объясню.

— Нет, ответ.

— А, — протянул он, догадавшись. — Служебное дело. Понял. Если что-то придет, я дам тебе знать.

— Спасибо, пап.

Он улыбнулся, наклонился ко мне и прошептал на ухо:

— Но если ты еще когда-нибудь явишься ко мне в бар с опухшей физиономией в синяках, нам придется серьезно поговорить о твоих служебных делах и обо всем, что с ними связано.

Черт. Я думала, мы с этим разобрались. Я полагала, что убедила отца, будто перенесенные побои были чем-то вроде тренировки, а не схваткой не на жизнь, а на смерть.

У меня бессильно опустились плечи.

— Хорошо, — прохныкала я, добавив слезу в свой обычно спокойный голос.

Папа поцеловал меня в щеку и отправился за стойку — подменить бармена. Очевидно, Донни еще не пришел. Донни — молчаливый индеец с длинными черными волосами и

умопомрачительной мускулатурой. Он не обращал на меня особого внимания, даже не здоровался. Но с кем поздороваться я и без него находила, а на Донни было приятно полюбоваться.

Дядя Боб закрыл сотовый телефон и переключил внимание на меня. Я встревожилась.

— Ну как, — начал он, — не хочешь мне рассказать, что происходило в твоём кабинете, когда я зашел туда сегодня утром?

Ах вот оно что. Я неловко поерзала на стуле. Стороннему наблюдателю могло показаться странным, что я целуюсь и обнимаюсь с невидимкой.

— Что, все выглядело так ужасно? — спросила я.

— Не то чтобы ужасно. Сперва я решил, что ты окаменела от ужаса или что-то в этом роде. Но потом заметил, что Куки и Своупс просто смотрят на тебя, и догадался, что, вероятно, твоя жизнь вне опасности.

— О, еще бы, иначе бы Своупс непременно вмешался, принялся делать мне искусственное дыхание или что-нибудь не менее героическое.

Дядя Боб, наклонив голову, обдумывал мои слова.

— Вообще-то Куки, похоже, томилась вождедением.

Я прыснула, представив себе блаженное выражение лица Куки. Дядя Боб в ответ промолчал и лишь вопросительно нахмурил брови, ожидая объяснения.

Не дождется.

— Давай оставим это. Как-никак ты мой дядя.

— Ладно. — Он равнодушно пожал плечами, делая вид, будто собирается сменить тему. Отхлебнул чаю со льдом и добавил: — Мне показалось, Своупс очень расстроился. Вот я и подумал, что ты можешь знать почему.

— Знаю. Потому что он дурак.

— Он бывает не в духе, что да, то да.

— Как Иозеф Менгеле.

— В его защиту должен сказать, — продолжал дядя Боб, стараясь успокоить меня, — что ваш разлад — моя вина. Мне бы промолчать, старому дураку. Чертово пиво.

— Не из-за пива же Своупс стал засранцем. Думаю, он таким родился.

Дядя Боб глубоко вздохнул и действительно сменил тему:

— Понимаю, что это ни к чему не приведет. Ладно, Чарли, мне надо работать. — Я удивленно моргнула, и он ухмыльнулся. — Пойду мучить твоего отца.

Он поднялся из-за стола и потрепал меня по плечу; это значило, что все в порядке.

Я сжала его ладонь.

— Помучай его и за меня, ладно?

Нежно пожав мне руку, дядя Боб подошел к стойке бара и громогласно заявил, что он санитарный инспектор. Я съежилась. Мало что могло показаться папе менее забавным, чем мысль о визите сотрудника санитарно-эпидемиологической службы. Хуже только аудиторы из налоговой или коллективный иск.

Я оглянулась на адвокатов. Они сидели вокруг стола — дядя Боб выдвинул для них стулья — и беседовали о своем.

— Ты знаешь, когда твои похороны? — печально спросила Элизабет Сассмэна.

Тот опустил голову:

— Встреча с сотрудником похоронного бюро сегодня днем.

Она накрыла его руку своею.

— Как Мишель, держится?

— С трудом. Мне нужно к ней.

Ага. Значит, он станет одним из умерших, которые остаются на земле, чтобы помогать близким. Точно так же, как Барбер не мог побледнеть от испуга, призрак физически не способен позаботиться о семье. Когда разберусь с делами, нужно будет постараться его отговорить от этого намерения.

— А ты знаешь, когда твои? — спросил Барбер у Элизабет.

— Пока нет. — Она пододвинулась к нему. — Ты пойдешь на свои?

Барбер пожал плечами:

— Не знаю. А ты на свои?

— Я подумала, что, пожалуй, надо.

— Неужели?

Улыбнувшись, Элизабет наклонилась к нему:

— Предлагаю сделку.

— Какую?

— Если ты пойдешь со мной на мои похороны, я пойду с тобой на твои.

Барбер на мгновение задумался, потом неохотно пожал плечами. Я с трудом удержалась от смеха. Точно старшеклассники, которые пытаются убедить самих себя, что на самом деле им не хочется идти на школьную дискотеку.

— Пожалуй, так и сделаем, — согласился Барбер. — Патрик, ты с нами?

— Что? — Похоже, мысли Сассмэна витали за тысячи галактик отсюда. Усилием воли он заставил себя переключить внимание на коллег. — Не знаю. Как-то жутковато.

— Да ладно, — махнула рукой Элизабет. — Послушаем, как нам поют дифирамбы родственнички, которые нас при жизни терпеть не могли.

Сассмэн вздохнул:

— Может, вы и правы.

— Конечно мы правы. — Элизабет похлопала его по руке и взглянула на меня. — Как вы думаете, Шарлотта, стоит ему идти на собственные похороны?

— На похороны? — Ее вопрос застал меня врасплох. — Ах да, конечно. Об этом мечтает каждый.

— Вот видишь, — сказала она, снова похлопав коллегу по руке.

— Надеюсь, нас похоронят не на одном кладбище, — съехидничал Барбер. — Не знаю, выдержу ли, если вы навеки станете моими соседями.

Сассмэн хмыкнул, а Элизабет стукнула его кулачком.

— Я пошутил, — проговорил Барбер и широко улыбнулся, когда Элизабет в шутку бросила на него свирепый взгляд. Потом обернулся ко мне. — Ну, ангел вы наш, что дальше?

Пришлось задуматься.

— Во-первых, милейший, — я ткнула в него указательным пальцем, — для вас я мисс Ангел.

Он хмыкнул.

— А во-вторых, мне, вероятно, стоит взглянуть на хранящиеся у вас документы по этому делу.

— Конечно, — согласилась Элизабет. — Запасной ключ спрятан у нас в офисе.

— Ого! — Я подняла руку и заерзала на стуле, как третъякляшка, страдающий недержанием. — Неужели он спрятан в камне, который выглядит как настоящий, но на

самом деле фальшивый?

— Нет, — хором ответили адвокаты.

— Ох, извините. Продолжайте, — кивнула я Элизабет, которую перебила.

— И надо будет дать вам код отключения сигнализации на случай, если Норы не окажется на месте. Если же она будет в офисе, то едва ли вам без ордера удастся что-то получить.

— Точно. Я об этом не подумала. Дядя Боб наверняка выпишет мне ордер.

— А если нет, — добавил Сассмэн, — вы можете проникнуть в офис ночью и забрать документы.

Мы все обернулись к нему. Он не был похож на парня, способного на кражу со взломом.

— Что вы на меня так смотрите? Если мы дадим ей разрешение, все будет законно.

Верно.

— Мне нравится, хоть я и не уверена, что полиция с вами согласится.

Сассмэн лукаво прищурился:

— Мне почему-то показалось, что вы не обрадуетесь этой мысли.

— Можно задать вам пару вопросов о том, что произошло утром? — закинула я удочку, решив, что настал подходящий момент расспросить их о Рейесе.

— Конечно, — согласился Барбер. Элизабет опустила глаза и, похоже, вознамерилась уйти от разговора. Конечно, не в открытую, но я неплохо разбираюсь в людях и замечаю, когда меняется атмосфера. Я гадала, что же случилось и почему она не хочет затрагивать эту тему.

Вернувшись мыслями к Рейесу, я решила начать с самого трудного.

— Я решила начать с самого трудного, — заявила я. Такое лучше говорить вслух. — Надеюсь, раз уж вы все его видели, мое поведение не показалось вам глупостью, какой, должно быть, выглядело для Куки и Своупса. Вы же его видели, верно? Вы же не подумали, что я обнимаю воздух?

Адвокаты смущенно переглянулись, так что я поспешила уточнить:

— Так вы видели его или нет?

— Конечно видели, — ответила Элизабет. — Но вы никого не обнимали. Если хотите знать, вы вообще не шевелились. По крайней мере, какое-то время.

Я подалась вперед:

— Что вы имеете в виду?

— Вы просто стояли, — пояснил Сассмэн, поправив указательным пальцем очки, — прислонившись к стене и прижав к ней ладони. Ваша голова была запрокинута, вы часто и тяжело дышали, словно только что пробежали ежегодный городской марафон, но при этом не двигались с места.

Его слова меня озадачили. Я опустила руки вдоль тела и запрокинула голову?

— Но он же был там. Вы его видели. Мы с ним...

— ...слились, как авокадо с зеленью в гуакамоле?

— Ну, что-то в этом роде.

— Я не против. — Сассмэн махнул рукой. — Ничуть. Парень что надо.

Я постаралась не покраснеть и от этого зарделась, как маков цвет. Почувствовала, как краска бросилась мне в лицо, и лишь надеялась, что она не очень выделяется на фоне уже имевшихся синяков и кровоподтеков.

— Но вы не шевелились, — повторила Элизабет. — По крайней мере, тело ваше не

двигалось.

— Извините, я все-таки не понимаю.

— Ваша душа, дух, назовите как угодно. Она двигалась. Она похожа на наши, но только поярче.

— Ага, — подхватил Барбер. — Душа отделилась от тела, чтобы... быть с ним. Впечатляющее зрелище.

Я ошеломленно молчала. Не удивительно, что мне казалось, будто я сплю. Может, я вышла в астрал? Пожалуй, нет. Я не верю в астральные тела. Но — кто знает? — вдрут астральные тела верят в меня.

— Вот тебе и раз. И как же я ухитрилась покинуть тело? — озадаченно спросила я, хотя в случившемся не было ничего противозаконного.

— Это мы у вас должны спросить, — пожал плечами Барбер. — Вы же ангел смерти.

— Не знаю. — Я взглянула на свои ладони, словно на них были написаны ответы. — Не думала, что так бывает.

— Не расстраивайтесь. Я тоже не думал, что все, что произошло со мной, вообще возможно.

— Не представляю, как теперь быть, — проговорила я. А ведь мне следовало бы знать. Что проку быть ангелом смерти, если от тебя скрыта подоплека самого интересного? Я, черт возьми, вход. Мне нужно знать.

— Он выглядел невероятно сексуально.

Я подпрыгнула на стуле и посмотрела на Элизабет.

— Правда? Значит, вы его хорошенько рассмотрели? Признаться честно, я и сама толком не знаю, как он выглядит.

— Помимо того, что он очень сексуален? — поддела меня Элизабет.

— Это мне как раз известно.

Она хихикнула. Мы замолчали. Папа принес мне сэндвич, предложил десять тысяч долларов за убийство дяди Боба и ушел, заткнув за пояс мой нож для масла — очевидно, решил прикончить шутника собственноручно. Я подумала было предупредить дядю Боба, но тогда получилось бы не смешно.

— Элизабет, я хочу вас кое о чем спросить, — наконец сказала я, отодвинув сэндвич.

— Конечно, спрашивайте. О чем именно?

— Мне показалось... что после утренних событий вы как будто ушли в себя.

— Простите, — извинилась она, не объясняя, за что. Другими словами, попыталась уйти от разговора.

— Не стоит извинений, — парировала я. — Просто я беспокоилась. У вас что-то случилось?

Элизабет глубоко вздохнула — еще одно физиологическое излишество — и произнесла:

— Дело в том, что этот парень, который материализовался из тумана, этот призрак... невероятно красив.

— Еще бы! — кивнула я.

— Он изумительный.

— И снова вы правы.

— Сексуальный.

Я подалась вперед:

— Продолжайте.

- Но...
- Ну-ну?
- Мне он показался странным.
- Станным?
- Да. — Она тоже подалась вперед. — Шарлотта, на нем была... тюремная форма.

*У гения есть границы.
Глупость же безгранична.*

Наклейка на бампер

Тюремная форма? Неужели он сел в тюрьму? И умер там?

При мысли об этом у меня сжалось сердце. Жилось ему нелегко, это мне стало предельно ясно с тех пор, как я впервые его увидела. И кончил он дни в тюрьме. Я не могла даже представить себе ужасные испытания, через которые ему пришлось пройти.

Больше всего на свете мне хотелось помчаться в тюрьму, но я не имела ни малейшего понятия, в какую именно. Он мог быть и в Синг-Синге. Нужно успокоиться и заняться делом. Дядя Боб изучал судебное распоряжение и протоколы заседаний, адвокаты отправились навестить семьи, а я поехала в городскую тюрьму побеседовать с Марком Уиром, который, по утверждению Карлоса Риверы, был невиновен.

Служащая за стойкой регистрации изучила мое заламинированное полицейское удостоверение.

— Шарлотта Дэвидсон? — спросила она, нахмурившись, словно я в чем-то провинилась.

— Так точно. — Я глупо хихикнула.

Она не улыбнулась. Даже тени улыбки не появилось на ее лице. Пора мне прочесть книгу о том, как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. [\[11\]](#) Мои же помыслы в тот момент были немного примитивнее.

Надзирательница отправила меня в комнату ожидания и вызвала мистера Уира. Я обдумывала свои примитивные желания, особенно те, что касались Рейеса, как вдруг услышала, что кто-то уселся рядом.

— Здравствуй, ангел мой, что привело тебя в наши застенки?

Я оглянулась, расплылась в улыбке и достала наполовину заряженный сотовый телефон. Раскрыв его, убедилась, что звук отключен.

— Черт возьми, Билли, — проговорила я в трубку, — ты отлично выглядишь. Худеешь?

Билли был индейцем, который лет семь назад покончил с собой в тюрьме. Я пыталась уговорить его перейти, но он настоял на том, чтобы остаться и убеждать других не повторять его кретинскую ошибку. Его слова. Я часто гадала, каким же образом ему это удастся.

В ответ на мой комплимент он застенчиво улыбнулся. Несмотря на то, что призраки худеть не могут, он казался стройнее. Наверно, я чего-то не знала. Как бы то ни было, выглядел Билли хорошо.

Он шутливо толкнул меня локтем:

— Ох уж эти твои фокусы с телефоном.

— Приходится изворачиваться, мистер Невидимка, иначе меня посадят в психушку за то, что я разговариваю сама с собой.

Он рассмеялся:

— Ты пришла, чтобы залезть ко мне в штаны?

— А что, так заметно?

— Я на это рассчитывал, — с грустью в голосе ответил он. — Вечно ко мне тянет всяких сумасшедших.

Я глубоко вздохнула и собиралась было разыграть сцену, достойную «Оскара», — притвориться обиженной, с таким чувством, с такой жизненной убедительностью, — как вдруг выкликнули мое имя.

— Ой, мне пора. Когда увидимся?

— Увидимся? — переспросил Билли, когда я встала, чтобы идти за надзирателем в комнату свиданий. — Как тебя можно не увидеть? Ты яркая, как тюремный прожектор.

Я хихикнула, обернулась, но он уже исчез. Мне он очень нравился.

Я зашла в седьмую кабинку. Напротив меня сидел неуклюжий мужчина лет сорока, рыжий, с голубыми глазами. Не то университетский преподаватель, не то бездельник с пляжа. Нас разделяло толстое стекло, для надежности затянутое проволокой. Разумеется, я тут же задалась вопросом, как они протянули сюда проволоку и так ровно ее уложили, но сейчас не время думать о пустяках. Мне, черт возьми, нужно работать. А не отвлекаться на всякие там решетки.

Мистер Уир с любопытством меня рассматривал с той стороны — не из потустороннего мира, а из-за стекла. Я взяла трубку. Интересно, сколько уже человек прикасались к ней и соблюдали ли они гигиену.

— Здравствуйте, мистер Уир. Меня зовут Шарлотта Дэвидсон. — На его лице ничего не отразилось. Мое имя явно не произвело на него впечатления.

В соседнюю кабинку вошел заключенный, и мистер Уир с опаской оглянулся на него; другие уже казались ему врагами, он постоянно был начеку, в любую минуту готов защищаться. Этому человеку не место в тюрьме. Он никого не убивал. Я понимала: он невиновен. Это так же ясно, как то, что заключенный в соседней кабинке на самом деле преступник.

— Боюсь, у меня для вас плохие новости. — Я примолкла, и он повернулся ко мне. — Вчера вечером ваши адвокаты были убиты.

— Мои адвокаты? — наконец заговорил он. Потом до него дошел смысл сказанного, и его глаза округлились от удивления. — Как, все трое?

— Да, сэр. Мне очень жаль.

Он уставился на меня так, будто я просунула руку за стекло и дала ему пощечину. Едва ли он заметил, что это невозможно, потому что там проволока и все такое. Помолчав, мистер Уир поинтересовался:

— Как это случилось?

— Их застрелили. Мы считаем, что убийство как-то связано с вашим делом.

Эта новость ошеломила его еще больше.

— Их убили из-за меня?

Я покачала головой.

— Мистер Уир, тут нет вашей вины. Вы же это понимаете, правда? — Он не ответил, и я продолжала: — Вам в последнее время угрожали?

Он скептически фыркнул и обвел рукой комнату, демонстрируя, что и кто его окружает.

— Вы имеете в виду, помимо тех угроз, которые я получаю каждый день?

Верное замечание. Жизнь в тюрьме не сахар.

— Если честно, — призналась я, — мне кажется, что едва ли эти люди станут тратить время на угрозы. Судя по тому, что произошло за последние двадцать четыре часа, они

действуют более решительными методами.

— Ничего себе. Кому же могло прийти в голову убить трех адвокатов?

— Мистер Уир, просто будьте осторожны. Мы со своей стороны работаем над делом.

— Постараюсь. Их смерть — настоящее горе для меня, — вздохнул он, почесывая редкую щетину. Потом потер глаза.

Он устал, измучился, отбывая наказание за преступление, которого не совершал. Я сочувствовала ему сильнее, чем хотелось бы.

— Они мне очень нравились, — сказал он. — Особенно эта милая мисс Эллери. — Уир положил руки на стол, стараясь унять волнение. — До чего была хороша! Любо-дорого смотреть.

— Да, она была очень красивая.

— Вы дружили?

— Нет-нет, просто я видела ее фотографии.

Никогда толком не понимала, как объяснить мою связь с умершими. Единственная обмолвка могла на годы отравить мне жизнь. Без преувеличения.

— И вы приехали меня предупредить, чтобы я был осторожен?

— Я частный детектив, вместе с полицией расследую это дело. — При слове «полиция» он ощетинился. Мне трудно его винить. Хотя и полицию я винить не могу. Все улики указывали на него.

— Вам что-нибудь известно об осведомителе, который в день убийства попросил Барбера о встрече?

— Осведомителе? — переспросил Уир и покачал головой. — И чего он хотел?

Я вздохнула и, прежде чем ответить, внимательно посмотрела на мистера Уира, пытаюсь понять, как много могу ему рассказать. Это его дело. Если кто и заслуживает знать правду, так это он. Но все же у меня в голове мигал знак «Соблюдай осторожность!». Значит, либо нужно было следовать предостережению, либо наконец подействовала пятая чашка кофе.

— Мистер Уир, я ни в коем случае не хочу внушать вам безосновательную надежду. Шансы на то, что это правда, близки к нулю. Но даже если так, то, вероятнее всего, мы не сможем ничего доказать. Вы меня понимаете?

Он слегка кивнул.

— В двух словах — тот человек сообщил Барберу, что вы невиновны.

На долю секунды веки Уира дрогнули, но он справился с волнением.

— Он сказал, что судья упрятал за решетку не того человека и у него есть доказательства.

Несмотря на мое предупреждение, в глазах Уира загорелась надежда. Я это видела. Но понимала и то, что он рад ей не более, чем я сама. Наверно, ему приходилось разочаровываться бесчисленное количество раз. Я даже не могу представить, до чего обидно сесть в тюрьму за преступление, которого не совершал. У Уира есть все основания не питать особых иллюзий по поводу властей.

— Так чего же вы ждете? Займитесь им.

Я почесала лоб.

— Он мертв. Вчера его тоже убили.

Спустя минуту напряженного молчания Уир тяжело вздохнул и откинулся на стуле, до предела растянув телефонный провод. Я видела, что его охватила досада.

— Что все это значит? — с горечью спросил он.

— Точно не знаю. Мы как раз пытаемся разобраться. Но я сделаю все возможное, чтобы вам помочь. Будет ли прок от моих стараний — уже другой вопрос. Отменить приговор чертовски трудно, не говоря уже об уликах.

Казалось, он углубился в свои мысли и не слышал меня.

— Мистер Уир, расскажите мне о вашем деле.

Он не сразу сообразил, о чем я прошу, а сообразив, уточнил:

— Что вы хотите узнать?

— Конечно, у меня есть протоколы судебных заседаний, но я думала расспросить вас об этой женщине, вашей соседке, которая показала, будто видела, как вы прячете тело мальчика.

— Я этого мальчика в глаза не видел. А соседку встретил лишь однажды, на заднем дворе: она кричала на свои подсолнухи. Чокнутая, как майский жук на кокаине. Но они ее послушали. Присяжные ее послушали. Упивались ее показаниями, будто им преподнесли их на блюдечке.

— Иногда люди слышат то, что хотят услышать.

— Иногда? — переспросил он, словно я сильно преуменьшила. Так оно и было, но я из кожи вон лезла, чтобы сохранять оптимизм.

— Как вы думаете, откуда на ваших кроссовках кровь мальчика?

Этот пункт ставил меня в тупик. Уир явно был невиновен, но криминалисты установили, что на его обуви действительно была кровь убитого парнишки. И одной этой улики хватило, чтобы восстановить против него всю дюжину присяжных.

— Вероятно, улику подделали. Как еще эта кровь могла попасть на мои кроссовки? — Похоже, его это смущало не меньше моего.

— Ладно, но вы можете мне вкратце рассказать, что произошло?

Хорошо, что по пути в тюрьму я заехала в магазин. Я достала из сумки новый блокнот, точно такой же, как у Гаррета и дяди Боба. Самый простой. Ничем не примечательный. Непритязательный. Я вкратце записала все, что, на мой взгляд, имело отношение к делу.

— Пойдите, — в какой-то момент перебила я, — так ваша соседка подтвердила, что ребенок гостил у вас?

— Да, но она видела моего племянника. Он жил у меня примерно месяц, незадолго до того, как это все случилось. А теперь копы считают, что я и его тоже убил.

Я удивленно моргнула.

— Он мертв?

— Об этом мне ничего не известно. Но он исчез. И копы убедили мою сестру, что я каким-то боком причастен к его пропаже.

Это могло оказаться той ниточкой, которую я искала. Я понятия не имела, куда она ведет, но мне приходилось работать и с меньшим.

— Когда он пропал?

Уир посмотрел вниз и направо, а это значило, что он вспоминает, а не выдумывает. Еще одно доказательство его невиновности, хотя я в этом и не нуждалась.

— Тедди жил у меня около месяца. Мать вышвырнула его из дому. Они не ладили.

— Это ваша сестра?

— Да. Потом она уговорила его вернуться домой, несмотря на то, что они постоянно цапались. Тогда я видел его в последний раз. Спустя две недели меня арестовали. О том, что Тедди исчез, мне сказали уже после ареста.

— А какой мотив приписал вам прокурор? — поинтересовалась я.

Уир с отвращением поморщился:

— Наркотики.

— Да, — понимающе протянула я. — Универсальный мотив.

— Расспросите его о сестре.

Я обернулась и увидела, что у меня за спиной, скрестив руки на груди и задумчиво наклонив голову, стоит Барбер.

— Мне кажется, я что-то упустил.

— Расскажите мне о вашей сестре, — попросила я Уира, который всматривался в пространство за мной, пытаюсь понять, куда я ушла.

Спустя мгновение он проговорил:

— Она не самая лучшая мать, но и не худшая. Периодически влипает во всякие неприятности. Наркотики, причем не только травка. Иногда тащит по мелочи из магазинов. В общем, все как обычно.

Как обычно? Интересное оправдание.

— А в последнее время? — спросил Барбер. Я передала ему вопрос Уиру.

— Я ее не видел уже год. Понятия не имею, чем она занимается.

Интересно, а ее спрашивали об исчезнувшем мальчике?

— А как насчет...

— А могла она впутаться во что-то посерьезнее?

Я сердито оглянулась на Барбера, который меня перебил — ох уж эти адвокаты! — и послушно повторила вопрос. Барбер моего взгляда не заметил. Зато заметил Уир.

— От Джени, — признался он, с подозрением посмотрев на меня, — всего можно ожидать.

— Вы хотите сказать...

— Быть может, она кому-то задолжала? И этот негодяй в отместку похитил...

— Хватит, — прошипела я сквозь зубы. — Вопросы здесь задаю я. — Я старательно изображала чревовещателя, как будто от того, что я не шевелю губами, мистер Уир не мог меня услышать. Или увидеть, как я притворяюсь, будто ни с кем не разговариваю.

Барбер смущенно посмотрел на меня.

— Извините, — опомнившись, проговорил он. — Не могу избавиться от мысли, что упустил что-то важное, а оно все это время было у меня перед глазами.

Ну вот, теперь я чувствовала себя виноватой.

— Нет, это вы меня извините, — ответила я. На сердце кошки скребли, но я удерживала на лице дурацкую улыбку: так у меня не шевелились губы. — Зря я на вас набросилась.

— Нет-нет, вы правы. Я сам виноват.

Я повернулась к мистру Уиру:

— Извините. Голоса в голове.

Выражение его лица изменилось, но не так, как я ожидала. В его взгляде вдруг промелькнула... надежда.

— Вы правда умеете делать то, что они говорят?

Я не поняла, что он хочет сказать — кто такие «они» и что, по их утверждению, я якобы умею делать, — и вопросительно подняла брови.

— Кто это «они»?

Он подался вперед, как будто это могло помочь мне лучше слышать его слова из-за

стекла.

— Я слышал, что говорили надзиратели. Они удивились, что вы приехали ко мне.

— Почему? — в свою очередь удивилась я.

— Они сказали, что вы распутываете дела, которые никому не по зубам. Что вы можете раскрыть преступление даже многолетней давности.

Я закатила глаза:

— Ради бога, это было всего один раз. Мне просто повезло.

Тогда ко мне пришла женщина, которую убили еще в пятидесятых годах. Я убедила дядю Боба помочь ей, и мы вместе закрыли ее дело. Без него я бы не справилась. Или без новых технологий, которыми располагают представители правопорядка. Разумеется, то, что женщина точно знала, кто ее убил и где искать орудие убийства, облегчило нам работу. Пасынок бедняжки оказался сволочью.

— Об этом они не говорили, — продолжал мистер Уир. — Они утверждали, что вы знаете то, чего никто не знает.

Ого.

— Кто это сказал?

— Одна из наших надзирательниц замужем за копом.

— Ах вот оно что. Все ясно. На самом деле копы не верят, что...

— Мисс Дэвидсон, мне наплевать, во что верят копы. Я лишь хочу знать, действительно ли вы можете делать то, что они говорят.

С моих губ слетел печальный вздох.

— Не хочу вселять в вас ложную надежду.

— Мисс Дэвидсон, одно ваше присутствие уже вселяет надежду. Извините, но это так.

— Вы тоже меня извините, мистер Уир, но, скорее всего, наши шансы невелики.

— И все-таки они выше, чем сегодня утром.

— Если вам хочется так думать, я не могу вам помешать, — сдалась я.

— Но вы все-таки можете то, о чем они говорили.

Мне не хотелось внушать бедолаге лишнюю надежду; от напряжения у меня свело спину, я ссутулилась. Легко верить в мои способности, если это может помочь делу. Вот только я не представляла, насколько мои таланты пригодятся в данном конкретном случае. А вдруг сама надежда пойдет мистеру Уиру на пользу? Хотя какая-то да поддержка.

— Да, мистер Уир, я могу то, о чем они говорили. — Я подождала, пока эта ценная информация дойдет до него, пока потрясенное выражение на его лице сменится обычным, и продолжала: — Прежде чем отправить в тюрьму, вас отвезут в приемник-распределитель «Лос Лунас». Если хотите, я договорюсь с лунатиками и буду вас навещать. Рассказывать, как идут дела.

Наконец он неохотно улыбнулся:

— Я был бы рад.

— У вас еще есть вопросы? — краешком губ спросила я у Барбера.

Он по-прежнему был погружен в свои мысли и только отрицательно покачал головой.

— Ладно, — сказала я Уиру, — до скорой встречи.

Повесив трубку, я стала запихивать блокнот и ручку в сумку, как вдруг на меня снизошло озарение. Или что-то вроде того. Я вернулась и постучала по стеклу, подзывая мистера Уира.

Надзиратель позволил ему снова взять трубку.

— Сколько ему лет? — спросила я и, прижав трубку плечом к уху, лихорадочно пролистала блокнот и щелкнула ручкой.

— Простите, кому?

— Вашему племяннику. Сколько ему лет?

— А! Ему пятнадцать. Было пятнадцать. Сейчас уже, кажется, шестнадцать.

— Его до сих пор не нашли?

— Я, по крайней мере, об этом ничего не знаю. А что...

— А сколько лет было тому парнишке? Ну, которого обнаружили у вас на заднем дворе?

— Догадываюсь, куда вы клоните, — заметил Барбер.

— Тоже пятнадцать. Вы думаете, тут есть какая-то связь?

Подмигнув Барберу, я наклонилась к мистери Уиру. Теперь и в моих глазах светилась надежда.

— Наверняка. И я из кожи вон вылезу, чтобы разобраться, какая именно.

* * *

Меньше всего мне хотелось торопиться с выводами, но я не могла отделаться от ощущения, что ребята тусовались в одной компании. Два парня одного возраста, происхождения и круга общения — один исчез, а второй убит. Нюхом чую, что эти два дела связаны, а чутье у меня, как у собаки.

Мне нужны были документы, оставшиеся у Барбера, но не хотелось общаться с Норой, секретаршей адвокатов. Если она такая же, как остальные секретарши, которых мне доводилось встречать, то власти у нее лишь чуточку меньше, чем у Бога, и едва ли ей понравится, если я начну везде совать нос и расспрашивать. Намного проще забраться в контору без спроса. Но для этого надо дождаться ночи.

Тем временем дядя Боб собирал всю имеющуюся у полиции информацию по делу, а Барбер отправился к сестре мистера Уира, чтобы проверить, не общалась ли она в последнее время с Тедди, его пропавшим племянником. Прежде чем пообщаться с ней лично, я решила снарядить Барбера на разведку, а тем временем смотаться в офис и хорошенько покопаться в интернете. Выйдя из тюрьмы, я открыла телефон и позвонила Куки.

— Привет, шеф, — поздоровалась она. — Готовишь побег?

— Не-а. Хочешь, верь, хочешь, нет, но они отпустили меня с миром.

— Вот сумасшедшие. И о чем они только думают?

— Наверно, о том, что от меня больше хлопот, чем пользы.

Куки хихикнула.

— Тебе звонили три клиента, но ничего срочного нет. Миссис Джордж по-прежнему клятвенно утверждает, что муж ходит налево, и хочет встретиться с тобой сегодня днем.

— Нет.

— Это я ей и ответила, только не так многословно, — пошутила Куки. — Все остальное подождет. Ну, как у тебя дела?

— Спасибо, что спросила, — усмехнулась я, выходя из стеклянных дверей. Поискала глазами Билли, но у того, очевидно, нашлись дела поважнее. — За завтраком адвокаты сообщили мне интересные новости.

— Да ну? И насколько интересные?

— Чертовски.

— Звучит многообещающе.

— Не могла бы ты найти список тюремных заключенных и поискать там имя «Рейес»?

— Список заключенных?

Я скривилась. В ее устах это прозвучало как-то... мерзко.

— Ага, долгая история.

— В нем примерно две сотни заключенных и/или условно-досрочно освобожденных с такой фамилией.

— Быстро ты управилась. Поищи на имя.

Куки щелкнула мышкой и сказала:

— Уже лучше. Таких всего четыре.

— Отлично. Ему сейчас должно быть около тридцати.

— Такой один.

Я замерла, не успев вставить ключ в замок дверцы машины.

— Один? Правда?

— Рейес Фэрроу.

Сердце нервно застучало у меня в груди. Неужели это действительно он? Неужели спустя все эти годы я наконец-то его нашла?

— У них есть фото? — спросила я. Куки не ответила, и я повторила вопрос. — Куки? Ты тут?

— Боже, Чарли. Он... это он.

У меня выпали ключи; дрожащей рукой я оперлась о Развалюху.

— Откуда ты знаешь? Ты ведь никогда его не видела.

— Он невероятно красив. В точности как ты описывала.

Я постаралась дышать ровнее. Если уж на то пошло, у меня под рукой даже не было бумажного пакета.

— Я никогда не видела такого... не знаю, как и сказать. Такого разъяренного и потрясающе красивого мужчины.

— Значит, это он, — согласилась я, не сомневаясь, что она нашла того, кого нужно.

— Я тебе сейчас пришлю его фото.

Я смотрела на телефон, дожидаясь сообщения. Спустя несколько долгих секунд на экране появилась картинка, и я чуть не упала. Медленно я опустилась на подножку, не в силах оторвать глаз от экрана.

Куки была права. Он выглядел свирепо, выражение лица было одновременно настороженным и взбешенным, как будто предупреждало надзирателей, чтобы те держались подальше. Для их же собственной безопасности. Даже при скудном освещении в его глазах угадывался с трудом сдерживаемый гнев. Когда его фотографировали, Рейес отнюдь не выглядел довольным жизнью обывателем.

— Он по-прежнему значится среди заключенных. Интересно, как часто обновляют эти списки. Чарли? — окликнула меня в трубке Куки, но я не могла отвести взгляд от фотографии. Кажется, подруга догадалась, что мне нужно прийти в себя, и молча ждала.

Наконец мне удалось справиться с волнением. Я прижала трубку к уху и наклонилась, чтобы поднять ключи. — Я поеду повидать Рокета.

Решив убить одним выстрелом двух зайцев, я свернула в переулок и припарковалась у мусорного контейнера, молясь, чтобы соседи не догадались, что я намерена забраться в их заброшенную психбольницу. В пятидесятых правительство ее прикрыло, и в конце концов больницей завладела местная банда байкеров, они же соседи. Они называли себя «Бандитами» и не любили незваных гостей. В доказательство байкеры держали ротвейлеров.

Когда я подошла ближе, меня бросило в дрожь — и не только из-за ротвейлеров. Мне нравились больницы. В колледже по выходным я обожала бродить по заброшенным психиатрическим лечебницам. Призраки, которых я там встречала, были бодры, энергичны и полны жизни. В ироническом смысле, поскольку они были мертвы.

В этой же больнице обитал один из самых моих любимых сумасшедших. Жизнь Рокета — пока он еще не оставил мир живых — была загадочней Бермудского треугольника, но мне удалось выяснить, что его детство пришлось на годы Великой депрессии. Его сестра умерла в детстве от пылевой пневмонии, и хотя я никогда ее не встречала, он говорил, что она по-прежнему здесь, составляет ему компанию.

Рокет во многом походил на меня. У него тоже от рождения было предназначение, своя цель. Но никто не понял его дара. После смерти сестры родители сдали сына на попечение психиатрической больницы штата Нью-Мексико. Долгие годы непонимания, неправильного лечения да время от времени электрошоковой терапии — и от Рокета не осталось и доли того человека, которым он, по всей вероятности, был когда-то.

Во многом он напоминал сорокалетнего ребенка с банкой печенья, вот только его банкой стал обшарпанный, заколоченный наглухо дурдом, а печеньями — имена, бесчисленные имена тех, кто умер, которые он день за днем вырезал на стенах больницы. Последний архивариус. Едва ли святой Петр имел что-то против Рокета.

Вот разве что не дал карандаша.

У меня дух захватило от волнения. Я могла одним махом выяснить, жив ли еще Тедди, племянник Марка Уира (я скрестила пальцы), и спросить про Рейеса. Рокет мгновенно узнавал о каждом, кто умирал, и никогда не забывал имен. От объема информации, которую он постоянно держал в голове, здоровый человек тронулся бы умом — быть может, и на его характере это отразилось.

Двери и окна лечебницы давным-давно забили досками. Я крадучись обогнула здание, прислушалась, не раздастся ли цоканье собачьих коготков, и пролезла на животе в окно подвала, которое взламывала каждый раз, как приходила. В этой больнице меня еще не ловили — и хорошо, потому что в противном случае я, наверно, осталась бы без ноги или без руки, — но однажды все-таки попала в заброшенной психушке неподалеку от Лас-Вегаса. Шериф меня арестовал. Может, я ошибаюсь, но, по-моему, именно тогда я впервые почувствовала слабость к мужчинам в форме. Шериф был чертовски сексуален. Он надел на меня наручники. С той минуты моя жизнь изменилась навсегда.

— Рокет! — позвала я, влетев головой в стол и споткнувшись о собственные ноги. Отряхнулась, включила светодиодный фонарик и направилась к лестнице. — Рокет, ты здесь?

На первом этаже никого не было. Я пересекла вестибюль, с изумлением рассматривая тысячи тысяч имен, вырезанных на оштукатуренных стенах, и поднялась по черной лестнице

на второй этаж. Повсюду в беспорядке валялись брошенные книги и мебель. Большинство поверхностей испещряли граффити — следы бесчисленных вечеринок, которые годами устраивали в заброшенном здании, вероятно, задолго до того, как больницу облюбовали байкеры. Если верить надписям, выпуск 1983-го гулял до зари, а Патти Дженкинс была шлюхой.

Многообразие языков, на которых Рокет вырезал на стене имена, приводило меня в восхищение. Там были и хинди, и китайский, и арапахо, и фарси.

— Мисс Шарлотта, — с озорным смешком произнес у меня за спиной Рокет.

Я подскочила на месте и стремительно обернулась:

— Рокет, чертенок!

Ему нравится меня пугать, и поэтому, приезжая в больницу, я каждый раз притворяюсь, что буквально умираю от ужаса.

Он расхохотался во все горло и едва не задушил меня в объятиях. Габаритами Рокет напоминал помесь пушистого гризли и колобка. У него было детское лицо, веселый нрав, а в людях он видел только хорошее. И обожал ворчать. Я всегда жалела, что не знала его, когда он еще был жив, до того, как власть в буквальном смысле поджарила его мозг. Был ли он ангелом смерти, как я? Я точно знала, что при жизни он мог видеть призраки умерших.

Рокет отпустил меня и смешно нахмурился:

— Вы никогда не приходите меня проведать. Никогда.

— Никогда? — передразнила я.

— Никогда.

— Но ведь сейчас я здесь, верно?

Он угрюмо пожал плечами.

— К тому же мне каждый раз приходится держать ухо востро, чтобы не попасться ротвейлерам.

— Вы правы. У меня для вас столько имен. Просто уйма.

— У меня маловато времени...

— Нечего им здесь делать. Нет-нет-нет. Им надо уйти. — Рокет обожал поболтать и всегда сообщал мне имена тех, кто умер, но еще не ушел.

— Ты прав, дружище, но на этот раз у меня для тебя тоже есть имя.

Он умолк и растерянно посмотрел на меня:

— Имя?

Я решила начать с имени человека, который, насколько я знала, уже ушел.

— Джеймс Энрике Барилья, — назвала я имя парнишки, которого нашли убитым у Марка Уира на заднем дворе.

— Ага. — Рокет погрузился в размышления.

Грязная уловка — вот так кидаться именами, но мне нужно было, чтобы Рокет сосредоточился. Времени оставалось мало. У меня была назначена встреча с одним типом, который занимался незаконными делишками. Без его помощи проникнуть в офис к адвокатам мне не удастся.

Рокет мгновенно узнал имя и устремился туда, где его написал. К несчастью, он срезал путь, проходя сквозь стены. Я изо всех сил старалась не отставать, мчалась, огибая углы и распахивая двери, надеясь, что ветхий пол меня выдержит.

— Рокет, подожди. Не бросай меня.

В ответ я услышала, как он бормочет себе под нос имя на кухне внизу. Я споткнулась о

сломанный стул, выронила фонарь, и он скатился вниз по ступенькам. В тот же миг Рокет очутился возле меня.

— Вы не меняетесь, мисс Шарлотта.

— Никогда? — уточнила я, с трудом поднимаясь на ноги.

— Никогда.

Он схватил меня за руку и потащил вниз по лестнице. Я попыталась на бегу подхватить фонарик.

Рокет хотел как лучше.

Потом он остановился. Неожиданно замер как вкопанный. Я врезалась в его спину, обрадовавшись, что он такой пухлый, отскочила и опять приземлилась на задницу. В другое время Рокет посмеялся бы надо мной, когда я встала и принялась отряхиваться, но сейчас он был занят. Судя по моему опыту, ничто не могло оторвать Рокета от дела.

Не удивительно, что он нашел имя Джеймса среди недавно умерших, раз был человек, которого за убийство парня посадили в тюрьму. Но мне нужно было убедиться.

— Ты можешь мне рассказать, как он умер? — спросила я, предвидя ответ.

— Ни как, — с досадой ответил Рокет, и я с трудом сдержала улыбку. — Ни почему. Ни когда. Только жив или мертв.

— А где? — не сдавалась я.

Он уставился на меня.

— Мисс Шарлотта, вы же знаете правила. Их нарушать нельзя, — напомнил он, погрозив мне коротеньким пухлым пальцем. Так мне и надо.

Иногда я задумывалась, действительно ли он знал больше или просто следовал некоему высшему закону, о котором я только догадывалась. Но я не могла отделаться от ощущения, что на его словарный запас повлияли годы, проведенные в закрытом лечебном учреждении. Никто так не любит правила, как надзиратели и санитары.

Я достала блокнот и пролиставала страницы.

— Ладно, дружище Рокет, а как насчет Теодора Бредли Томаса?

Если в остальном не повезет, то я хоть узнаю, жив ли пропавший племянник Марка Уира или умер.

Рокет на мгновение задумчиво наклонил голову.

— Нет-нет-нет, — наконец проговорил он. — Его время еще не пришло.

У меня отлегло от сердца. Теперь оставалось только найти парнишку. Интересно, угрожает ли ему опасность?

— А ты знаешь, когда придет его время? — уточнила я, предвидя ответ. Снова.

— Ни когда. Только жив или мертв, — повторил Рокет, отвернувшись и принялся вырезать на шпукатурке очередное имя.

Обо мне он забыл. Удержать внимание Рокета — все равно что подавать спагетти в ложке. Но у меня для него было еще одно имя. Самое важное. Я придвинулась ближе, страшась произнести его вслух, и наконец прошептала:

— Рейес Фэрроу.

Рокет замер. Я видела, что он узнал имя. Значит, Рейес все-таки мертв. У меня душа ушла в пятки. Я так надеялась, что он жив.

— Где его имя? — спросила я, не обращая внимания на то, что слезы щиплют глаза. Я оглядела стены, словно на самом деле могла найти Рейеса среди хаоса нацарапанных имен, похожих на картины Эшера,^[12] если бы тот сидел на кислоте. Но мне хотелось его увидеть.

Прикоснуться к нему. Пробежать пальцами по шероховатым прорезям и линиям, из которых складывались буквы.

Тут я осознала, что Рокет смотрит на меня. На его мальчишеском лице читалась настороженность. Я положила руку ему на плечо.

— Рокет, в чем дело?

— Нет, — сказал он и отступил на шаг. — Ему здесь не место. Нет, мэм.

Я зажмурилась, чтобы не видеть правды.

— Где его имя, Рокет?

— Нет, мэм. Ему не следовало рождаться.

Я распахнула глаза. Такого я от Рокета еще не слышала.

— Не верю своим ушам.

— Ему не следовало превращаться в мальчика по имени Рейес. Он должен был оставаться там, откуда пришел. Марсиане не могут стать землянами только потому, что им хочется пить нашей воды.

Рокет впился в меня глазами, потом отвернулся, долго смотрел в сторону и наконец снова перевел взгляд на меня.

— Держитесь от него подальше, мисс Шарлотта, — предупредил он, шагнув ко мне. — Держитесь от него подальше.

— Ты не очень-то любезен, Рокет, — твердо произнесла я.

Он наклонился ко мне и хрипло прошептал:

— Но, мисс Шарлотта, он тоже не очень любезен.

Тут его внимание привлекло что-то, чего мне не было ни видно, ни слышно. Рокет обернулся, прислушался, бросился ко мне и сжал мои руки своими мясистыми пальцами. Я вздрогнула, но не испугалась. Рокет никогда бы не причинил мне боль. Он сдавил крепче, и я едва не вскрикнула, поняв, что поторопилась с выводами.

— Рокет, — мягко проговорила я, — милый, мне больно.

Он отпустил меня и в изумлении отступил на шаг, словно не мог поверить в то, что сделал.

— Все в порядке, — добавила я, даже не потеряв ноющие руки. Это бы совсем расстроило беднягу. — Не волнуйся, Рокет, ты же не нарочно.

В его глазах мелькнул ужас. На прощание я услышала три слова:

— Ему все равно.

*У парней тоже есть чувства.
Но кого это волнует?*

Прикольный постер

На несколько ударов сердца солнце прилегло на вершину Найн-майл-хилл, потом потеряло к ней интерес и скользнуло по противоположному склону. Я в Развалюхе ждала, пока горизонт поглотит последние лучи, чтобы мне можно было пробраться в офис адвокатов. Чем дольше я ждала, тем больше думала о Рейесе. А чем больше я о нем думала, тем больше приходила в замешательство.

Рокет знал его имя, но значило ли это непременно, что Рейес умер? Быть может, дело в другом? Я никогда прежде не видела Рокета напуганным, и это меня встревожило. Еще мне показалось, он что-то скрывает, но понять, когда Рокет в трезвом уме, а когда нет, почти невозможно.

Но хоть в чем-то мне повезло: я узнала, что марсианам не стоит пытаться стать людьми, просто чтобы напиться нашей воды. Поскольку марсиан не существует, я решила, что старина Рокет имел в виду какую-то странную аналогию. Кого же можно сравнить с инопланетянами? Кроме циркачей? Должно быть, кого-то, кто живет против правил. Мне пришло в голову два варианта, но мысль о том, что Рейес не аудитор из налоговой и не член семейства Мэнсон, отчего-то меня успокоила. И слава богу, потому что к свастике не так-то просто подобрать наряд, как может показаться.

Пожалуй, больше всего в этой загадке меня озадачила вода. Что она символизирует? Чего именно человек, не связанный социальными нормами, может захотеть с такой силой, чтобы к ним приспособиться? Денег? Славы? Власти? Энчилады с зеленым чили? Я терялась в догадках. Бывает. В свою защиту должна сказать, что Рокет выбрал плохую метафору. Мы живем слишком близко к Розуэллу, чтобы логически рассуждать о вторжении инопланетян.

Но о деле я могла рассуждать логически. Племянник Марка Уира был жив, и у меня возникло серьезное подозрение, что он знал Джеймса Барилью, парня, чье тело нашли у Уира во дворе. Какая бы ни была связь между двумя этими делами, из-за нее Тедди оказался в опасности.

Куда, черт возьми, запропастился Ангел, причем тогда, когда он мне нужен? Он редко пропадал надолго. Как я могу вести сверхъестественное расследование без помощи сверхъестественной разведгруппы? А точнее, команды «Ангел», которая на самом деле состояла из одного члена. Но, называя это «командой», я могла говорить, к примеру: «В команде нет никаких „я“, мистер!» Мне чертовски нравится нести подобную чушь. Короче, без Ангела мне светило куда больше беготни, чем я планировала, когда надевала эти ботинки.

На обратной дороге из психбольницы я позвонила детективу, который вел дело Уира. Он был другом дяди Боба, но меня недолюбливал. Кажется, я его раздражала. Я могу быть страшной занудой, если моя левая нога того захочет. Я решила, что либо он завидует успеху дяди Боба — и моему вкладу в его карьеру, — либо ему просто не нравятся красивые девушки

с характером. А может, и то и другое.

Мы разговаривали недолго. Детектив Анайя отвечал кратко, отрывисто и по существу. По его словам, полиция тоже пыталась разыскать Тедди в связи с делом, но им нужно было повесить на Марка Уира еще один труп, еще одну смерть. Разумеется, следствие зашло в тупик. Поскольку я знала, что Тедди жив, у меня было небольшое преимущество перед полицией; подчеркиваю: небольшое. «Преимущество», пожалуй, тоже слишком сильно сказано.

Они допросили мать Тедди, и та сообщила, что из дома ее брата сын так и не вернулся. Но почему же она дождалась, пока Марка арестуют за убийство, и только тогда заявила об исчезновении сына? Непонятно, где эти две недели был Тедди. Может, я и не чемпион мира по десятиборью, но даже я могу сказать, что в ее показаниях крылось противоречие.

Дожидаюсь, пока медленно тающий свет наконец растает окончательно и позволит темноте окутать окрестности, я открыла телефон и в сотый раз за день уставилась на фотографию Рейеса. Как и прежде, от одного взгляда на него у меня захватило дух. Я ничего не могла с собой поделать. Спустя более десяти лет я наконец нашла его. Да, нашла его в тюрьме, но в ту минуту — я давно наловчилась отрицать очевидное — мне на это было наплевать. Меня утешало только одно: когда его фотографировали, Рейес явно был вне себя от гнева. Не просто расстроился или разозлился, а пришел в ярость. Виновные обычно ведут себя иначе. Они либо испытывают облегчение, что их поймали, либо нервничают. В случае с Рейесом не было ни того ни другого.

Я закрыла телефон, усилием воли подавив желание страстно расцеловать экран, и крадучись пробралась к главному входу в офис адвокатской конторы «Сассмэн, Эллери и Барбер». К моей радости, большую дубовую дверь скрывали заросли вечнозеленых растений и юкки: так мне было намного проще совершить кражу со взломом, хотя, если честно, взломом тут и не пахло, поскольку у меня имелся ключ.

В кабинете Барбера порядка было не больше, чем на поле битвы после Армагеддона. Я пролистала пачки документов и нашла папку с материалами по делу Уира в картонной коробке с надписью «Уир, Марк Л.». Логично, что они оказались именно там. А с флешкой пришлось попотеть. Барбер утверждал, что она лежит у него на столе. Но там ее не было, а в ящике я нашла целых семь флешек без каких-либо наклеек и пометок. Я не могла торчать в конторе весь вечер. Мне нужно было сидеть в засаде, а это, увы, скучно — ни тебе вампиров, ни бифштексов.

Я взвесила все «за» и «против» того, чтобы забрать все флешки с собой и проверить. Аргументы «за» перевесили. Решив завтра вечером еще раз проникнуть в контору, чтобы их вернуть, я принялась рассовывать добычу по карманам. Тут выяснилось, что мокко латте и чизбургеры сослужили мне плохую службу. При мысли об этом у меня глухо заурчало в животе. Я умирала от голода.

Подскакивая на месте, я старалась впихнуть в карман две оставшиеся флешки и составляла в уме список всех кафе, куда заеду по дороге на склад, возле которого мы будем сидеть в засаде.

— Ты так же незаметна, как огромный грузовик на выставке редких машин.

Я вздрогнула, обернулась и увидела в дверях Гаррета.

— Черт возьми, Своупс, — выдохнула я, схватившись за сердце. — Что ты здесь делаешь?

Он зашел в залитый лунным светом кабинет, огляделся и только после этого обратил

внимание на вашу покорную слугу.

— Меня послал твой дядя, — сухо ответил он. — Без ордера на обыск найденные тобой улики в суде окажутся недействительны.

Ага, значит, мы снова смертельные враги. С Гаррета мигом слетела прежняя невозмутимость. Теперь мне нужно держать с ним ухо остро и остерегаться вероломства. Есть, спать и писать с оглядкой.

— Для тебя что-нибудь значат слова «охрана вещественных доказательств»? — поинтересовался он.

— Значили бы, если бы меня это заботило. — Я взяла коробку и направилась к двери. — Мне же лишь нужно знать, с чем пришлось столкнуться.

— Кроме душевного заболевания?

Ого, мы снова перешли к колкостям. Как приятно быть дома.

— Я не собираюсь доказывать тебе свои детективные способности, Своупс, и мериться с тобой сам знаешь чем только из-за того, что сумела заслужить себе доброе имя. Я просто помогаю своим клиентам. Только и всего, — бросила я, проходя мимо него. — И занимаюсь этим уже много лет, гораздо дольше, чем ты работаешь в полиции.

Гаррет вслед за мной вышел за дверь.

— Какой код? — спросил он, чтобы поставить офис на сигнализацию.

Я проорала цифры через плечо — да так, чтобы все соседи слышали, — и поставила коробку в багажник своего джипа.

— Мне по дороге надо заехать подзаправиться. Увидимся на складе, — сказала я.

Закрыв заднюю дверь адвокатской конторы и убедившись, что она заперта, Гаррет подошел ко мне и предложил:

— Мы ведь рядом с твоим домом. Давай оставим там твою машину и поедem на моей.

Я вставила ключ в замок и открыла дверь Развалюхи.

— Я есть хочу.

— Поешь по дороге.

С моих губ сорвался раздраженный вздох, а рука замерла на полпути к ручке двери.

— Дядя Боб платит тебе за то, чтобы ты со мною нянчился?

— Дэвидсон, у нас четыре трупа. Разумеется, он... переживает.

— Диби? — фыркнула я.

— Я поеду за тобой к тебе домой.

— Да ради бога, Своупс, только не плачь.

Я забралась в Развалюху и захлопнула дверь. Похоже, Гаррету не больше моего нравилось, что ему приходится меня опекать. В глубине души мне даже стало грустно. А может, и нет.

* * *

— М-м-м. Тако просто объеденье.

Я посмотрела на Своупса. Мы притормозили возле полицейской машины дяди Боба, ничем не примечательного темно-синего седана без опознавательных знаков.

— Я постараюсь больше не капать сальсой на твои чудные виниловые сиденья.

Гаррет заскрипел зубами. Умора.

— Они кожаные, — стараясь держать себя в руках, ответил он.

— А, понятно. Очень красивые.

С этими словами я выскочила из машины, не дожидаясь, пока напряжение выльется в спонтанные насильственные действия, сунулась обратно за огромным стаканом диетической колы и рванула к дядиному автомобилю. Он же безопасная зона.

Мы припарковались довольно далеко от склада; от ржавого железного строения нас отделял пустырь, заросший крестовником и мескитовыми деревьями. Находившееся у черта на куличках здание напоминало нечто среднее между ангаром и автомастерской. Вокруг на несколько миль — ни души. И это показалось мне самым интересным.

Дядя Боб сидел за рулем в машине и изучал окрестности в дорожный бинокль. Я наклонилась к лобовому стеклу, заглянула в бинокль и улыбнулась. Дядя отвел прибор от глаз и, нахмурившись, посмотрел на меня.

— Чего? — одними губами спросила я, прежде чем забраться в теплую машину на пассажирское сиденье. Благодаря «Мачо Тако» голодная смерть мне сегодня не грозит. Жизнь прекрасна.

— Кто это? — полюбопытствовала я, указывая на вторую полицейскую машину без опознавательных знаков, припаркованную в нескольких ярдах от нас и скрытую темнотой. Мешала лишь одна малюсенькая, совсем крошечная оплошность. Включенные габаритные огни. Я бросила на машину оценивающий взгляд и решила, что парень за рулем умом не блещет и в отличниках явно не ходил.

— Это Тафт, — ответил дядя Боб.

— О нет, — выдохнула я.

— Он сам вызвался.

— Только не это.

— Славный малый.

Я закатила глаза и откинулась на сиденье. Гаррет открыл заднюю дверь и залез в машину, посветив карманным фонариком прямо мне в глаза.

— Закрой дверь, — со скрытой угрозой в голосе прошептала я.

Дядя Боб нахмурился. Опять. Не знаю зачем. У него это и без тренировки неплохо получалось.

— У Тафта завелась поклонница, — пояснила я. — Его преследует очаровательная малышка. Думаю, ее зовут Исчадие Ада или как-нибудь в этом роде.

Дядя Боб усмехнулся:

— А ты чего так вырядилась, Исчадие Ада?

Диви таким неделикатным образом намекнул на то, что я переоделась. Я тщательно — черное к черному — подобрала костюм и для завершения образа, соответствовавшего ночи в пустыне, аккуратно намазала лицо черной краской. Пришлось примерить несколько вариантов, пока Гаррет ждал меня внизу в машине. Надеюсь, он не очень разозлился, что я так долго копалась.

— Это чтобы меня не заметили, — пояснила я.

— На фоне чего? Дьявола?

— Смейся-смейся, дядя Боб, — бросила я и громко хлопнула колой. — Вот подожди, кто-нибудь подойдет поближе и уставится на нас. И тогда ты оценишь мою предусмотрительность.

Тут Гаррет счел уместным вступить в беседу.

— Я ценю твою предусмотрительность, — бесстрастно проговорил он, словно мысли его витали где-то далеко. — Пусть не так высоко, как твою грудь, но...

Я повернулась к нему лицом.

— У моей груди, как ты соизволил неизобретательно ее обозначить, есть имя. — Я указала на правую. — Это Угроза. — Потом на левую. — А это Уилл Робинсон. И я была бы тебе благодарна, если бы ты обращался к ним соответственно.

Спустя несколько долгих минут, в течение которых Гаррет лишь удивленно моргал, он наконец поинтересовался:

— Ты дала груди имя?

Я обернулась к нему и пожала плечами.

— И яичникам тоже, но они не так заметны. А тебе не приходило в голову, что они свернули операцию, когда раскололи Карлоса Риверу? — обратилась я к дяде Бобу. — Если у этих ребят есть хоть капля мозгов, они должны были ликвидировать все улики, как только обнаружили, что Ривера их заложил.

— Верно, — согласился дядя Боб. — Но есть только один способ это проверить.

— Не проще ли тебе получить ордер, собрать небольшую армию и взять это место штурмом?

— На каком основании? Чтобы получить ордер, глупышка, анонимных сведений недостаточно. Нам нужна та флешка.

Тут он был прав. Не совсем, конечно, но все-таки прав. А еще он назвал меня глупышкой. Я хлопнула колой так громко, как только смогла. Было бы проще, если бы мы знали, чего ждем. Я вздохнула, чтобы подчеркнуть нетерпение и скуку. Засады ужасно скучны. Как признанный мастер сарказма я сочла своей гражданской обязанностью внести немного оживления и еще раз хлопнула колой.

— Почему бы тебе не составить Тафту компанию? — не отрываясь от бинокля, предложил дядя Боб.

— Не могу.

Он опустил бинокль.

— Почему?

— Я его не перевариваю.

— Отлично. Насколько я знаю, он тебя тоже.

— К тому же, — добавила я, не обращая внимания на неблагодарного дядюшку, — его преследует по пятам Исчадие Ада. Помнишь? — Тут до меня дошло, что сказал дядя Боб. — Он меня не любит?

Дибби приподнял брови.

— Что я ему сделала? — Я посмотрела на дурацкую машину Тафта. — Придурок. Вот увидишь, я не стану ему помогать, когда адский ребенок даст о себе знать.

За моей спиной раздалось механическое жужжание: Гаррет опустил стекло.

— Там что-то движется.

Мы все уставились на склад и заметили вертикальную полоску света. Массивные двери приоткрылись, и свет упал на ждущий возле склада фургон. Он въехал внутрь, и двери закрылись.

— Если так будет продолжаться, мы никогда не раскроем дело и Марк Уир состарится в тюрьме. Дурацкая слезка, — захныкала я прямо в свою диетическую колу. — Темно, хоть глаз выколи. Надо подобраться поближе.

— Пошли туда свою команду, — посоветовал дядя Боб.

— Я сегодня без команды.

— Что? — встревожился он. — А где Ангел?

Я пожала плечами:

— Я не видела этого паршивца уже несколько дней. Зачем я, по-твоему, так вырядилась? У меня от этой краски испортится цвет лица.

— Я тебя туда не пущу, Шарлотта Джин Дэвидсон.

Ого. Диви, похоже, не шутит. Я решила подождать две минуты. Спустя шестьдесят семь секунд и три громких глотка дядя передумал.

— Ладно, — тяжело вздохнул он.

Наконец-то.

— Иди работай.

Я знала, что он уступит.

— Но, ради бога, будь осторожна. Если с тобой что-то случится, твой отец меня прикончит.

Он протянул мне рацию, а я ему — колу.

— Только не пускай туда слюни.

— Только не попадись. — Он обернулся к Гаррету. — Присмотри за ней.

— Что? — пискнула я в рацию: его слова застали меня врасплох посреди проверки аппаратуры. Дядя Боб нахмурился. — Я не возьму с собой Своупса ни за какие коврижки. Он сегодня не в духе.

Гаррет бросил на меня бесстрастный взгляд.

— Либо Своупс пойдет с тобой, либо ты никуда не пойдешь.

Я забрала у дяди свой стакан колы и плюхнулась на сиденье.

— Значит, я никуда не пойду.

* * *

— Осторожно.

Я перелезла через проволоку, спрыгнула на землю и хмуро посмотрела на Гаррета, который остался по ту сторону. В смысле, не в потустороннем мире, а по ту сторону забора.

— Да-да, дядя Боб мне все время об этом твердит, — кисло сказала я. Спор я проиграла. Несмотря на то что мне это не впервой, проигрывать я так толком и не научилась.

Гаррет последовал моему примеру — вскарабкался на изгородь высотой в два с половиной метра и приземлился намного увереннее, чем получилось у меня. Зато он наверняка не сможет завязать языком в узел черешок от вишни.

Мы припустили через открытый пустырь к складу. Я изо всех сил старалась не упасть и еще усерднее — не вцепиться в куртку Гаррета, чтобы удержаться на ногах.

— Я читал, что ангелы смерти коллекционируют души, — прошептал он на бегу. Было темно, хоть глаз выколи. Немного спасал лунный свет, но все равно бежать по пересеченной местности оказалось непросто.

— Своупс, — я старалась дышать ровно, чтобы он не догадался, что я запыхалась, — вокруг меня толчется и отравляет мне жизнь множество душ. Зачем мне собирать всякую гадость? Даже если бы я их коллекционировала, куда бы ставила банки с душами?

Он не ответил. Мы пробежали стоянку и выбрались на зады здания без окон. К счастью, на нем не было камер слежения. Но по ровному свету, заливавшему края крыши, я догадалась, что она стеклянная. Если я взберусь наверх, то смогу посмотреть, что творится внутри. Конечно, подглядывать нехорошо, но мне нужны улики, которые подтвердили бы информацию.

Гаррет потащил меня за мусорные ящики, и я наткнулась на водосточную трубу, которая вела на крышу. Для прочности труба крепилась к стене железными скобами, расположенными сантиметрах в тридцати друг от друга. Отличная опора для ног.

— Эй, подсади меня, — прошептала я.

— Что? Нет, — возразил Гаррет, с подозрением оглядывая трубу, но тем не менее подтолкнул меня к ней. — Я сам полез наверх.

— Я легче, — уперлась я. — Тебя она не выдержит. — Хотя спорила я главным образом ради самого спора, труба действительно выглядела хлипковато. А ржавчины там было больше, чем в закате над Нью-Мексико. — Я залезу наверх и загляну в окно в крыше. Внутри мне, скорее всего, забраться не удастся, но, быть может, получится найти дыру. Или проделать, — заключила я, размышляя вслух.

— Тогда эти негодяи сделают дыру в тебе. В твоей дурной голове. А то и две, судя по предыдущему опыту.

Я изучала трубу, а Гаррет тархтел что-то невразумительное о дырах и опыте. Я решила не обращать внимания на его слова. А когда он закончил, обернулась к нему.

— Ты вообще понимаешь по-английски? Подсади меня, — рявкнула я, когда он озадаченно нахмурился.

Оттолкнув его плечом, я обеими руками обхватила трубу. Он раздраженно вздохнул, шагнул ко мне и взял за задницу.

Испытала ли я возбуждение? О да. Но вот момент он выбрал неподходящий.

Я хлопнула Гаррета по рукам:

— Что ты делаешь, черт возьми?

— Ты просила тебя подсадить.

— Именно. Подсадить, а не облапать.

Он замолчал и смущенно уставился на меня.

Что тут скажешь?

— Сложи руки в горсть, — велела я, пока он не начал ко мне приставать. — Подсадишь меня до первой скобы, а дальше я сама.

Он неохотно сложил руки и наклонился. Я захватила с собой черные перчатки, подходящие по цвету к моему наряду. Натянула их, поставила одну ногу в сложенные ладони Гаррета и подтянулась до первой скобы. Это было довольно просто — все-таки Гаррет очень сильный, — но вот вторая скоба далась мне нелегко. Острый металл врезался в перчатки, и у меня тут же заболели пальцы. Я старалась удержаться на трубе, поставить ногу и подтянуться до следующей скобы. Как ни странно, хуже всего пришлось локтям и коленям: ими я, как рычагом, опиралась о железную стену ангара, оскальзываясь и извиваясь намного чаще, чем следовало.

Спустя целую вечность я перевалила через край крыши. Металл впился мне в ребра, причиняя мучительную боль; казалось, он смеется надо мной, приговаривая: «Чего застряла?» Я рухнула на крышу и с минуту лежала неподвижно, удивляясь, что подъем оказался гораздо труднее, чем я предполагала. Утром у меня будет болеть все тело. Если бы

Гаррет хоть немного был джентльменом, он бы влез по трубе вместо меня.

— Ты в порядке? — прошептал он в рацию.

Я попыталась ответить, но пальцы свело, как клешни, из-за того, что я мертвой хваткой цеплялась за скобы, и я не смогла нажать кнопку сбоку рации.

— Дэвидсон, — прошипел он.

О господи. Я с силой расцепила пальцы и вытащила из кармана куртки рацию.

— Все в порядке, Своупс. Валяюсь вот, жалею себя. Подожди минуту, ладно?

— У нас нет ни минуты, — ответил он. — Двери опять открылись.

Я не стала тратить время на ответ. Перекатившись на бок, встала на ноги, присела на корточки и подползла к окнам в крыше. На самом деле это были оранжерейные стекла, но старые и потрескавшиеся, и я обнаружила в них немало дыр, сквозь которые можно было заглянуть внутрь. Но чтобы рассмотреть, что творится внутри, мне фактически пришлось лечь на стекло. Сквозь одну из трещин пробивалась тонкая полоска света; я склонилась над ней, опершись на дрожащие руки и обхватив стекло. Если железная рама выдержит, подумала я, то я не полечу сквозь крышу вниз. И это было бы здорово.

Я заглянула внутрь и увидела, что из склада выезжает фургон. Двое мужчин засовывали в коробки документы и папки со старого стола. Кроме этого стола, в помещении площадью не меньше четырех тысяч квадратных метров, как ни странно, больше ничего не было. Ни фантика, ни окурка. Мои опасения подтвердились. Хозяин склада, кто бы он ни был, моментально очистил его, стоило Карлосу Ривере встретиться с Барбером.

У меня по-прежнему дрожали руки, и я горько сожалела о съеденных тако и выпитой коле. Литр есть литр. Диетическая или нет, весит кола одинаково. Чего уж овцой прикидываться.

Я осторожно сползла по железной раме, репетируя речь, которую произнесу перед дядей Бобом на тему «Я же тебе говорила!». Склад был пуст. Да, точно так, как я и говорила. Я знала, что права, но... Ладно, дядя Боб, не надо, ты меня смущаешь. Нет, правда, хватит. Я не шучу.

И как раз в тот момент, когда представляла, как, состроив недовольную гримасу, повторю речь о том, насколько же все-таки была права, на торжественной церемонии награждения Самых Умных и Предусмотрительных, я краем глаза уловила какое-то движение. Что-то мелькнуло в воздухе — вероятно, кулак, — и моя челюсть едва не треснула от боли. «Ни фиги себе!» — пронеслось в моей голове, и сквозь стекло в крыше я грохнулась вниз.

*Вам трудно сосредоточиться, если...
Ой, смотрите, цыпленок!*

Надпись на футболке

Впервые я увидела его в тот день, когда появилась на свет. Полы его плаща с капюшоном величественно развевались, точно тень листвы, которую волнует легкий ветерок. Наклонившись, он смотрел на меня, пока доктор перерезал пуповину. Я знала, что он смотрит на меня, хотя и не видела его лица. Он прикоснулся ко мне, когда акушерки меня вытирали, но я не видела его пальцев. Грудным хриплым голосом он нежно прошептал мое имя, хотя я не расслышала ни слова. Вероятно, потому, что, выселенная из материнской утробы, орала во все горло.

С того дня я встречала его лишь в очень редких случаях, и все они были смертельно опасны. Теперь понятно, почему я увидела его сейчас. Моя жизнь висела на волоске.

Когда я летела с крыши, а навстречу мне со скоростью света неся бетонный пол, он был там и смотрел на меня снизу, хотя я не видела его лица. Я попыталась замереть в воздухе, замедлить падение, зависнуть над полом и рассмотреть его. Но неумолимая сила притяжения заставляла меня продолжать спуск. И тут из темных и пугающих (нездоровых, как сказали бы некоторые) глубин моей души всплыло воспоминание. Я вспомнила, что он прошептал мне в тот день, когда я родилась. Мозг тут же отверг услышанное, потому что имя, которое он произнес, не было моим. Он назвал меня «Датч». В тот самый день, когда я родилась. Откуда он знал?

Вспоминая свой первый день на земле, я забыла, что вот-вот разобьюсь насмерть. Чертов синдром нарушения внимания. Впрочем, падение довольно быстро мне об этом напомнило. Я со всей дури ударилась о пол, так что воздух вышибло из легких. А он по-прежнему смотрел на меня снизу. Значит, я еще не долетела до земли. Я ударилась обо что-то другое, что-то металлическое, перевернулась и рухнула на стальной решетчатый настил.

Мучительная боль вспыхнула в средостении и волнами ядерного взрыва прокатилась по телу, такая жестокая, такая пугающе сильная, что у меня перехватило дыхание и потемнело в глазах; потом я почувствовала, как тело обмякло и я провалилась сквозь решетку. Но прежде чем над моей головой сгустился мрак, я снова увидела его: он наклонился и рассматривал меня.

Я всмотрелась в него из последних сил, стараясь подавить невыносимую боль, от которой из глаз брызнули слезы и затуманили взгляд. Но не успела его разглядеть: мое время истекло, и все окутала чернота. Нечеловеческий рев, полный ярости и боли, отразился эхом от стен пустого склада, сотряс железный остов здания и камертоном зазвенел в моих ушах. Хотя я и не расслышала его голоса.

* * *

Не успела я потерять сознание, как тут же очнулась — по крайней мере, мне так

показалось. Однако чувствовала себя не так, как прежде. По крайней мере, я дышала и могла связно мыслить. Как ни странно, старая поговорка не соврала. Убивает не падение, а внезапная остановка.

Я попыталась открыть глаза, но ничего не получилось. Либо я еще толком не очнулась, либо Гаррет раздобыл тюбик суперклея и рассчитался со мной за сальсу на сиденье. Дождаясь, пока до моих век дойдет, что вообще-то от них требуется разлепиться, я слышала, как Своупс бормочет в рацию что-то о пульсе, который прощупывается. О таком всегда приятно узнать. Он держал пальцы у меня на шее.

— Я здесь, — напряженно выпалил в рацию дядя Боб. Потом до меня донесся звук шагов по металлическим ступеням и сирены вдалеке.

Гаррет, должно быть, почувствовал, что я очнулась.

— Коллега, мне кажется, мы ее теряем, — сообщил он дяде Бобу, который с трудом шагал к нам по решетке. — Придется делать искусственное дыхание, другого выхода у нас нет.

— Только попробуй, — ответила я, все еще не в силах открыть глаза.

Гаррет усмехнулся.

— Черт тебя дери, Чарли, — прохрипел дядя Боб, и в его голосе слышалась скорее тревога, чем злость. Наверно, резиновый браслет на запястье все-таки подействовал. — Что произошло?

— Я упала.

— Не дури.

— Кто-то меня ударил.

— Опять? Вот уж не думал, что эта неделя по всей стране проходит под девизом «Убей Чарли Дэвидсон».

— Может, передохнем хоть денек? — встрял Гаррет. Должно быть, дядя Боб бросил на него свой знаменитый свирепый взгляд, потому что Своупс вскочил на ноги, выпалил: «Ладно, пойду работать» и ушел — по всей видимости, искать нападавшего.

Сирены приближались, и я услышала шарканье ног внизу.

— Ты ничего не сломала? — Голос дяди Боба смягчился.

— Кажется, веки. Не могу открыть их.

Я услышала негромкий смешок.

— Будь на твоём месте кто другой, я бы сказал, что веки сломать нельзя. Но в случае с тобой...

Я слабо улыбнулась:

— Значит, я особенная?

Дядя Боб фыркнул и ощупал меня, нет ли где перелома.

— Особенная — это слабо сказано, девочка моя.

* * *

Чудеса случаются. И я — живое тому доказательство. Не сломать ни единой косточки и уйти на своих ногах (ну ладно, хромяя и с посторонней помощью) после такого падения — вот уж действительно Чудо из чудес. С большой буквы.

— Необходимо сделать рентген, — сказал дяде Бобу врач «скорой», когда я валялась на

носилках.

Врачи мне понравились.

— Вам просто не терпится меня ощупать, — ответила я, схватила серебристый прибор, на удивление похожий на инопланетный зонд, сломала его и стремительно положила на место, надеясь, что из-за меня жизнь какого-нибудь пришельца не повиснет на волоске лишь оттого, что врач не сможет ввести ему зонд в нужное отверстие.

Чувак со «скорой» хмыкнул и в миллион первый раз измерил мне давление.

— Дядя Боб, я правда хорошо себя чувствую. Кому принадлежит склад?

Дядя Боб закрыл телефон и посмотрел на меня сквозь приоткрытые двери «скорой».

— Если ты надеешься, что над его макушкой висит неоновая вывеска с надписью «негодяй», то вынужден тебя разочаровать.

— Да ну? Неужели он причислен к лику святых?

— Что-то вроде того. Его зовут отец Федерико Диас.

Ого. Зачем католическому священнику склад у черта на куличках? Зачем ему вообще склад? С каждой минутой дело становилось все более странным.

— Никого, — сообщил подбежавший Гаррет. — Не понимаю. Если внутри были двое и один на крыше, куда же они подевались?

— Кроме фургона, других машин в округе не было. Значит, они ушли пешком, — предположил дядя Боб, с недоумением осматривая окрестности.

— Или вообще не уходили, — добавила я. — Где коробки?

Оба обернулись и оглядели пустой склад.

— Какие коробки? — переспросил дядя Боб.

— Вот именно. — Я устроилась поудобнее на носилках, протянула сломанный зонд врачу «скорой», который приставил к прибору инопланетный наконечник и положил его на место, после чего спустилась на землю, морщась сильнее, чем это принято в обществе.

— Я скажу вам всего три слова, — заметил врач. — Опасность внутреннего кровотечения.

Я обернулась к нему:

— А вам не кажется, что если бы у меня было внутреннее кровотечение, то я бы как-нибудь об этом догадалась? Ну, скажем, внутренне?

— Ну хотя бы один снимок, — начал торговаться врач. Я снова поморщилась, и он добавил: — Или два.

Дядя Боб мускулистой рукой обнял меня за плечи. Я открыла рот, чтобы высказать врачу все, что думаю о его предложении, но дядя меня опередил:

— Чарли, на складе кругом полиция. Я обещаю, что мы поищем исчезнувшие коробки.

— Но...

— Ты поедешь в больницу, даже если мне придется пристегнуть тебя наручниками к носилкам, — заявил Гаррет и шагнул вперед, словно собирался отрезать мне путь к отступлению.

Раздраженно вздохнув, я скрестила руки на груди и смерила его надменным взглядом.

— Даже не пытайся надеть на меня наручники. Я хочу присутствовать при вашей беседе с отцом Федерико, — пояснила я дяде Бобу, игнорируя изумленную мину Гаррета. Когда до него наконец дойдет?

— Договорились, — согласился дядя Боб, пока я не передумала. — Позвоню тебе завтра и сообщу время.

— Тебя же надо будет забрать из больницы, — напомнил мне Гаррет.

— Тебе просто хочется попытаться надеть на меня наручники. Я позвоню Куки. А ты лучше выясни, куда делись коробки.

— Посмотришь завтра на снимки? — спросил дядя Боб. — Ты ведь узнаешь того, кто тебя ударил?

— Ну... — Я наморщила нос, соображая, смогу ли с точностью определить личность нападавшего по удару в челюсть, которым он меня угостил. — Краем глаза я неплохо рассмотрела его левый кулак. Быть может, узнаю мизинец.

* * *

По какой-то необъяснимой причине, поставившей меня в тупик, Куки, похоже, не слишком обрадовалась, когда я позвонила ей в час ночи и попросила забрать меня из больницы.

— Что ты выкинула на этот раз? — спросила она, войдя в кабинет врача. Вид у нее был — просто конец света: пижамные штаны, необъятный, похожий на рясу, свитер, брошенный на футболку, на голове — воронье гнездо. Чудо в перьях.

Я сползла со смотрового стола так осторожно, словно в комнате бомба, реагирующая на движение. Куки бросилась мне на помощь. Если бы в кабинете действительно была бомба с детектором движения, нас бы разнесло в клочья.

— С чего ты взяла, что это я виновата? — возмутилась я, встав на ноги.

Куки неодобрительно поджала губы.

— Ты хоть представляешь себе, что чувствует нормальный человек, когда ему среди ночи звонят из больницы? Я от волнения дар речи потеряла. Не могла и двух слов связать.

— Прости. — Прихрамывая, я подошла к куртке и, ежась от боли, стала одеваться, удивляясь, сколько усилий требовалось приложить, чтобы не упасть в обморок. — Ты, наверно, подумала, что-то случилось с Эмбер.

— Смеешься? Эмбер по сравнению с тобой — ангел. На фоне того, что вытворяешь ты, ее подростковые гормональные капризы — чушь собачья. И как только твоей мачехе удалось тебя вырастить?

При этих словах в моей голове точно лампочка зажглась. Может, не самая яркая — ватт на двенадцать, не больше, — но это заставило меня по-новому взглянуть на безразличие, с каким относилась ко мне Дениз. Пожалуй, в том, что у нас такие сложные отношения, отчасти была и моя вина.

Или нет?

Всю дорогу до дома Куки читала мне нотации. К счастью, я попросила «скорую» отвезти меня в Пресвитерианскую больницу, так что ехали мы недолго. Внимание подруги было приятно, но вместе с тем почему-то раздражало. Меня больше заботило недавнее покушение. Как ни старалась, я не могла отделаться от мысли, от которой меня бросало в жар, так что пот струился прямо под воротничок рубашки от «Гуччи», которую я за семь долларов откопала в секунд-хенде. Кто-то меня ударил. Кто-то пытался меня убить. Если бы ему это удалось, меня бы уже не было в живых.

Но мой врожденный оптимизм не мог допустить, чтобы мрачные мысли отравляли мне мозг; наверняка в прошлой жизни я была дитя цветов: я привыкла, что стакан всегда

наполовину полон. И желательно «Джека Дэниелса». Сегодня ночью я кое-что узнала и помимо того, что поговорка про падение и остановку справедлива. Я поняла, что каким-то образом, по какой-то невероятной прихоти судьбы, Рейес и Злодей связаны. Но как? Когда я родилась, Рейесу от силы было года три. Откуда Злодей знал, что спустя пятнадцать лет Рейес назовет меня «Датч»?

Мне это не показалось. Я помню все очень четко. Датч. Нежный, глухой, завораживающий шепот. Такой, как сам Рейес. И на этом сходство не заканчивается. Я мысленно продолжила список совпадений. От обоих — и Рейеса, и Злодея — исходили тепло и сила. Оба двигались иначе, чем призраки — быстро, так что расплывались очертания. Их взгляды и прикосновения подчиняли волю. При их появлении у меня подкашивались ноги.

Наверно, я что-то упустила. В противном случае Рейес и Злодей — родственные сущности. Но как такое возможно? Мне был нужен совет. Когда «таурис» Куки заехал на стоянку, я призналась:

— Я снова его видела.

Она ударила по тормозам и уставилась на меня.

— Когда падала с крыши, — добавила я.

— Рейеса? — недоверчиво переспросила она.

— Нет. Не знаю. — В моем голосе сквозила усталость. — Сомневаюсь. Слишком многое мне непонятно.

Куки понимающе кивнула, аккуратно припарковалась у тротуара и выключила двигатель.

— Я кое-что раскопала. Уже поздно, но у меня есть подозрение, что ты не уснешь, пока не получишь ответа на свои вопросы.

* * *

Куки чуть ли не на руках донесла меня до квартиры и пошла проверить, как там Эмбер. Я прокричала «Привет!» мистеру Вонгу и включила новенькую кофеварку, которую, судя по прилагавшейся к ней открытке, прислали добрые люди из «ААА Электрик» в благодарность за расследование дела о пропаже распределительных устройств, что бы ни имелось в виду под этим термином и кто бы их там ни украл. Прибор был красный. Кофеварка, не распределительное устройство. Понятия не имею, какого цвета были те самые устройства, — я вычислила вора задолго до того, как обнаружили пропажу. Впрочем, едва ли они были красные.

Я собиралась принять четыре таблетки ибупрофена за раз, так что налила себе стаканчик молока и залпом осушила его, чтобы желудок не лопнул по швам. От болеутоляющих, которые выписал врач со «скорой», я отказалась. Не дружу я с рецептами. Но мышцы уже начинали ныть и каменеть, и мне казалось, что еще одно движение — и они рассыплются. Может, после падения я и не получила серьезных повреждений, но с меня хватало и несерьезных. Я едва дышала от боли.

Но уж лучше с трудом переводить дух, чем вообще лишиться способности дышать.

Кроме поездки в тюрьму к Марку Уиру, погони за Рокетом по брошенной психбольнице, взлома адвокатской конторы и падения с крыши склада, мне надо было еще

залезть в компьютер и нарыть в тюремной базе данных побольше сведений о Рейесе. Я уселась в кресло за компьютером, и тут вошла Куки с пачкой записок и распечаток. Насколько я ее знаю, она уже изучила подробности биографии Рейеса вплоть до размера обуви и группы крови. Я зашла на сайт Управления исправительных учреждений штата Нью-Мексико, а Куки налила нам кофе. Спустя десять секунд — слава оптоволоконной связи! — на экране появилось лицо Рейеса.

— Боже мой, — выдохнула Куки у меня за спиной, очевидно испытывая то же, что и я каждый раз при виде Рейеса.

Она поставила чашку на стол возле меня.

— Спасибо, — сказала я, — прости, что вытащила тебя из дому среди ночи.

Она придвинула себе стул, села и накрыла мою руку ладонью.

— Чарли, ты действительно думаешь, что меня хоть капельку напрягла твоя просьба?

Вопрос с подвохом?

— Ну, наверно, да. Может, ты даже чертыхнулась. Да и кто бы не взбесился?

— Как кто? Я, — ответила она обескураженно, как будто одним лишь своим предположением я задела ее чувства. — Наоборот, я бы взбесилась, если бы ты мне не позвонила. Я знаю, что ты особенная, у тебя необычные способности, которых мне толком никогда не понять, но ты все же человек и моя лучшая подруга. — Морщинки на ее лице сложились в топографическую карту тревоги. — Меня напрягло не то, что ты мне позвонила. А то, что ты думаешь, будто неуязвима. Это не так. — Куки замолчала и пристально взглянула мне в глаза, чтобы до меня дошел смысл ее слов. Это было очень трогательно. — И из-за этого ложного чувства безопасности ты попадаешь во всякие... странные ситуации.

— Странные? — притворившись оскорбленной, переспросила я.

— Вспомни хотя бы катастрофу на заводе по очистке сточных вод.

— Тут я вообще не виновата, — поспешно возразила я. Как будто Куки бы мне поверила.

Она поджала губы, дожидаясь, пока я передумаю.

— Ну ладно, это я виновата. — Куки прекрасно меня знала. — Но только чуть-чуть. А те крысы сами напрашивались. Так что тебе удалось выяснить? — поинтересовалась я, оглянувшись на фотографию Рейеса.

Куки пролистала распечатки и вынула из пачки один лист.

— Ты готова?

— Готова, если только там нет фотографий голых старух.

Я не сводила глаз с Рейеса, который разъяренно смотрел на меня с экрана.

Куки протянула мне распечатку:

— Убийство.

— Нет, — прошелестела я, как будто из моих легких выкачали весь воздух. Я держала в руках сообщение из рубрики новостей десятилетней давности. Нет. Нет. Нет. Нет. Нет. Что угодно, только не убийство. И не изнасилование. И не похищение людей. И не вооруженное ограбление. И не эксгибиционизм в публичных местах — это просто гадость. Я неохотно пробежала статью глазами, как когда едешь мимо места аварии — и не хочешь, а взглянешь.

«Житель Альбукерке признан виновным». Коротко и по существу.

В понедельник после трехдневного совещания суд присяжных признал виновным человека, чья жизнь окутана большей тайной, чем смерть его отца. Во время процесса суду пришлось столкнуться с необычными трудностями — например, с тем, что Рейеса Александра Фэрроу, 20 лет от роду, просто не существует.

Рейес Александр Фэрроу. Я на мгновение остановилась, чтобы перевести дух, успокоить учатившийся пульс. От одного его имени бешено стучало сердце. Значит, его не существует? Это и я могла им сказать.

«У Фэрроу нет свидетельства о рождении, — заявил прокурор после завершения двухнедельных слушаний по делу. — Нет ни медицинской карты, ни номера страхового полиса, он не был зарегистрирован ни в одной школе, кроме трех месяцев, проведенных в Юкка-Хай. Документально он призрак».

Призрак. У судьбы неплохое чувство юмора, как сказал бы Морфеус.

Отец Фэрроу, Эрл Уокер, был найден мертвым в своей машине, которую группа туристов обнаружила на дне каньона в пяти милях к востоку от Альбукерке. Тело обгорело до неузнаваемости, но вскрытие показало, что причиной смерти стала травма от удара тупым предметом по голове. Несколько свидетелей видели, как Фэрроу дрался с отцом. Это было за день до того, как невеста Уокера сообщила о его пропаже. «У нас были связаны руки, — заявил после вынесения вердикта Стэн Эйхман, ведущий защитник по делу Фэрроу. — Случай гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Думаю, мы никогда не узнаем, как все было на самом деле». Заявление Эйхмана стало лишь одной из множества тайн, окружавших дело. Например, у Уокера тоже не было номера страхового полиса, и он никогда не заполнял декларацию по земельному налогу. «У него не оказалось никаких доказательств того, что он законопослушный гражданин, — добавил Эйхман. — Похоже, он жил под несколькими именами. На то, чтобы установить его настоящее имя, у нас ушло несколько недель».

«Случай не такой редкий, как может показаться, — пояснил прокурор. — Но обычно подобное решение профессиональные преступники принимают в зрелом возрасте. Фэрроу же никогда не существовало. Согласно нашим данным, он не родился на свет. Результаты экспертизы ДНК доказали, что Уокер — не его биологический отец. Судя по тому, что мы о нем знаем, я бы предположил, что Рейеса Фэрроу в детстве похитили».

У меня в груди сперло дыхание. Неужели его в самом деле похитили?

Я пробежала глазами остаток статьи.

За все время следствия Фэрроу не дал никаких показаний в свое оправдание. Присяжным не оставалось ничего другого, как вынести вердикт на основании косвенных улик, несмотря на то, что защите удалось опровергнуть несколько основных версий обвинения.

Дальше в статье говорилось о Саре Хедли, невесте Уокера. Она показала, что Рейес несколько раз угрожал Уокеру — верно — и что они с Уокером опасались за свою жизнь. Однако другой свидетель, знакомый мисс Хедли, опроверг ее утверждение, заявив под присягой, что невеста Уокера была тайно влюблена в Фэрроу и, не задумываясь, бросила бы жениха ради него. Свидетель сообщил, что если мисс Хедли кого и боялась, так это самого Уокера.

«Это дело о разбитом сердце и исковерканной душе, — заметил Эйхман присяжным перед тем, как они удалились для вынесения приговора. — Уголовное прошлое Уокера ставит под сомнение законность всего, что хотя бы отдаленно напоминало мотив действий его единственного ребенка».

Единственного ребенка? Но у Рейеса была сестра.

«Обстоятельства его смерти не более прозрачны, чем я сам», — продолжал Эйхман. Во время оглашения приговора Фэрроу, до ареста посещавший вечерние занятия в колледже по поддельному номеру социального страхования (как это ни парадоксально, он собирался стать юристом), стоял с невозмутимым видом, чуть склонив голову.

У меня сжалось сердце, когда я представила себе, как Рейес стоит в зале суда, ожидая, пока присяжные вынесут ему приговор, признают его виновным или оправдают. Что он чувствовал, как смирился с их решением?

— Тайна по имени Рейес Фэрроу с каждой минутой все глубже, — проговорила я. — Невеста Уокера, мягко говоря, врет, как дышит. Дети, подвергавшиеся жестокому обращению, редко нападают на своих обидчиков и еще реже их пытаются. А женщины никогда тайно не влюбляются в тех, с кем каждую минуту опасаются за свою жизнь.

— Но это все же убийство, Чарли.

— А ты знаешь, сколько людей сидит за преступления, которых они не совершали?

— Ты полагаешь, Рейес невиновен?

В моих мечтах.

— Чтобы узнать это наверняка, мне нужно с ним встретиться.

Она удивленно нахмурилась:

— Ты и это можешь?

Я никогда об этом не задумывалась, но ответила:

— Ага, похоже на то. Я забыла, что не все видят то же, что и я.

— Кстати, ты сказала, что снова видела его сегодня ночью. Ты говорила о Рейесе?

— Ах да. — Я выпрямилась, поморщилась от боли и снова устроилась поудобнее в кресле, гадая, с чего начать. Лучше раскрыть карты — так сказать, порыться в грязном белье. — Ты же знаешь, кое о чем я не хотела рассказывать, чтобы тебе потом не пришлось обращаться к врачу.

Куки усмехнулась:

— Да, но ты же знаешь, что можешь рассказать мне все.

— И это здорово, потому что я прочту тебе ускоренный курс по общим вопросам, связанным со смертью. Я в тупике.

— Как обычно, — заметила Куки, и ее глаза озорно блеснули.

— Очень смешно. Я не о привычной моей неразберихе. Тут другое.

— То есть не полный беспорядок? — Я поджала губы, притворяясь обиженной, Куки поерзала на стуле и сказала: — Ладно, я тебя внимательно слушаю.

Но у меня никак не шли из головы ее слова про полный беспорядок. Куки права. Моя жизнь либо стоит, либо несется на бешеной скорости, я лавирую в потоке, не обращая внимания на попутные машины, и не заморачиваюсь, куда приеду.

— Меня вечно заносит куда-то не туда, правда?

— Бывает. Но в этом нет ничего страшного. — Куки дернула плечиком.

— Думаешь?

— Уверена. Все мы ошибаемся, если хочешь знать мое мнение.

— Вообще было бы неплохо, если бы ко всей этой пурге про ангела смерти прилагалась инструкция. Или какой-нибудь график. А лучше схема.

— Точно, — одобрительно кивнула Куки. — Такая, с разноцветными стрелками, да?

— И с простыми вопросами, на которые нужно было бы ответить «да» или «нет». Например, «Вас сегодня посетила смерть? Если нет, переходите на 10. Если да, пропустите ход, вы и так слишком устали. При желании можете выйти из игры. Сделайте глубокий вдох, будет немного больно. Если хотите, позвоните другу и на прощание пошлите его в задницу...».

Тут я увидела, что Куки уже не кивает в знак согласия. Она вдруг побледнела. Ей это шло. На бледном лице становились заметнее голубые глаза.

— Куки?

Я хотела было проверить ее пульс, но тут она прошептала:

— Смерть? Ой.

— А, ты об этом. — Я беспечно махнула рукой. — На самом деле он не совсем смерть. Скорее, похож на нее. Да, если честно, он похож на смерть. — Я задумчиво подняла глаза к потолку и решила пока не замечать паутину на люстре. — Он похож на ангела смерти. Вот разве что ангел смерти — это я, а на меня он совсем не похож. Но не знай я, какие на самом деле бывают ангелы смерти (хотя лично я, кроме себя, других не встречала), то сказала бы, что именно так он и выглядит. — Я мельком взглянула на Куки. — Да, пожалуй, он — воплощение смерти.

— Воплощение смерти? Неужели такое действительно существует?

Наверно, я начала не с того конца.

— На самом деле он не смерть. Он очень классный, хоть и жуткий. — Куки побелела как полотно. Черт. — Если тебе все-таки понадобится помощь, мне придется оплатить врача?

— Нет, — ответила она и расправила плечи, притворяясь, будто все под контролем. — Все в порядке. Просто ты захватила меня врасплох. — Она пошевелила пальцами. — Давай дальше. Я справлюсь.

— Клянешься? — подозрительно уточнила я; ее синюшные губы не внушали мне доверия.

— Чтоб я лопнула. Начинай свой ускоренный курс. Я вся внимание.

Она вцепилась в подлокотники, словно приготовилась к воздушной атаке, и мои сомнения вспыхнули с новой силой. Какого черта я делаю? Собираюсь напугать ее до смерти?

— Не могу, — призналась я, решив не открывать ей всей правды, чтобы потом рассказать о Злодее на складе и поинтересоваться, что она обо всем этом думает. Я не могла так поступить с Куки. — Прости. Зря я об этом заговорила.

Куки отлепила пальцы от подлокотников и уставилась на меня; в ее глазах светилась решимость.

— Чарли, ты можешь мне все рассказать. Обещаю, что больше не испугаюсь. — Прочитав в моем взгляде сомнение, подруга пояснила: — Обещаю, что постараюсь больше не пугаться.

— Ты не виновата, — кивнула я. — Некоторых вещей людям лучше вообще не знать. Поверить не могу, что едва тебе не рассказала. Прости меня.

Моя честность дорого обошлась моим близким. Я давным-давно поняла: обидно, когда люди мне не верят, но если верят, их жизнь меняется навсегда. Они уже не могут смотреть на мир по-прежнему. Такая перспектива меня пугает. Я очень осторожно выбираю, кого можно посвятить в тайну. О Злодее я рассказала одному-единственному человеку на свете и до сих пор горько жалею об этом.

Куки откинулась на спинку стула, взяла чашку и устремила в нее пристальный взгляд.

— Помнишь, как впервые призналась мне, кто ты на самом деле?

Я на мгновение задумалась.

— Плоховато. Если ты не забыла, я как раз допивала третью «Маргариту».

— А помнишь, что ты сказала?

— М-м-м... Все-таки это была третья «Маргарита».

— Ты сказала — дословно: «Куки, я ангел смерти».

— И ты мне поверила? — спросила я, недоверчиво подняв брови.

— Да, — оживилась подруга. — Не задумываясь. К тому времени я повидала слишком много, чтобы не поверить тебе. Так что же такое ты мне можешь сообщить, что меня испугало бы?

— Наверно, ты удивишься, — ушла я от прямого ответа.

Куки нахмурилась:

— Неужели все настолько плохо?

— Не то чтобы плохо, — пояснила я, стараясь продлить неведение и пощадить ее рассудок, — скорее, менее правдоподобно.

— Можно подумать, ангелы смерти встречаются на каждом углу.

Она права. Мои способности частенько подводили меня под монастырь и отталкивали тех, кому, как мне казалось, я могла доверять. Поэтому-то я сейчас и колебалась, хоть и очень любила Куки. Если разобраться, о чем я вообще думала? Иногда изумляюсь собственному эгоизму.

— В старших классах школы, — проговорила я, не оставляя попыток объяснить Куки, что скрываю от нее правду для ее же блага, — я рассказала лучшей подруге слишком много. И мы поссорились. Я не хочу, чтобы подобное повторилось.

Джессика была не так уж и виновата. Прошлый опыт и способность разбираться в людях должны были помешать мне рассказать бывшей лучшей подруге больше, чем она способна воспринять. Но то, что она внезапно и бесповоротно возненавидела все, что со мной связано, больно меня ранило. Я никак не могла понять, чем ей так насолила. Минуту назад мы были лучшими подругами, и вот уже смертельные враги. Я была потрясена. До сих пор часто об этом думаю, хотя спустя несколько лет до меня дошло, что Джессика просто испугалась. Того, что я делаю. Иного мира. Того, что мои способности значат в масштабах вселенной. А тогда я просто места себе не находила. Меня снова предал человек, которого я люблю. Человек, который, как я полагала, любит меня.

Ненависть Джессики и равнодушие мачехи вогнали меня в глубочайшую депрессию. Я усердно скрывала боль под маской сарказма и дерзости, но после того случая пустилась во все тяжкие, и понадобились годы, чтобы я выбралась из этого круговорота злоключений.

Как ни странно, справиться с депрессией мне помог именно Рейес. Его проблемы заставили меня ценить то, что имею: все-таки мой отец не бил меня смертным боем ради собственного удовольствия. Папа меня любил; Рейес же такого подарка судьбы не получил. Однако не упивался своим горем. Ему жилось в сто раз хуже моего, но он не жалел себя. По крайней мере, я этого не заметила. И тогда я тоже перестала ныть.

Другое дело — доверие. Начнем с того, что я никогда особенно не доверяла живым. Но сейчас речь шла о Куки. Лучшей подруге, которая у меня когда-либо была. Все мои слова она принимала на веру без оговорок и презрения и никогда не пыталась на мне нажитья.

— И ты думаешь, я не перенесу того, что ты мне расскажешь?

— Нет. Не в этом дело. Если кто и способен выдержать правду, так только ты. Я просто не знаю, хочу ли подвергать тебя такому испытанию. — Я накрыла ее руку ладонью и подалась вперед, надеясь, что она поймет меня. — Иногда лучше ничего не знать.

Повисло долгое молчание. Наконец Куки со слабой улыбкой собрала бумаги.

— Твои способности — часть тебя, Чарли, часть твоей сущности. Не думаю, что после твоего рассказа стану иначе к тебе относиться.

— Я опасаясь не того, что ты станешь иначе ко мне относиться.

— Поздно уже, — заметила Куки, засовывая бумаги в папку. — Тебе пора ложиться.

Я ее обидела? Неужели она думает, что я не хочу ей ничего рассказывать? Получить возможность делиться всем, что происходит в моей жизни, с лучшей подругой, которой я могу полностью доверять, все равно что найти на конце радуги горшочек рагу с зеленым чили.^[13] Но хватит ли у меня смелости? Могу ли я рискнуть едва ли не самым дорогим, что у меня есть?

Было уже очень поздно, но мысль о том, чтобы рассказать все Куки — правду и только правду, — казалась мне не менее привлекательной, чем возможность забыться сном. От предвкушения сердце забилось быстрее. Как здорово, если у меня будет человек, которого я смогу посвящать во все свои секреты, доверенное лицо, товарищ по оружию и гелю для волос. Наплевать, что уже почти два часа ночи, я выжата как лимон, засыпаю на ходу и у меня болит все тело. Я надеялась лишь, что мы не переоцениваем свои силы. А то я как-то раз запихнула в рот больше жвачки, чем могла прожевать. Не очень приятное воспоминание.

Наверно, стоит попробовать. Хотя бы раз. Быть может, Куки выйдет из этого испытания

невредимой и в трезвом уме — такой, как сейчас. Не то чтобы я собиралась ей многое рассказать, но все же.

Я провела пальцем по краю чашки, не в силах посмотреть подруге в глаза. Ведь из-за меня ее жизнь вот-вот изменится навсегда. И необязательно к лучшему.

— Он как дым, — проговорила я, почувствовав, что Куки все еще здесь. — И наделен огромной силой. Он ее буквально излучает. Когда он рядом, я слабею, словно он забирает часть меня.

Какое-то время Куки ошеломленно молчала, потом положила папки обратно на стол. Она преодолела раскол, брешь между двумя мирами, о которой большинство даже не подозревает. С этой минуты Куки Ковальски никогда не станет прежней.

— Это его ты сегодня видела? — наконец уточнила она.

— На складе, да. А еще утром, когда в офисе появился Рейес.

— Это существо было там?

— Нет. Я начинаю думать, что они с Рейесом похожи. Правда, Рейес живой, он человек, но в последнее время я постоянно замечаю эти пятна и во сне занимаюсь сумасшедшим сексом, а потом он оказывается у меня в ванной...

— В ванной?

— ...он назвал меня «Датч» в день, когда я появилась на свет, совсем как Рейес, только Рейес был слишком мал, когда я родилась, так откуда он узнал? Откуда Злодей узнал, как Рейес назовет меня пятнадцать лет спустя?

Чашка выскользнула из моих пальцев, и Куки поставила ее на стол.

— Хватит с тебя кофе.

— Извини, — пробормотала я, скривив губы в глупой улыбке.

— Начнем с самого начала. — Она ободряюще похлопала меня по руке. — Если только ты не хочешь сперва рассказать о том, что было в ванной.

Я хмыкнула:

— Я тебе о стольком не рассказывала, Куки. К этому непросто привыкнуть.

— К тебе же я привыкла.

Я снова хмыкнула, взяла чашку и допила остатки кофе.

— Когда ты впервые увидела это существо?

— В день, когда появилась на свет. — Она что, не слушала? — В тот день я впервые увидела Злодея, — пояснила я, показав для ясности в воздухе кавычки.

— Злодея?

— Он как дым. Неизвестное существо или монстр, который появляется только в критических случаях. В основном когда моя жизнь в опасности. Надо запастись попкорном.

Куки подвинулась на краешек стула.

— Он был с тобой в тот день, когда ты родилась?

— Ага. Я зову его Злодеем, потому что «гигантский слизняк, который пугает меня до глубины моей любимой, единственной и ненаглядной души» звучит слишком длинно.

Она кивнула, с нетерпением ожидая продолжения рассказа. Куки уже поняла, что он несколько отличается от банальных баек о привидениях, обитающих на чердаке в доме чьей-нибудь любимой тети. Моя история не для посиделок у костра и ночных девичников. Это объясняет и отсутствие других слушателей.

— Кто бы он ни был, как я уже говорила, он оказался рядом со мной в день моего рождения.

Куки замерла с чашкой в руке, не донеся ее до рта. У нее едва слюнки не текли от предвкушения. Только тут до меня дошло, как же ей хотелось знать больше. И насколько мое молчание ее задевало.

Нахмутив брови, подруга спросила:

— А откуда ты это узнала? Тебе кто-то рассказал?

— Рассказал что? — Моя чашка опустела. На ней была изображена тигровая лилия — мой любимый цветок. Я внимательно ее рассматривала, чтобы не глядеть на фото Рейеса.

— Что это огромное злое существо было с тобой, когда ты родилась.

— Что-что? — О чем это она? Очевидно, я незаметно для себя заснула.

— Откуда ты узнала, что он был там в день твоего появления на свет?

Ах вот оно что. Верно, она же еще об этом не знает.

— Я помню все начиная с первого дня.

— Первого дня?

Я кивнула, впервые заметив, что один лепесток тигровой лилии касается края чашки.

— С первого дня чего? Первого класса в школе? Бури в пустыне? Менструального цикла? — Тут ее осенила догадка, и Куки задохнулась от радости. — Ну конечно! С тех пор, как у тебя начались месячные. Это гормональное, верно? Тогда ты обо всем догадалась?

Я усмехнулась. Было забавно наблюдать за ней.

— С первого дня жизни. Моего бытия. Моего земного существования.

— Я тебя не совсем понимаю.

— С того дня, как я родилась, — повторила я, закатив глаза. Обычно Куки соображает быстрее.

Она ошарашенно замолчала, что было странно.

— Понимаю. Это всех удивляет. — Я обвела пальцем самый яркий оранжевый лепесток и добавила: — Очевидно, мало кто помнит день своего появления на свет. — Лепестки раскрывались взрывом красок; посередине, в беззащитной сердцевине бутона, оттенок был темнее.

Наконец к Куки вернулся дар речи.

— Мало кто? — проговорила она. — Ты шутишь? Скорее уж никто.

— Да, это странно. — Я очертила пальцем контуры следующего лепестка. — Я все помню так, словно это было вчера. Правда, вчерашний день помню смутно. — Лепестки кончились, я подняла глаза и уставилась на фотографию Рейеса. Я буквально чувствовала боль и муку, написанные на его лице. Яркий цвет его карих глаз темнел к зрачкам, самому уязвимому месту.

— О господи, Чарли, неужели ты помнишь, как родилась?

— Я помню его.

— Это чудовищное создание?

— Злодея. Остальное тоже помню — например, как врач перерезал пуповину, а акушерки меня вытирали.

Куки в изнеможении откинулась на спинку стула.

— Он назвал меня по имени. По крайней мере, мне показалось, что это было мое имя.

Подруга задохнулась от изумления:

— Он назвал тебя «Датч»?

— Да, но почему? Откуда он мог узнать?

— Что ты от меня хочешь? У меня пока и история про первый день никак в голове не

укладывается.

— Ты права, извини. Но не могла бы ты соображать поживее? У меня столько вопросов. На ее лице отразилось сомнение.

— Хочешь огорошить меня очередной сногшибательной новостью?

Я пожала плечами:

— Вообще-то нет. Не считая того, что я с самого первого дня знаю все языки, которые когда-либо существовали на свете. Об этом, пожалуй, стоит упомянуть.

Я слишком устала, поэтому не могу утверждать наверняка, но у меня возникло отчетливое ощущение, что Куки упала в обморок.

*Не бойтесь ангела смерти.
Просто держите с ней ухо востро.*

Шарлотта Дэвидсон

— Я подняла глаза и увидела его.

Куки замерла с кусочком попкорна у рта и слушала мой рассказ с круглыми от изумления глазами. А может, с первобытным, пробирающим до костей страхом. В ту минуту трудно было понять.

— Злодея, — проговорила она.

— Да, но если хочешь, можешь для краткости звать его Злой. Кто бы он ни был, он стоял и смотрел на меня, а я была голая, в плаценте (хотя тогда не обратила на это внимания). Помню только, что он меня загипнотизировал. Казалось, он все время в движении, куда-то течет.

— Как дым.

— Как дым, — повторила я, выхватила у нее из руки масляный кусочек попкорна и сунула себе в рот. — Кто успел, тот и съел.

— А ты помнишь что-нибудь до него? — поллюбопытствовала Куки, потянувшись за другим кусочком попкорна и снова замерла, не донеся его до рта. Я старалась не расхохотаться, чтобы ее не спугнуть.

— Немного. Конечно, я не помню сам процесс рождения или что-то в этом роде — и слава богу, потому что это было бы ужасно. Только то, что было после. Но очень смутно. Все, кроме него. И мамы.

— Постой, — Куки подняла палец, — как мамы? Ведь твоя мама умерла в день, когда ты родилась. Неужели ты ее помнишь?

Слабая улыбка показалась на моем лице.

— Куки, она была такая красивая. Она стала моим первым... э-э-э, клиентом.

— Ты хочешь сказать...

— Да. Она ушла через меня. Мама излучала свет, тепло и бескорыстную любовь. Тогда я этого не понимала, но она сказала, что счастлива отдать жизнь, чтобы я жила. Благодаря ей я успокоилась и почувствовала, что меня любят. Это было очень кстати, потому что Злой меня напугал.

Куки скользнула по мне взглядом и уставилась в пространство, обдумывая мой рассказ.

— Все это как-то... даже слов не подберу...

— Я знаю, в это невозможно поверить.

— Поразительно. — Она перевела взгляд на меня.

Неожиданно мне стало легко. Можно было догадаться, что Куки мне поверит. А те, с кем я росла, мои близкие, никогда не верили, что я помню, как родилась.

— Значит, в каком-то смысле ты все-таки знала свою маму?

— Да.

Становясь старше, я поняла, что у многих детей не было и того. Я всегда буду благодарна маме за те минуты, что мы провели вместе.

— И знаешь все языки, на которых когда-либо говорили на свете?

Обрадовавшись перемене темы, я ответила:

— Все до единого.

— Даже фарси?

— Даже фарси, — ухмыльнулась я.

— Вот это да! — почти прокричала она. Должно быть, Куки в голову пришла какая-то мысль. Потом ее лицо омрачилось, и она с обличительным видом показала на меня пальцем:

— Я так и знала. Я знала, что ты поняла, что нам сказал тогда в супермаркете тот вьетнамец. Я видела это по твоим глазам.

Я улыбнулась и посмотрела на фото Рейеса, не в силах отвести от него взгляда.

— Он сказал, что ему нравится твоя задница.

Она задохнулась от возмущения:

— Наглый недомерок.

— Еще он сказал, что очень тебя хочет.

— Жаль только, что он такой мелкий, что потерялся бы у меня в декольте.

— Наверно, поэтому ты ему и понравилась, — прыснула я.

Куки надолго замолчала. Я дала ей время осознать услышанное. Наконец она спросила:

— Как такое вообще возможно?

— Не расстраивайся, — решила я ее подразнить, — едва ли он поместился бы у тебя в декольте. Хотя наверняка с удовольствием попробовал бы.

— Нет, я про языки. Это...

— Круто? — с надеждой перебила я.

— ...поразительно.

— Ага. Наверно.

— А ты понимала, что тебе говорят, в день, когда родилась?

Задумчиво наморщив нос, я призналась:

— Пожалуй, да. Конечно, не буквально. У меня не было ни схемы, ни прошлого опыта, с которым можно было бы соотнести слова, и я не знала значений, с которыми они ассоциируются. Тех, кто общался со мной, я понимала скорее чутьем. Причем ходить и говорить я начала примерно тогда же, когда обычные дети. Но когда со мной заговаривали, все понимала. И не важно, на каком языке объяснялись люди. Я понимала, что они говорят.

Компьютер уснул, и я пошевелила мышкой, чтобы вернуть фотографию Рейеса.

— Я поняла первые слова, которые произнес папа, — продолжала я, стараясь не выдать грусти. — По крайней мере, большую часть. Он сказал, что мама умерла.

Куки покачала головой:

— Бедная моя.

— Думаю, папа знал. Он чувствовал, что я его понимаю. Это был наш маленький секрет. — Я подхватила горсть попкорна и отправила в рот кусочек. — Потом он женился на моей мачехе, и все изменилось. Она почти сразу решила, что я сумасшедшая. Все началось с того, что мне нравились мексиканские сериалы.

— Чарли, ты не сумасшедшая.

— Да ладно. Я ее не виню.

— И зря, — отрезала Куки. — Я тоже мать. И матери так себя не ведут — хоть родные, хоть приемные.

— Да, но твоя Эмбер-то не ангел смерти.

— Какая разница. Дениз — твоя мачеха. И точка. Можно подумать, ты стала серийной убийцей.

До чего же здорово, когда кто-то целиком на моей стороне. Папа всегда меня любил и принимал без оговорок, но никогда так не защищал. Думаю, Куки не побоялась бы за меня в одиночку вступить в схватку с мафией. И наверняка победила бы.

— Значит, когда ты родилась, он назвал тебя «Датч»?

— Да.

— Это было до или после того, как мама ушла через тебя?

— После, но я все равно не понимаю. Откуда он знал? До сегодняшнего вечера я не обращала внимания, что Злой тогда не назвал меня по имени. Он не сказал «Шарлотта». Он произнес «Датч» точно так же, как Рейес в старших классах школы. Откуда он знал? — Я силилась разгадать загадку, и от напряжения у меня голова шла кругом.

— Ответь мне на один вопрос, — в раздумье наморщив лоб, попросила Куки. — Когда ты впервые увидела Рейеса, не заметила в нем ничего необычного?

— Кроме того, что его избил чокнутый папаша?

— Да.

Я глубоко вздохнула и задумалась.

— Знаешь, тогда я, наверно, этого не понимала. Может, и было что-то необычное, даже сверхъестественное, но я так нервничала, что решила, будто мне со страху показалось. Рейес был великолепен. Красивый, гибкий и быстрый. Само совершенство.

— Судя по тому, как ты его описываешь, он и правда сверхъестественное существо. Меня удивляет уже то, что он после таких побоев ушел на своих ногах, как и ты чуть ли не каждую неделю.

— Никогда об этом не задумывалась. — С волнением и удовольствием вспоминая ту ночь, я представляла себе Рейеса. — Знаешь что? — осенило меня. — Он действительно был необычный. Какой-то таинственный. Непонятный.

— Здесь явно не обошлось без чудес.

Не будь я так измотана, я бы рассмеялась.

— Да ты знаток!

— Еще какой, если речь идет о таинственных красавцах.

Я все-таки хихикнула.

— Сколько раз ты видела Злого? — спросила Куки. Похоже, она приняла на веру все, о чем я ей рассказала. Это хорошо. Продуктивно. И дешевле, чем идти к психологу.

— Не так уж много.

— И что происходило, когда ты его видела?

Я взяла чашку и отпила глоток горячего шоколада, на который переключилась по настоянию Куки.

Она положила руку мне на плечо и посмотрела на меня с пониманием.

— В парке. С дочкой Джонсонов.

Изо всех сил стараясь казаться безразличной, я поставила чашку на стол. Воспоминание о дочке Джонсонов задевало меня за живое; казалось, будто кто-то провел пальцем по обнаженному нерву. Я пыталась помочь несчастной матери выбраться из пучины отчаяния, в которую она погрузилась, когда исчезла ее дочь. А вместо этого оказалась в центре общегородского скандала, ставшего для моей мачехи последней каплей. С того дня она от меня отвернулась, чтобы уже никогда не поворачиваться.

Да, тот случай задел меня до глубины души, но бывало и хуже. Были и другие раны, которые никак не заживали, и о них-то Куки почти ничего не знала.

— Да. — Я вздернула подбородок. — В парке. Тогда я увидела его в третий раз.

— Но ведь твоей жизни ничего не угрожало. Или я не права?

— Ты права, но он, очевидно, считал иначе. Он сходил с ума от злости, потому что мачеха при всех орала на меня благим матом. — Я понурилась, вспоминая. — А потом влепила мне пощечину. Меня это возмутило. — Я впилась взглядом в Куки, пытаюсь объяснить, до чего боюсь его. — Я думала, он ее убьет. Он трясся от злости. Я это чувствовала: меня как будто легонько било током. Мачеха при всем честном народе ругала меня на чем свет стоит, а я шепотом умоляла его не трогать ее.

Куки сочувственно поджала губы:

— Чарли, мне ужасно тебя жаль.

— Да ладно тебе. Я просто не понимаю, почему так его боюсь. Самой не верится, что я такая трусиха.

— Мне жаль, что ты его боишься, но я имела в виду твою мачеху.

— Нет-нет, что ты. — Я покачала головой. — Я сама во всем виновата.

— Тебе было всего пять лет.

Проглотив ком в горле, я кивнула и пояснила:

— Ты же не знаешь, что я натворила.

— Ее поведению нет оправдания, разве что ты облила ее бензином и подожгла.

Я улыбнулась уголком губ:

— Уверяю тебя, в той ситуации ни одного нефтепродукта не пострадало.

— Что же было дальше? Со Злым?

— Думаю, он меня услышал. Он ушел, но с большой неохотой.

Куки понимающе кивнула и заметила:

— А в следующий раз он наверняка появился, когда ты была в колледже.

— Ого, да ты схватываешь на лету!

— Ну ты же рассказывала, как на тебя напали вечером по дороге домой с занятий, но не говорила, что он там был.

— Да, был. Он спас меня — как тогда, в четыре года.

У Куки лицо вытянулось от изумления.

— В четыре года? А что случилось, когда тебе было четыре? Постой-ка, он же спас тебя, когда на тебя напали в колледже? Но как? — Подруга засыпала меня вопросами. Я поняла, что то, как я его называю и как описала Злодея, сбило Куки с толку и теперь она на самом деле считает его чудовищем. В каком-то смысле так оно и было.

Но рассказать ей, как именно он меня спас, я не могла. Я не скажу ей, пока не буду уверена, что она правильно примет мои слова.

— Он... вынул из меня нож того парня.

— О боже, Чарли. Я и не думала... ты упоминала об этом вскользь, небрежно. Твоя жизнь подвергалась опасности?

Я пожала плечами:

— Ну, может, чуть-чуть. У него был нож с выкидным лезвием. Не думала, что такие еще делают. Разве это не запрещено законом?

— Он появляется, когда твоя жизнь в опасности, — задумчиво повторила Куки, — и он спас тебя, когда тебе было четыре года? Так что же случилось тогда?

Я поерзала на стуле; тело болело почти нестерпимо.

— Меня похитили. Скорее даже не похитили, а просто увели.

Куки ахнула от изумления и закрыла рукой рот.

— Что-то в моем пересказе картина получается мрачноватой, — пожаловалась я. — Я ною больше, чем девочка-эмо в своем блоге. На самом деле все не так уж страшно. Сказать по правде, у меня было счастливое детство. Куча друзей. В основном среди мертвых, но все же.

— Чарли Джин Дэвидсон, — предупредила меня Куки. — Нельзя упомянуть о том, что тебя похитили, и не объяснить подробно.

— Хорошо, если тебе правда хочется знать. Но это неинтересно.

— Мне правда хочется знать.

Глубоко вздохнув, я начала:

— Это случилось здесь.

— Где? В Альбукерке?

— В этом доме. Когда мне было четыре года.

— Ты жила здесь раньше?

Мне вдруг показалось, что я на приеме у психотерапевта, и воспоминания обо всем, что случилось со мной хорошего и плохого, хлынули, точно гной из раны. Но то, что произошло в этом доме, было самым ужасным. Нож вонзился в мое тело очень глубоко, и я даже испугалась, что его весь не достанут. По крайней мере, без общего наркоза.

— Нет, — ответила я, отхлебнула и, прежде чем проглотить, подержала на языке густой и теплый шоколад. — Я здесь раньше не жила. Но еще до того, как этот бар купил папа, тут любили отдыхать копы. Папа несколько раз брал меня с собой на их сборища — самые невинные, типа дней рождения и прочего. Иногда ему нужно было перекинуться парой слов с коллегой: на дворе стояли восьмидесятые годы до нашей эры. — Куки удивленно наморщила лоб, и я пояснила: — Эры сотовых телефонов.

— А, понятно.

— В тот раз я расстроила мачеху: сообщила ей, как бы между прочим, что ее отец скончался, прошел через меня и просил ей кое-что передать. Она еще не знала, что он умер, пришла в ярость и отказалась меня выслушать. Даже не позволила передать, о чем просил отец. Ну и ладно, я все равно ничего не поняла. Что-то про синие полотенца.

— Она не выслушала тебя, даже когда узнала, что он действительно умер?

— Именно так. К тому времени Дениз возненавидела все, что имело хоть какое-то отношение к смерти.

Куки глубоко вздохнула, точно пыталась успокоиться.

— Эта женщина не перестает меня удивлять.

— Попробовала бы ты ее мясной рулет. От него у кого хочешь на груди волосы вырастут.

Подруга хмыкнула:

— Спасибо, мне и своих волос хватает. Давай-ка лучше о том вечере в семействе Дэвидсонов.

Я пожала плечами:

— Ты многое теряешь.

— Значит, тебе было четыре года.

Вот ведь настырная.

— Да. Четыре. Я, как всегда, обиделась, и когда мы подъехали к бару, где папа пил пиво, Дениз оставила меня на скамейке возле кухни и пошла ябедничать на меня отцу. Я обожала бывать на кухне, но так разозлилась и обиделась, что решила сбежать. Когда мистер Данлоп, повар, отвернулся, я тихонько улизнула.

— Девочка в четыре года одна ночью на Централ? Самый страшный родительский кошмар.

— Вот-вот. Я решила проучить Дениз, — пояснила я. — Разумеется, я была не самым смышленным ребенком на Централ. Но стоило мне выйти за дверь, как я передумала. Не то чтобы я испугалась. Мне не бывает страшно, как большинству людей. Просто я... чувствую опасность. Но не успела я рвануть обратно, как любезный незнакомец в плаще предложил мне помочь найти маму. Как ни странно, вместо того чтобы отправиться в бар — я ведь знала, что она там, — мы вошли в дом.

— Мамочки мои, — с отчаянием в голосе прошептала Куки.

— Ничего особенного не произошло. — Я пожала плечами. — Как я и говорила, Злой меня спас. — Стараясь не придавать случившемуся значения, я добавила: — Хотя сейчас мне почему-то кажется, что тот дядька и не думал помогать мне искать маму.

Куки потянулась ко мне и надолго заключила в объятия. Они напомнили мне об уютных зимних вечерах у камина. И почему-то о жареном зефире.

Спустя где-то час и двадцать семь минут я промычала:

— Пусти... задыхаюсь...

Куки откинулась на спинку стула, задумчиво нахмутив брови:

— Это только мне так кажется или действительно дико жить в доме, где тебя когда-то похитили?

— Гм. Это только тебе так кажется, — снизила я излишне зловещий пафос истории.

Я радовалась, что Куки не стала выпытывать подробности. Дьявол в деталях, а у меня не было настроения связываться с нечистой силой.

— А еще в старших классах один парень пытался переехать меня на джипе своего отца, — припомнила я другой случай. — Так Злой впечатал его автомобиль в витрину. — При мысли об этом я улыбнулась.

— Тебя пытались сбить на машине в старших классах школы? — ужаснулась Куки.

— Всего один раз, — ответила я.

Она потерла переносицу и спросила:

— Значит, ты видела Злого только эти несколько раз?

Я подсчитала в уме, загибая пальцы.

— Да, кажется, это всё.

— И нам надо выяснить, какую роль в этом играет Рейес?

— Точно. А еще пожарить зефира.

— Тогда я чувствую, что просто обязана, как твоя подруга и доверенное лицо, — спокойно продолжала Куки, — подробно проанализировать то, что случилось в ванной.

Я подавила смешок.

— Не уверена, что сцена в ванной играет сколь-нибудь существенную роль. Скорее... ну я не знаю... несущественную.

— Чарли, — предостерегающе зарычала Куки, — давай выкладывай или умрешь медленной и мучительной смертью. Кто был с тобой в ванной? Рейес? Злодей? Облегчи душу.

— Ладно, — сдалась я, — ты помнишь, что Рейес назвал меня «Датч» в тот вечер? Мне тогда было пятнадцать. Так?

— Так, — согласилась она. Ей явно не терпелось перейти к сцене в ванной.

— Ты знаешь, что мне вот уже месяц каждую ночь снится прекрасный незнакомец, верно?

— Верно, — подтвердила она, немного смягчившись.

— Так вот сегодня тот парень из снов написал на запотевшем зеркале «Датч» и назвал меня так в ванной.

— Это уже что-то. — Куки подвинулась на краешек стула и замерла: ее осенила догадка. — Значит, парень из снов — это Рейес?

— Именно это я и хотела сказать. Сегодня до меня дошло, что Злодей назвал меня «Датч» в день, когда я родилась.

Куки растерянно поджала губы:

— Кто же все-таки был с тобой в ванной?

Я с восхищенной улыбкой уставилась на сидевшую рядом со мной подругу.

— Я только что призналась тебе, что этот огромный и страшный Злодей следует за мной по пятам, периодически спасая мне жизнь, что я помню день, когда появилась на свет, и знаю все языки, когда-либо существовавшие на Земле, а ты не завизжала и не выбежала из комнаты. Почему ты мне так веришь?

После продолжительного раздумья Куки задала встречный вопрос:

— Ты нарочно хочешь сменить тему?

Едва не согнувшись пополам от смеха, я схватилась за ноющие ребра и завопила:

— Хватит! Не смейся меня. Мне больно.

— Извини.

Непохоже было, чтобы она раскаивалась.

— Что тебе удалось выяснить насчет тюрьмы? — поинтересовалась я, сквозь слезы взглянув на экран. — Рейес еще там? Он... жив?

— Служащий сказал мне только, что Рейес по-прежнему значится в списке заключенных и сидит в блоке «D». Но, признаться, мне показалось, что он чего-то не договаривает.

— Завтра поеду туда.

— В тюрьму?

— Да. — Я щелкнула по папке «Кадровый состав» со списком сотрудников и выделила фотографию Нила Госсета. — Я училась в школе с заместителем начальника тюрьмы.

— Правда? Вы дружили или наоборот?

Мне тоже хотелось бы это знать.

— Трудно сказать. Если бы я вдруг загорелась посреди школьной столовой, едва ли он пожертвовал бы хоть каплю своей драгоценной мочи, чтобы меня потушить, но потом ему наверняка стало бы стыдно.

— Ничего себе, — проговорила Куки, с изумлением глядя на статью, которую держала в руках. Я наклонилась, поморщившись от боли, прочитала последний абзац и застыла на месте.

Дело Рейеса расследовал дядя Боб. Черт.

Мне было бы проще сосредоточиться, если бы меня не отвлекали все эти блестящие штуки.

Надпись на футболке

Зов природы поднял меня с постели ни свет ни заря. После падения с крыши я чувствовала себя так, будто только что выпила бутылку виски.

Я споткнулась о горшок с цветком, ударилась мизинцем ноги о табуретку, врезалась лицом в дверной косяк и только после этого опустилась на унитаз, вспоминая все, что запланировала на сегодня. Где-то в глубине квартиры мелодично звонил телефон. Слава богу, что в оформлении дома я придерживалась минимализма. Если бы на пути к фарфоровому трону стояло еще что-то, не дожить бы мне до следующего дня рождения.

Я оглядела футбольную майку, которая была на мне. Ее я стянула у парня, с которым встречалась в школе — голубоглазого блондина, развращенного до мозга костей. Даже на нашем первом свидании его больше интересовал цвет моего нижнего белья, чем цвет моих глаз. Знай я об этом заранее, надела бы коричневые трусы. Самое странное, что я не помнила, как вчера эту майку натягивала. И вообще как ложилась спать.

Наверно, Куки подлила мне в шоколад рогипнол.^[14] Мы еще об этом поговорим, но сейчас нужно решить, что делать. То ли бросить все дела с полицией и рвануть к Рейесу в тюрьму, то ли переложить все дела на Куки, а потом уже рвануть к Рейесу в тюрьму.

Сердце учащенно билось в предвкушении встречи с ним, хотя, признаться, я переживала. А если мне не понравится то, что я увижу? Вдруг он действительно виновен? Мне оставалось только верить, что его приговор — лишь чья-то большая ошибка. Что Рейеса осудили несправедливо. Что улики были собраны неверно или вообще сфабрикованы. Надежда умирает последней.

Судя по тому, что я узнала вчера ночью, читая статью за статьей — причем не все из них были напечатаны крупным шрифтом — и частично протоколы судебных заседаний, которые Куки раскопала по делу Рейеса, для обвинительного приговора доказательств явно не хватало. И все-таки двенадцать присяжных признали его виновным. Но гораздо больше меня встревожило то, что в деле ни слова не было сказано о жестоком обращении, которому подвергся Рейес. Неужели то, что отец едва не забил его до смерти, совсем ничего не значит?

Меня отчаянно клонило в сон, но я понимала, что не засну. Слишком много мыслей проносилось в голове, слишком быстро они мелькали, хотя у меня была веская причина хотеть заснуть, впасть в забытие, и будь что будет. Первый раз за месяц Рейес не пришел ко мне. Не прокрался в мой сон со своими темными глазами и теплыми прикосновениями. Не скользнул губами вниз по спине, не просунул пальцы меж моих ног. И я не могла отделаться от вопроса: почему? Быть может, я что-то сделала не так?

У меня сердце упало. Я так привыкла к его еженощным визитам. Ждала их с большим нетерпением, чем собственного следующего вдоха. Может, поездка в тюрьму прольет свет на произошедшее.

Чистя зубы, я услышала, как на кухне кто-то шаркает. Большинство одиноких женщин

испугались бы, я же лишь отметила, что у меня появился клиент.

Я вышла из ванной и зажмурилась от яркого света.

— Бабушка Лиллиан? — уточнила я, проковыляла к барной стойке и рухнула на табурет. Худосочная бабушка Лиллиан буквально утонула в необъятном цветастом гавайском платье; свой наряд она дополнила кожаным жилетом и хипповскими бусами в стиле шестидесятых. Многие годы я пыталась отгадать, что она делала перед смертью, но не придумала ни одного занятия, которое гармонично сочетало бы гавайское платье и бусы братской любви. Разве что какая-нибудь особенно извращенная игра в твистер под ЛСД.

— Привет, глупышка. — Бабушка одарила меня мудрой, светлой, хоть и беззубой улыбкой. — Я слышала, как ты потопала в ванную, и решила отработать свое пропитание, сварив нам кофе. Он тебе точно не помешает.

Я скривилась:

— Правда? Здорово.

Черт. Бабушка Лиллиан не умеет варить кофе. Я сидела за стойкой и делала вид, что пью.

— Не слишком крепкий? — обеспокоилась она.

— Ну что ты, ба, ты варишь лучший в мире кофе.

Притворяться, что пьешь кофе, — все равно что симулировать оргазм. Что в этом интересного? Но нехватка кофеина была наименьшей из моих бед. Я не могла не думать о том, почему Рейес не объявился сегодня ночью. Быть может, я что-то сделала не так. Или не сделала чего-то, что должна была сделать. Вероятно, мне стоило проявлять больше инициативы в постели. Но для этого во время наших с Рейесом свиданий мне нужно было сохранять хладнокровие. Если бы я описывала эти свидания Куки, едва ли упомянула бы о хладнокровии.

— Ты чем-то встревожена, девочка моя?

По мне не скажешь, что я тревожусь по пустякам.

— У тебя температура?

Я стрельнула в бабушку глазами.

— У меня нормальная температура, ба. Не волнуйся.

Я не стала об этом упоминать, но вообще-то да, у меня температура. У каждого существа на земле есть температура. Даже у покойников. Не самая высокая, но есть.

— Большое спасибо за кофе.

— Ну что ты, не стоит. Может, завтрак приготовить?

Только не это. Мне еще пожить хочется.

— Нет-нет, спасибо, не стану тебя утруждать. Тем более мне все равно надо в душ. У меня сегодня куча дел.

Она наклонилась ко мне и заговорщически улыбалась. Интересно, у нее при жизни были голубые волосы, или они приобрели такой цвет, потому что она умерла?

— Разыскиваешь злодеев?

Я ухмыльнулась:

— Еще бы. Настоящих чудовищ.

Бабушка Лиллиан мечтательно вздохнула.

— Ах, молодость, безрассудство! Но все же, девочка моя, — проговорила она, устремив на меня серьезный взгляд, — хватит ввязываться в драки. Посмотри, на кого ты похожа.

— Спасибо, ба, — ответила я и поморщилась, сползая с табурета, — учту.

Она улыбнулась, приоткрыв пустой рот, где некогда стояли зубные протезы. Очевидно, на тот свет с протезами не пускают. Я понятия не имела, знает ли бабушка Лиллиан, что мертва, или нет, и у меня никогда не хватало духу ей об этом сказать. А надо было бы. Только я обзавелась исправной кофеваркой, как моя покойная прапрабабушка решила сварить мне кофе.

— Кстати, как тебе Непал? — поинтересовалась я.

— Ах, — она слабо всплеснула руками, — там страшная влажность и жара, сумасшедшая, как майский жук в августе.

Я с трудом сдержала улыбку: призраки не чувствуют ни жары, ни холода.

Тут в квартиру влетела Куки в мятой и сбившейся набок небесно-голубой пижаме, обвела взглядом кухню и бросилась ко мне.

— Я заснула, — запыхавшись, выпалила она.

— На то и ночь, чтобы спать.

— Нет, — она окинула меня материнским взглядом, — в смысле, да, но я собиралась проверить, как ты тут, несколько часов назад. — Куки наклонилась и всмотрелась в мои глаза. Зачем — понятия не имею. — Как ты себя чувствуешь?

— Жива, — ответила я. И это была правда.

Все еще сомневаясь, она поправила пижаму и огляделась:

— Сварю-ка я нам кофе.

— Зачем это? — подозрительно спросила я. — Чтобы подлить мне еще рогипнола?

— О чем ты?

— Кроме того, — продолжала я, небрежно кивнув на бабушку Лиллиан, — его уже сварила бабушка Лиллиан.

Изо всех сил стараясь не расхохотаться, я наблюдала за тем, как надежды Куки на хороший кофе разбились об острые скалы иронии судьбы. Понурившись, подруга взяла чашку, которую я ей протянула.

— Спасибо, бабушка Лиллиан. Вы просто чудо.

Врет и не краснеет.

* * *

Я поставила перед Куки трудную задачу — просмотреть протоколы заседаний суда по делу Марка Уира, которые дядя Боб оставил на моем столе, и проверить флешки Барбера. Надеюсь, Барбер не любит порно. А если все-таки любит, то хотя бы не оставил улики на флешке, где их может найти кто угодно. Такие вещи лучше хранить где-нибудь в глубине жесткого диска на домашнем компьютере, в защищенной паролем папке с неприметным названием. Что-нибудь вроде «Сексуальные пожарники охвачены пламенем страсти». Например.

Мой телефон разразился рефреном из Пятой симфонии Бетховена, и я запустила руку в сумку, разгоняясь с семидесяти пяти до девяноста. Не понимаю, как мобильник ухитряется затеряться в крохотной дамской сумочке. Все равно что искать иголку в стогу сена.

— Привет, Дибби, — поздоровалась я наконец после трех часов поиска.

— Может, хватит меня так называть? — пробормотал он заплетающимся языком. Наверно, как и я, мучился без кофе.

— Еще чего. Я нашла документы, которые ты положил мне на стол. Куки их как раз просматривает.

— А ты что делаешь?

— Свою работу, — притворившись оскорбленной, парировала я. Мне до смерти хотелось расспросить его о деле Рейеса, но для этого нужно было встретиться и поговорить с глазу на глаз. Чтобы я смогла прочесть во взгляде Дибби то, чего нет, по-своему истолковав выражение его лица. Я никак не могла поверить, что это он расследовал преступление. Впрочем, какое это имеет значение?

— Черт с тобой, — ответил он. — На гильзе с места убийства Эллери кое-что обнаружили.

— Да ну? — с надеждой переспросила я. — Ты уже попал на след убийцы?

— Это тебе не детективный сериал, детка. Здесь не все так быстро. К вечеру узнаем, что это нам дает. — Он громко зевнул и поинтересовался: — Ты за рулем?

— Конечно. Еду в тюрьму Санта-Фе проверить кое-какую информацию.

— Какую именно? — подозрительно уточнил дядя Боб.

— Это... по другому делу, которое я расследую, — вывернулась я.

— А.

Пронесло.

— А что такое *bombázó*?

— Эх ты, — укорила его я, — опять торчал в венгерском чате?

Я изо всех сил старалась не рассмеяться, но, представив, как какая-то знойная венгерка называет Дибби «бомбой», не выдержала и покатила со смеху.

— Ладно-ладно, — обиделся дядя.

Я расхохоталась еще громче.

— Позвони, когда вернешься в город.

Он отключился, я закрыла мобильник и сквозь слезы уставилась на дорогу, стараясь сосредоточиться. Я вела себя грубо и неделикатно. При мысли об этом я прямо за рулем сложилась пополам от смеха, схватившись за больные ребра.

Успокоиться мне удалось лишь спустя несколько минут, но уж лучше смеяться над Дибби, чем тосковать по Рейесу, а именно этим я и занималась все утро. К несчастью, час, проведенный под душем — наконец-то я рассмотрела все свои синяки, — не пролил свет на причины, по которым Рейес не пришел ночью в мой сон. Но чем ближе я подъезжала к тюрьме штата, тем больше оживлялась. Наверняка там я найду ответы на кое-какие вопросы. Когда я въехала в ворота тюрьмы строгого режима, мой оптимизм превратился в своего рода вымученный пессимизм.

Я окинула взглядом свой наряд. Широкие шорты, длинные рукава, высокий воротник. Тело закрыто от шеи до колен. Я засомневалась, поможет ли мне такой мужеподобный вид в тюрьме строгого режима. Учитывая сложившиеся обстоятельства.

Полчаса и две пожилые итальянки спустя — они прошли сквозь меня, не прекращая ругаться, пока я сидела в приемной, — меня провели в кабинет заместителя начальника тюрьмы Нила Госсета. Комната тесная, но светлая, обставленная темной офисной мебелью; все поверхности завалены кипами документов. В старших классах Нил очень прилично играл в футбол и сохранил прежнюю статью, хотя и не совсем в тех же пропорциях. Но выглядел он хорошо, даже несмотря на то, что, как ни печально, рано полысел.

— Шарлотта Дэвидсон, — немало удивившись, приветствовал меня Нил.

Он был такой высокий, что, пожимая ему руку, я задрала голову.

— Нил, отлично выглядишь, — заметила я и засомневалась, правильно ли говорить такое человеку, с которым никогда толком не ладила.

— А ты... — Он беспомощно развел руками.

Наверно, я должна обидеться. Не может быть, чтобы он заметил синяки. Я из сил выбилась, пока их замазывала. Значит, прическа подкачала? Да, вероятно, прическа.

— Выглядишь потрясающе, — сказал он наконец.

То-то же. Тем более что комплимент заслужен.

— Спасибо.

— Присаживайся. — Он указал на кресло и сам уселся за стол. — Признаться, не ожидал тебя увидеть.

Я застенчиво улыбнулась, стараясь держаться кокетливо и беспечно.

— Хотела разузнать об одном из ваших заключенных и решила начать сверху, а потом уже спуститься ниже. — От меня не укрылся сексуальный намек, прозвучавший в этой фразе.

Он едва не покраснел от смущения.

— Я тут не самый главный, но мне приятно, что ты обо мне такого высокого мнения.

Я хихикнула ему в тон и достала блокнот.

— Луанн сказала, что ты теперь частный детектив.

Луанн — это его секретарь.

— Да, верно. Сейчас расследую совместно с полицией одно убийство. Потерпевший скончался до приезда «скорой», а преступник скрылся в неизвестном направлении. — Я решила засыпать его терминами для пущей солидности.

Нил поднял брови. Похоже, на него мои слова произвели впечатление. Это, в общем, мне на руку.

— И ты приехала по этому делу?

— Тут все связано, — туманно пояснила я. — Вообще-то я приехала узнать о человеке, которого более десяти лет назад признали виновным в убийстве. Не мог бы ты мне рассказать о... — я заглянула в блокнот, изображая скуку, — о Рейесе Фэрроу? Мне хотелось бы допросить его по делу, ну, по тому, которое я сейчас расследую...

Госсет побледнел на глазах, и я запнулась на полуслове. Он взял трубку и нажал на кнопку телефона:

— Луанн, зайди ко мне.

О черт, неужели я успела вляпаться? Он меня выгонит? Я же только пришла. Наверно, надо было подбавить терминов, но у меня все вылетело из головы. Борьба против расовой дискриминации! Почему я о ней не вспомнила? Такое кого хочешь напугает.

— Да, сэр? — Луанн заглянула в кабинет.

— Принеси мне досье Рейеса Фэрроу.

Так-то лучше.

Луанн замялась:

— Но...

— Да, Луанн. Принеси мне досье Фэрроу.

Она перевела взгляд с Нила на меня, потом обратно:

— Сию минуту, сэр.

Молодец. Куки никогда не говорит: «Сию минуту, мэм». Придется с ней это обсудить.

Но реакция Луанн меня заинтриговала не меньше, чем выражение лица Нила. Луанн была очень женственна. Под строгим деловым костюмом скрывалась нежная натура. Наверняка она обожает пить шампанское и принимать ванну с пеной. И вот в мгновение ока эта женщина заняла глухую оборону. Едва ли не разозлилась. Хотя, похоже, не на меня.

— Ты по поводу этого случая? — спросил Нил. — Не знал, что у Фэрроу есть родственники.

— Какого случая? — удивилась я.

Луанн принесла досье, протянула папку Нилу и вышла, даже не взглянув на меня. Неужели что-то случилось с Рейесом? Вдруг он и правда умер? Наверно, поэтому и явился как гром среди ясного неба.

Нил открыл папку и пролистал документы.

— Точно. Тут сказано, что у него нет живых родственников. Кто же тебя послал? — Он пристально посмотрел мне в глаза, и все во мне возмутилось.

— Это служебная информация, Нил. Я не хотела бы впутывать в это дело прокурора.

— Прокурора? Уверяю тебя, он уже в курсе.

Вот так так. Ладно, была не была. Я набрала в грудь побольше воздуха.

— Послушай, Нил, это скорее частное расследование. Я работаю над одним делом, но оно никак с этим не связано. Я лишь хотела... — Чего? Изнасиловать заключенного? Проверить, умеет ли Рейес оборачиваться призраком? — Я лишь хотела с ним поговорить.

Я смущенно опустила ресницы. Наверно, выглядела полной идиоткой. Одной из тех сумасшедших, которые пишут заключенным любовные письма и выходят за них замуж прямо в тюрьме.

— Так ты ничего не знаешь? — уточнил Госсет. В его голосе послышалось облегчение. И что-то еще. Может, сожаление?

— Как видишь, нет.

Сейчас он мне все расскажет. Что Рейес мертв. Скончался примерно месяц назад. Затаив дыхание, я ждала ответа.

— Фэрроу в коме. Уже около месяца.

Спустя несколько секунд я наконец подобрала челюсть с пола и вновь обрела дар речи.

— В коме? Как? Почему? Что случилось? — затараторила я.

Нил поднялся из-за стола и протянул мне досье.

— Хочешь кофе?

Я бережно взяла пухлую папку, словно она была усыпана драгоценными камнями, и рассеянно ответила:

— Очень. Пока не выпью кофе, всех убить готова. — Что я несу! — Нет, конечно, — заверила я Нила, оглядев стены колонии строгого режима. — Я никогда никого не убивала. Кроме одного чувака, но он сам напросился.

Моя вялая попытка пошутить, похоже, успокоила Госсета. На его лице показалось нечто вроде улыбки.

— А ты совсем не изменилась.

Я закусила нижнюю губу.

— Наверно, это плохо, да?

— Ничуть.

Оставив меня раздумывать над таким ответом, Нил отправился за кофе. Я углубилась в досье Рейеса, оно же священный Грааль.

Рейес Фэрроу. Совершенство — грязное дело, но кто-то же должен им заниматься.

Шарлотта Дэвидсон

— Ты его знала? — спросил меня Нил час спустя. Я читала. Мы болтали. Звонил Гаррет. Я не ответила.

Я все выяснила. Примерно месяц назад во дворе завязалась драка, и на территории моментально ввели режим строгой изоляции. Всем велели лечь на землю. Некий заключенный, приятель Рейеса, огромный и наивный, как ребенок, растерялся и не выполнил приказ, и охранник на вышке прицелился, чтобы дать предупредительный выстрел. Заметив это, Рейес навалился на друга, чтобы уложить на землю: он решил, что охранник собирается того пристрелить. Пуля, которая должна была попасть в грязь на безопасном расстоянии от них, пробила череп Рейеса и задела лобную долю мозга. С тех пор Рейес в коме.

Я подняла глаза и задумалась над вопросом Нила.

— Только по одному случаю в старших классах школы, — пояснила я и рассказала Госсету про вечер, когда впервые увидела Рейеса, и о побоях, нанесенных ему человеком, которого он потом якобы убил. Нил, похоже, не удивился. Я закрыла досье и посмотрела в его серые глаза.

— Между нами, — я наклонилась вперед, настраиваясь на душевную беседу, — между старыми друзьями, — уточнила я, — что ты о нем думаешь? Что тебе известно о нем? — Я постукала пальцами по папке. — Такого, что не вошло сюда?

Нил откинулся в кресле, поправил воротник и глубоко вздохнул:

— Я бы рассказал, да ты не поверишь.

Многообещающее начало.

— Спорим, поверю, — подмигнула я.

Прежде чем ответить, Нил с минуту пристально меня рассматривал. Потом заговорил — с видимой неохотой, которую я слишком хорошо понимала. Он действительно сомневался, что я ему поверю. Эх, знал бы он...

— Когда Фэрроу только попал сюда, случилось кое-что странное. Спустя неделю после того, как его перевели на общий режим, — проговорил Нил, не сводя глаз с застешки на часах, — Саут-Сайд послал трех бойцов, чтобы его прикончить. Не знаю почему. Но те, кому Саут-Сайд вынес приговор, обычно не выживают. И точка.

У меня сжалось сердце, и я заскрежетала зубами, стараясь не показать, что схожу с ума от тревоги при одной лишь мысли об опасности, которой подвергался Рейес.

— Все кончилось, не успев начаться. — Нил нахмурился, восстанавливая в памяти прошлые события, пытаясь соединить известные ему разрозненные фрагменты. — В то время я был охранником, только что после обучения, молодой да горячий. Но я чуть не намочил штаны от страха, когда увидел, как те бугаи идут к Фэрроу (тогда я еще не знал, что это он). Я вызвал подмогу, но не успел передать запрос, как все трое уже валялись на земле в луже собственной крови, а этот двадцатилетний пацан... даже не знаю, как сказать... сидел

на короточках на столе, готовый наброситься на любого, кто подойдет, и с полнейшим равнодушием посматривал на остальных заключенных. Он даже не испугался.

Затаив дыхание, я представляла себе описанную сцену.

Госсет покачал головой и поднял на меня глаза. В его взгляде читалось облегчение, смешанное с благоговением.

— И не запыхался. Был спокоен, как я сейчас. Я толком не видел, что произошло, но...

— Но? — не в силах сдержать любопытство, поторопила я.

— Но... двигался он не так, как обычные люди, Чарли. Так стремительно, что не уследишь: его очертания расплывались в какое-то пятно. И на столе потом сидел, подобравшись, точно опасный хищник. — Нил опять покачал головой, словно до сих пор не мог поверить собственным глазам. — Так он получил свое прозвище.

— Прозвище? — заинтригованно переспросила я.

— С тех пор его никто пальцем не тронул, — продолжал Госсет. — За все годы, что здесь работаю, я не видел ничего подобного. Он стал местной легендой, почти богом.

Я придвинулась ближе к его столу, стараясь не капать слюной на бумаги.

— Ты сказал, ему дали прозвище.

— Да, — насторожился Нил. — Его зовут *El Aliento del Diablo*.

— Дыхание дьявола, — эхом перевела я.

— Я же тебе говорил, в это трудно поверить. — Он тяжело вздохнул, очевидно ожидая, что я пропущу его рассказ мимо ушей.

— Нил, я верю каждому твоему слову. — На его лице отразилось изумление, и я пояснила: — В тот вечер, когда мы с ним встретились, я увидела нечто похожее. Он так двигался. И ходил.

— Точно, — Нил показал на меня пальцем, — не так, как...

— ...люди, — закончила я за него.

Он взглянул на папку в моих руках.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— И все-таки он человек.

Не в силах бороться с собой, я прижала папку к груди, чтобы не упустить ни малейшей подробности, связанной с Рейесом Александром Фэрроу.

— Пожалуй.

Он оставался для меня загадкой, таинственным неземным существом.

— Знаешь, в школе я терпеть тебя не мог.

Слова Нила вернули меня с небес на землю. Вот оно что. Что ж, по крайней мере, он честен.

— Знаю, — примирительно проговорила я. — Я тебя тоже.

— Правда? — Похоже, он был потрясен.

— Да. Извини.

— И ты меня. Я думал, что ты чокнутая.

— А я думала, что ты самовлюбленный сопляк.

— Так оно и было.

— Ага, — согласилась я, подавив грустный смешок.

— Но ты ведь не чокнутая, правда?

Я покачала головой: приятно, когда тебя ценят.

— Если хочешь, могу пустить тебя к нему.

Сердце дало сбой и, казалось, разбухло у меня в груди.

— Но должен тебя предупредить, Чарли, что он не поправится. Его мозг мертв.

На этих словах у меня сердце ушло в пятки и пол уплыл из-под ног. Смерть мозга? Как такое возможно?

— Он в коме с того самого дня, как это случилось, — добавил Нил, встал, обогнул стол и положил руку мне на плечо. — Мне больно тебе об этом говорить, но власти планируют через три дня отказаться от лечения.

— В смысле, отключить его от аппарата? — уточнила я. Меня охватила паника. Я хотела было сглотнуть, но горло пересохло и саднило.

Нил сочувственно поджал губы.

— Мне очень жаль, Шарлотта. Но без родственников, которые могли бы оспорить решение...

— А как же его сестра?

— Сестра? У Фэрроу нет живых родственников. Согласно его досье, у него никогда не было ни братьев, ни сестер.

— Это не так. — Я снова открыла папку и пролистала страницы. — В тот вечер у него была сестра.

— Ты ее видела? — с надеждой спросил Нил.

Ему не меньше, чем мне, хотелось, чтобы Рейес остался в живых.

Убедившись, что о сестре в бумагах нет ни слова, я остановилась и захлопнула папку.

— Нет, — ответила я, стараясь не поддаваться охватившему меня разочарованию. — Мне сказала хозяйка квартиры.

Огорченно вздохнув, Нил опустился на стул возле меня.

— Должно быть, она ошиблась.

* * *

Я ехала в тюремную больницу для хроников в Санта-Фе, где держали Рейеса. От обилия информации голова шла кругом, и я старалась уместить каждый из фрагментов в аккуратную папочку, упорядочить все, что узнала. Рейес продолжил обучение и спустя год после вынесения приговора получил диплом по криминологии. Потом, как ни странно, переключился на компьютеры и стал магистром по компьютерным информационным системам. Он занимался самообразованием. Выйдя из тюрьмы, он стал бы полезным членом общества, примерным налогоплательщиком.

И все-таки они собирались его убить. Нил объяснил мне, что единственный способ отменить решение властей — получить судебное постановление, но для него нужна чертовски веская причина. Если бы мне удалось найти сестру Рейеса...

Едва я взяла телефон, чтобы позвонить Куки, как трубка запела мелодию, которую я установила специально на нее, — *Do You Think I'm Sexy* Рода Стюарта.

Я открыла телефон, и Куки спросила:

— Ну что?

— Он в коме.

— Не может быть.

— Может. И спустя три дня его отключат от аппарата. Кук, что мне делать? — Эмоции,

которые я сдерживала в кабинете Нила, грозили вот-вот выйти из-под контроля. Я изо всех сил старалась подавить их с помощью дыхательной техники, которой научилась по своему DVD «Йога-бути».

— Что нам делать? Мистер Госсет тебе объяснил?

— Мне нужно найти сестру Рейеса. Только она может это остановить. Я не сдамся. Буду шантажировать дядю Боба. Вдруг у него получится что-то сделать. — Я не отдам Рейеса без борьбы. Спустя столько лет я наконец нашла его... все это наверняка не просто так.

— Шантаж? Неплохая мысль, — согласилась Куки.

Все вокруг окрасилось в зеленые тона: я въехала на стоянку, напоминавшую английский сад. Перед тем, как повесить трубку, я дала Куки очередное задание. Если верить статье, которую я прочла вчера вечером, Рейес три месяца учился в средней школе Юкка-Хай. Может, его сестра тоже туда ходила. Мне нужны были списки учеников.

Куки принялась за поиски, а я направилась в великолепно оборудованную больницу. Разумеется, она выгодно отличалась от тюремного изолятора. Я догадалась, что в тюрьме нет возможности ухаживать за пациентом в коме и поэтому Рейеса перевезли сюда. Нил позвонил и сообщил надзирателю, приставленному к Рейесу, что я приеду навестить его подопечного.

Я подошла к регистратуре. Надзиратель стоял в углу вестибюля и заигрывал с дежурной медсестрой. Едва ли я могла его осуждать. Сторожить пациента в коме не очень интересно. Флиртовать гораздо веселее.

Когда я приблизилась, он вытянулся в струнку, а медсестра поспешила вернуться к своим делам.

— Мэм, — приветствовал меня он, дотронувшись до невидимой шляпы, — вы, должно быть, мисс Дэвидсон.

— Да. Полагаю, мистер Госсет вам звонил.

— Так точно. Наш пациент тут. — Надзиратель указал на затянутую бледно-голубой занавеской раздвижную стеклянную дверь, перегородившую коридор.

Немного удивившись, что он не попросил меня предъявить документы, я направилась к двери. Ну, большая часть меня. Ноги буквально приклеились к полу. Что меня ждет за дверью? Выглядит ли он так же? Не сильно ли изменился за те десять лет, что прошли с тех пор, как был сделан снимок? За те одиннадцать лет, что я его не видела? Наложил ли на него тюрьма свой отпечаток? Не повеет ли от него холодом, как от всякого, кто немало времени провел за решеткой?

Надзиратель, похоже, догадался о моих сомнениях.

— Все не так плохо, — мягко сказал он. — У него дыхательная трубка. Это, пожалуй, самое жуткое.

— Вы с ним лично знакомы?

— Да, мэм. Я сам попросился сюда. Однажды во время тюремных беспорядков Фэрроу спас мне жизнь. Если бы не он, я бы здесь сейчас не стоял. Так что это самое меньшее, что я мог для него сделать.

У меня перехватило дыхание. Хотелось расспросить его поподробнее, но внезапно меня повлекло к Рейесу в палату, словно в одном-единственном месте вдруг стремительно увеличилась сила тяжести. Я шагнула вперед, надзиратель снова коснулся невидимой шляпы и ушел к кофемашине.

Переступив порог, я на всякий случай огляделась, нет ли где призрака Рейеса. Его не

оказалось, и я немного расстроилась. Призрак у него что надо.

Я перевела взгляд на кровать. Передо мной лежал Рейес Фэрроу, сильный и живой, с темными волосами и кожей, которая на белых простынях казалась бронзовой. Сила тяжести снова подхватила меня, но на этот раз центром притяжения был он. Я подошла к краю кровати и во второй раз в жизни увидела само совершенство.

Из горла Рейеса торчала дыхательная трубка, а голова была перевязана. Выбившиеся из-под повязки темные растрепанные волосы падали на лоб. Крутой подбородок покрывала трехдневная щетина; длинные густые ресницы отбрасывали тень на скулы. Я посмотрела на его губы — красиво очерченные, чувственные, незабываемые.

В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь гудением дыхательного аппарата. Не пищал кардиомонитор, хотя Рейес был к нему подключен, и по экрану непрерывно бежали цифры и линии. Я подошла ближе, коснувшись бедром его руки, вытянутой вдоль тела. Короткие рукава голубого больничного халата открывали великолепные мускулы, подтянутые и крепкие даже во сне. По бицепсу вилась татуировка, подчеркивая его гладкость и красоту. Этническое произведение искусства, изящные линии и манящие изгибы которого были полны смысла. Однажды я их уже видела. Они были древние, как само время. И очень много значили. Но почему?

Мои ум и сердце никак не могли принять, что в постели действительно Рейес Фэрроу, беззащитный и вместе с тем могущественный. У меня ослабли колени; интересно, как долго я смогу простоять в его присутствии и не упасть. Спустя столько времени он казался еще нереальнее, чем в моих снах. И прекраснее, чем в фантазиях.

Его широкая грудь поднималась и опускалась в такт аппарату. Я коснулась пальцами его плеча и обожглась. Табличка в изножье кровати подтверждала, что у пациента нормальная температура — идеальные 36.6, но от него шел такой жар, словно я стояла возле печки.

Даже в покое он казался диким, неукротимым: такого невозможно приручить, надолго запереть в клетку. Я сжала его ладонь и, мужественно перенося жар прикосновения, наклонилась над кроватью.

— Рейес Фэрроу, — срывающимся от волнения голосом проговорила я, — пожалуйста, проснись. — Наплевать, что решили власти: Рейес не более мертв, чем я. Как они могли хотя бы подумать о том, чтобы отключить его от аппарата? — Если ты не очнешься, тебя отключат. Понимаешь? Ты меня слышишь? У нас осталось три дня.

Я огляделась, надеясь, что он появится в палате в ином виде. Я по-прежнему не знала наверняка, кто он, но точно больше, чем человек. В этом не было ни тени сомнения. Мне нужно найти его сестру. Надо положить этому конец.

— Я еще вернусь, — шепнула я и, прежде чем уйти, наклонилась и прижалась губами к его губам. Поцелуй обжигал, но на несколько восхитительных мгновений я замерла, наслаждаясь.

Когда я попыталась выпрямиться, прервать поцелуй, перед моим мысленным взором пронесся рой образов. Я вспомнила все наши ночи за последний месяц. Руки Рейеса сжимают мои бедра, я обвиваю его ногами, словно цепляясь за жизнь, а он толчками входит в меня, и по моему телу прокатываются волны неопишуемого наслаждения. Я вспомнила, как мы целовались в кабинете Куки, как он направил вниз мою ладонь, как подхватил, когда у меня подкосились ноги. Потом я вспомнила ту давнюю ночь. Когда отец ударил его, Рейес на долю секунды потерял сознание. Я помню его взгляд, когда он пришел в себя. Полный

гнева. Он злился не на отца, а на меня! Он смотрел на меня. На мгновение заметил и пришел в ярость.

Я вспомнила чашку у моих губ, теплое полотенце на голове, чьи-то руки, удерживавшие меня, и пришла в себя, удивляясь, куда подевались мои кости.

— Мисс Дэвидсон, что с вами?

— Выпейте воды, — сказала какая-то женщина. — Вы упали в обморок.

Я плотнула холодной воды, открыла глаза и увидела стоящих надо мной надзирателя и медсестру. Надзиратель прижимал к моей голове мокрое полотенце, а сестра уговаривала попить воды. Они оттащили меня на стул возле палаты и пытались не дать мне упасть, несмотря на то, что мое ослабшее тело так и норовило поцеловать плитку пола.

— Ой! — воскликнула медсестра. — Поймал?

— Ага. Она просто все время выскользывает из рук. Как ужасно тяжелые спагетти.

— Что? — взвизгнула я, очнувшись. — Как это тяжелые? Что случилось?

Глядя в насмешливые глаза надзирателя, я пила воду, а он рассказывал:

— Вы либо потеряли сознание, либо вам приспичило поближе рассмотреть трещины на полу. Как бы то ни было, вы сильно ударились.

— Правда?

Он кивнул:

— Не стоило приставать к пациенту.

Откуда он узнал?

— Я поцеловала его на прощание.

Надзиратель фыркнул и переглянулся с медсестрой:

— Мне так не показалось.

Вероятно. Но что же произошло? Неужели Рейес Фэрроу даже в коме смог подчинить мою волю? Все, мне конец.

— Черт! — Я вскочила на ноги. Голова поплыла, и на секунду я вспомнила выпускной в школе, который провела в луже собственной рвоты. Споткнувшись, я забежала к Рейесу в палату, немного полюбовалась им на прощание, быстро поцеловала — в щеку — и умчалась прочь из больницы, помахав надзирателю и медсестре и пробормотав слова благодарности. Мне нужно было найти сестру Рейеса, а время истекало.

* * *

— Ты упала в обморок?

Я вздохнула в трубку, дожидаясь, пока Куки оправится от удивления. Понятия не имею, почему после всего, что было, она еще чему-то удивляется.

— Ты достала списки учеников из школы Рейеса?

— Еще нет. Ты упала в обморок? Когда целовала его?

— Ты ничего не забыла мне сказать?

— Я проверила флешки. Они все принадлежат Барберу. На них нет ничего, кроме его рабочего архива.

— Черт. Непременно поговорю об этом с Барбером. — Кстати, где мои адвокаты? — И надо вернуть флешки на место, пока секретарша не хватилась.

Прежде чем повесить трубку, я попросила Куки выяснить, собирается ли Нора,

секретарша адвокатов, сегодня в офис. Надеюсь, что нет. Будь она там, давно заметила бы пропажу флешек.

Я припарковала Развалюху на стоянке возле «Плотины», она же дом родной, и телефон заиграл Пятую симфонию Бетховена. Дядя Боб сообщил, что удалось установить личность и адрес убийцы. По крайней мере, полиция полагала, что он убийца. Было бы здорово, если бы хоть один из адвокатов видел нападавшего, чтобы нам знать наверняка, того ли мы схватили, кого нужно. Оказалось, он работал на Нони Бачичу, местного владельца автомастерской. Я лично знала Нони: он никогда не был замешан ни в чем подобном; значит, мы что-то напутали. Но мы ничего не узнаем, пока не поймаем предполагаемого убийцу. Дядя Боб как раз собирался это сделать. С помощью половины служебного состава городской полиции.

Разумеется, такое зрелище я не могла пропустить. Я бы мигом определила, виновен парень или нет. Мне это легко — наверно, потому, что я ангел смерти. Сложности начинались, если тот, кого я оценивала, был замешан во множестве других преступлений. Вина есть вина. Иногда трудно отличить одно преступление от другого. Но попытаться все-таки стоило.

Я записала адрес, развернулась и помчалась к жилому комплексу, расположенному в самой глубине зоны военных действий, также известной как Саут-Вэлли, где обитал некий мистер Хулио Онтиверос.

Полицейские еще были в квартале отсюда: готовились к захвату. Кажется, они располагали вполне достоверной информацией, что Хулио дома и что он спит. Должно быть, поздно лег. Я втиснулась между джипом дяди Боба и патрульной машиной, отключила звук на мобильном — нет ничего хуже, чем когда в момент захвата вдруг звонит телефон: все так и сверлят тебя свирепым взглядом — и пошла искать Дибби.

В девяноста девяти случаях из ста я не ношу с собой личное оружие — должен же у меня быть стимул совершенствовать убийственный взгляд. Но сегодня все крутые ребята вооружились до зубов. Я почувствовала себя девчонкой, которая явилась на званый обед в джинсах и футболке с фотографией «Пинк Флойд». Наверно, потому что как-то раз именно так и сделала.

Дибби я заметила у соседней патрульной машины, а это значило, что, подойдя к нему, я окажусь на расстоянии визга от Гаррета Своупса. Я догадалась, что дядя сначала позвонил ему, и меня ужалила ревность, которую я постаралась подавить. Я с пяти лет распутываю для него дела, а он первым делом звонит Своупсу? Меня охватило раздражение, я нахохлилась и ошетибилась.

Неужели он не испытывает ни капельки благодарности? Разве я многого хочу? Лишь чуточку родственного лицепрятия.

Дядя Боб, как обычно, говорил по телефону. Стоявший у открытого багажника патрульной машины Гаррет поднял на меня глаза, и в его взгляде мелькнула тревога. Чертыхнувшись про себя, я поняла, что прихрамываю из-за боли в ребрах и ноге. Скрипнув зубами, выпрямила спину и постаралась идти нормально. Из-за этого вскоре пришлось остановиться и передохнуть. Боюсь, моя походка напоминала популярный в восьмидесятые танец робота.

— Поверить не могу, что ты не переломала все двадцать семь ребер, — произнес Гаррет, когда я приблизилась, дергаясь, точно марионетка.

— У меня не двадцать семь ребер.

— Уверена? — усомнился он, оглядывая мою грудную клетку. — Пожалуй, мне стоит

их сосчитать.

По-дурацки обидевшись, я инстинктивно обхватила руками живот, чтобы себя защитить.

— Только если хочешь лишиться руки, — предупредила я, хотя в джинсах, белой футболке и темно-синем пуленепробиваемом жилете Гаррет выглядел очень сексуально. Настоящий мачо. — Не волнуйся, — продолжала я, — наверняка однажды тебе пригодится умение считать.

Он ухмыльнулся как ни в чем не бывало и проверил обойму.

— Конечно.

— Ладно, я пойду в обход.

— Зачем?

— Потому что мне можно. А тебе нельзя.

— Смотри, чтобы тебя не подстрелили.

Я фыркнула — можно подумать, его заботила моя жизнь — и поковыляла прочь.

— И не упади никуда, — громким шепотом напутствовал меня Гаррет.

Чудак-человек.

Не успели мы с симпатичным полицейским по имени Руперт спрятаться за домом, как из квартиры Онтивероса донесся звук, похожий на выстрел. Руперт вскочил на ноги, перемахнул через двухметровую изгородь, понесся к черному ходу и замер у красной кирпичной стены здания с пистолетом наизготовку. Молодо-зелено.

Будучи старше и умнее, я решила пройти через пролом в ограде, где некогда была калитка. Вспомнив предостережение Гаррета — не попасть в перестрелку и не получить пулю в сердце — и учитывая обстоятельства, я с трудом нагнулась и пробралась во двор. И спустя двенадцать секунд растянулась в грязи, хватая ртом воздух. По-видимому, подозреваемый тоже заметил дыру в заборе. Почему-то, когда тебя окружили полицейские с никелированными бляхами, готовые в любую минуту открыть огонь, помеха в виде безоружной девицы (где бы она ни оказалась) кажется меньшим из зол. Не успела я налюбоваться аккуратной попкой Руперта, как в меня врезался огромный бандюк в капюшоне, очевидно собиравшийся пробить дыру во вселенной.

Мы рухнули на землю, и от боли в ребрах у меня искры посыпались из глаз. А еще я почувствовала страх. Его страх. Он был невиновен. Он никого не убивал. Черт.

Приличные женщины редко входят в историю.

Лорел Тэтчер Ульрих

Мои детективные способности никогда не войдут в легенду. Не попадут на страницы учебников по криминологии и в университетские аудитории. Но я уверена, что, если бы постаралась, смогла бы громко заявить о себе в чатах.

Раз уж я не способна подавать хороший пример, так буду хотя бы служить печальным предостережением.

Попытки Куки раздобыть список учеников и копии аттестатов из школы Рейеса провалились. Редко, но так бывает. Кажется, дело в законах и соблюдении конфиденциальности. Узнав это, я отправилась в полицейский участок с одной-единственной целью. Скорчив на своем опухшем, покрытом синяками лице свирепую гримасу, потопала прямо в комнату для допросов, не обращая внимания на косые взгляды.

Вдруг кто-то свистом окликнул меня.

Я замедлила шаг и оглядела участок, но ничего, кроме столов и людей в форме, не заметила. Тогда я перевела взгляд на туалеты. Пожилая мексиканка в легком цветастом платье поманила меня скрюченным пальцем. Ее голову и плечи покрывала черная кружевная мантилья, и я готова была побиться об заклад, что старуха печет тортильи, как никто в округе. По крайней мере, пекла, пока была жива.

Мне было некогда общаться с призраками, но я не могла отказаться. Никогда не могу им отказать. Я огляделась по сторонам и прокралась в женский туалет, напустив на себя невозмутимый вид, хоть и непонятно зачем. Едва ли в зове природы есть что-то противозаконное. Спустя пять минут я так же осторожно вышла из туалета. Только теперь я была вооружена до зубов — образно выражаясь — и готова торговаться.

Я заметила дядю Боба у дверей комнаты наблюдения. Он о чем-то увлеченно беседовал с сержантом Дуайтом.

— Хочу заключить сделку, — заявила я, бесцеремонно влезая в разговор.

Дуайт смерил меня злобным взглядом.

Диви заинтересованно приподнял брови:

— Какую же?

— Хулио Онтиверос не убивал адвокатов. — Обычно преступник буквально излучает вину. Я это за милую чую. А Хулио Онтиверос был невиновен. По крайней мере, в убийстве. А то, что мы приняли за выстрел в квартире, на самом деле был выхлоп мотоцикла. Онтиверос на ночь занес его в дом, чтобы не украли. Хитрый малый.

— Здорово, — сержант Дуайт закатил глаза, — рад, что вы нам это сообщили.

Дядя Боб нахмурился, опустил голову и шагнул ко мне:

— Ты уверена?

— Вы серьезно? — недоверчиво уточнил сержант.

Дядя Боб, внезапно рассердившись, бросил на Дуайта холодный взгляд, от которого увяла бы и морозоустойчивая зимняя роза. Тот сжал зубы, повернулся к нам спиной и уставился на подозреваемого за зеркальным стеклом.

— Чарли, речь идет о важном деле. Я должен знать наверняка. Начальство и так на нас давит.

— У тебя все дела важные. Вспомни, я хоть раз ошибалась?

Дибби задумался, потом покачал головой:

— Что-то я такого не припомню.

— Вот именно.

— Ладно. А что за сделка?

Дяде это понравится.

— Если я сегодня, прямо сейчас заставлю его признаться, каким боком он замешан в этом деле, и выясню у него, кто настоящий убийца, ты сделаешь для меня две вещи.

— Было бы неплохо, — заметил дядя Боб.

— Мне нужно, чтобы ты получил судебное постановление, которое помешало бы отключить от аппарата одного преступника в коме.

— На каком основании? — не понял дядя.

— Хороший вопрос. — Я дернула плечом. — Придумай что-нибудь. Что угодно.

— Сделаю все, что в моих силах, но...

— Никаких «но», — перебила я, подняв указательный палец. — Обещай, что сделаешь.

— Клянусь. А второе условие?

— Мне нужно, чтобы ты поехал со мной в школу. И удостоверение захвати.

Дядя Боб сделал круглые глаза и поинтересовался:

— Надеюсь, ты потом объяснишь, в чем дело?

— Зуб даю. — Я щелкнула по зубу указательным пальцем. — А теперь давай выудим у парня, что ему известно.

Сержант Дуайт, слушавший наш разговор, фыркнул — очевидно, в знак презрения ко мне.

Я раздраженно вздохнула.

— Это не займет много времени, — сказала я дяде Бобу.

Не в силах стоять, ничего не делая, сержант Дуайт обернулся к нам:

— Неужели вы на самом деле собираетесь пустить ее туда и поставить под угрозу все расследование?

Дибби задумался и оставил сердитый выпад Дуайта без ответа. Тот заскрипел зубами и шагнул к дяде Бобу.

— Дэвидсон, — прошипел сержант ему в лицо, рассчитывая, что дядя наконец его заметит.

Мне было некогда дожидаться, чем кончится дело. Пока дядя Боб разбирался с дураком Дуайтом, я зашла в комнату наблюдения и посмотрела в зеркальное стекло на мистера Онтивероса. Полицейский, находившийся в комнате, удивленно оглянулся на меня. Я, разумеется, не обратила на него внимания. Хулио сидел в крохотном пустом закутке за комнатой наблюдений. Он беспокойно ерзал на стуле, поглядывая в зеркало. Парень был пострижен, как типичный гангстер — волосы на висках выбриты, а на макушке оставлены чуть длиннее, — и одет по последней моде. Все его существо излучало страх.

Не то чтобы он совсем не был ни в чем замешан, но никого не убивал — это точно. А боялся Онтиверос, что его посадят за преступление, которого он не совершал. Такое сейчас происходит на каждом шагу.

Я обернулась и подмигнула Есении, пожилой мексиканке, с которой беседовала в

женском туалете: та оказалась тетей Хулио Онтивероса. Она ждала в углу; я вышла из комнаты, и старушка проводила меня озорной ухмылкой.

— Я готова, — бросила я дяде Бобу и вошла в помещение для допросов. Закрыв дверь, услышала, как дядя и Дуайт поспешно пробираются в комнату наблюдения, чтобы за мной проследить. Потом туда устремились еще чьи-то шаги. Очевидно, зрителей у нас будет полный зал. Придется их разочаровать. Спектакль не займет много времени.

Хулио был пристегнут наручниками к железному столику. Он поднял голову и, удивленно раскрыв глаза, смерил меня подозрительным взглядом, потом нахмурился, но быстро овладел собой.

Развалившись на стуле, он процедил:

— Это еще что за...

— Заткнись, — отрезала я, подошла к нему и присела на стол, касаясь бедром его закованного в наручник запястья. Таким образом я закрыла от него стекло и, что важнее, помешала полицейским в комнате наблюдения нас подслушать. Я придвинулась к Онтиверосу так близко, будто собралась станцевать стриптиз у него на коленях. Неизбежное зло, но я не могла допустить, чтобы кто-то случайно услышал то, что мне нужно было ему сказать. Иначе меня отправят в специальное учреждение с обитыми войлоком стенами и таблетками в белых стаканчиках.

Я спиной почувствовала, как дядя Боб буквально лопается от злости из-за того, что я так близко придвинулась к человеку, которого он считал жестоким убийцей. Но мне лучше знать.

Я застала Хулио врасплох. Не давая бандиту опомниться, наклонилась и зашептала ему на ухо. Время поджимало: вот-вот в комнату вломится дядя Боб, опасаящийся за мою шкуру. Несколько слов, два-три коротких предложения — и Хулио Онтиверос разольется соловьем.

Лишь бы у меня в запасе оказалось десять секунд. И они у меня были.

— У нас мало времени, так что молчи и слушай.

Решив сделать хорошую мину при плохой игре, Хулио изобразил крутого парня: повернулся ко мне и понюхал мою шею и волосы.

— Меня послала твоя тетушка Есения.

Он замер.

— И сказала мне, где находится каждая из трех вещей, которые тебе нужны больше всего на свете.

Я слышала, как поворачивается ручка двери. Почувствовала, как от Онтивероса веет сомнением, как испаряется его восхищение моей шеей и волосами. Так бывает всегда, стоит мне заговорить об умерших. Я чуть подалась вперед и заглянула в его настороженные глаза.

— Тебя вот-вот упекут в тюрьму за три убийства, которых, как мы оба знаем, ты не совершал. Признайся, какое ты имеешь отношение к этому делу, только честно, ничего не скрывая, и я скажу тебе, где медаль. Для начала.

Он задохнулся от изумления. Я назвала его первое и самое заветное желание. Со вторым желанием тоже не было никаких проблем, а вот с третьим уже сложнее, потому что тетя Онтивероса не знала, где именно находится номер три, и смогла объяснить только приблизительно. Я решила, что тут мне поможет Куки.

Не успела я договорить, как в комнату с обеспокоенным видом ворвался дядя Боб. Я подмигнула ему, повернулась к Хулио, вытащила из заднего кармана визитку и подсунула под его руку в наручнике.

— Положись на меня, — добавила я на прощание.

Я вернулась в комнату наблюдения и, затаив дыхание, стала ждать, расколется ли Онтиверос. Мне толком ничего не было видно. В крошечной комнатухе собралась толпа народа. Половина смотрела на меня — в том числе и разъяренный Гаррет Своупс (а не пошел бы он в задницу!), — а половина в комнату для допросов. Наконец Хулио заговорил.

— Я все скажу, — пообещал он в микрофон, — я признаюсь во всем, что мне известно, но вы должны обеспечить мою безопасность. Я никого не убивал и не собираюсь за это сидеть.

Я моргнула, обернулась и хлопнула по руке тетю Есению, женщину, которая вырастила Хулио и не собиралась оставлять нашу грешную землю, пока — так она сказала — этот засранец не исправится. Потом с застывшей на лице улыбкой облегчения вышла из участка. Позже позвонит дядя Боб, расскажет подробности, а я объясню ему условия нашего договора. Сейчас же я устала, измучилась и отчаянно нуждалась в долгой горячей ванне. Знай я, что ждет меня дома, быть может, мои желания приняли бы более романтическое направление.

* * *

С головой погрузившись в мечты о ванне с пеной при свечах, я открыла дверь и прокралась в квартиру, стараясь не разбудить Куки и Эмбер, которые обитали напротив. Солнце давным-давно откочевало на другой край земли, а мне ужасно не хотелось, чтобы подруга провела на ногах две ночи подряд. По дороге домой я заглянула в офис и обнаружила, что Нил в неожиданном порыве человеколюбия прислал мне копию досье Рейеса. Едва ли это законно, но я была ему благодарна больше, чем если бы он подарил мне выигранный лотерейный билет. К папке прилагалась записка с короткой фразой: «Ты от меня ничего не получала».

Я забежала к папе узнать, нет ли для меня сообщений — вдруг Розы (клиентке, которой я помогла сбежать от мужа-тирана) что-нибудь нужно, — наскоро запихнула в себя рагу с зеленым чили и потрусилась через стоянку в «Плотину». Отсутствие известий от Розы было добрым знаком, но меня все равно не оставляло беспокойство, и хотелось, чтобы она позвонила вопреки моим строжайшим наказам.

Включив в комнате свет, я бегло поздоровалась с мистером Вонгом и вдруг заметила Рейеса. Он повернулся ко мне. Рейес, величественный и прекрасный, как бог, стоял у окна моей гостиной. Рейес Фэрроу. Тот самый Рейес Фэрроу, который лежал в коме в больнице Санта-Фе в часе езды отсюда. Он отвернулся и посмотрел в окно, а я, положив сумку и папку на буфет, шагнула вперед, к нему. Он отодвинулся, опустил глаза и украдкой бросил на меня пронзительный взгляд. Передо мной явно был призрак, но словно состоявший из материи, более плотной, чем человеческое тело, более крепкой и прочной.

Я лихорадочно размышляла, что сказать. Мне почему-то казалось, что фраза «Ты потрясающий любовник» сейчас будет не вполне уместна. В порыве отчаяния я выпалила первое, что пришло в голову:

— Через три дня тебя отключат от аппарата.

Тогда Рейес повернулся и оглядел меня с ног до головы. От его взгляда меня охватила теплая дрожь, наполнившая каждую частичку тела пульсирующей энергией — она

плескалась у меня в груди, кружилась в водовороте и просачивалась в низ живота, сжигая плоть и расплавляя кости. Я держалась из последних сил, стараясь сохранять самообладание.

— Тебе нужно очнуться, — пояснила я, но он ничего не ответил. — Скажи хотя бы, как зовут твою сестру.

Его взгляд задержался на моих бедрах, потом поднялся выше.

— Только она может помешать властям.

Молчание. Тут я вспомнила, как всполошился Рокет, услышав его имя. Бедняга испугался. Рейес подошел ближе, но так, чтобы я не могла коснуться его рукой. У меня от его близости тряслись поджилки и текли слюни, как у собаки Павлова (какой-нибудь бихевиорист порадовался бы такой реакции), я мечтала, чтобы он обнял меня. Но нам нужно было поговорить.

— Рокет тебя боится, — внезапно охрипшим голосом проговорила я. Рейес посмотрел на Угрозу и Уилл Робинсон, и я уточнила: — Ты ведь его не обидишь, правда? — На этих словах его глаза встретились с моими.

Мы стояли в паре метров друг от друга, но я чувствовала исходящий от него жар. Не в силах справиться с волнением, я шагнула к Рейесу. У меня накопилось столько вопросов, столько сомнений!

Но больше всего в ту минуту мне хотелось знать — понимаю, что это звучит нелепо и смешно, — почему он не пришел ко мне прошлой ночью. Целый месяц он еженощно являлся мне во сне, а тут вдруг исчез; я не знала, что думать, и начала сомневаться в себе. Рейес нахмурился; брови сошлись над его глубокими карими глазами. Он наклонил голову, как будто пытался отгадать, что у меня на уме.

Мне безумно хотелось задать ему свой эгоистичный вопрос, но нужно было удостовериться, что Рокет вне опасности, хотя я и не представляла, с чего бы Рейес стал ему угрожать.

— Если я очень-очень тебя попрошу, слаще пирожного с вишенкой, ты ведь не тронешь Рокета?

Рейес перевел взгляд на мои губы, и мне стало трудно дышать, сохранять самообладание, противиться искушению накинуться на него прямо здесь и сейчас. Нужно было сосредоточиться.

— Если да, моргни один раз, — выдохнула я, прежде чем, забыв о гордости, броситься к нему на шею. Он, конечно, был очень опасен, и я все чаще задумывалась, кто он. Наверно, такой же, как мы с Рокетом. Возможно, у него от рождения было предназначение, но жизнь обошла с ним сурово, как с Рокетом, и ему так и не удалось исполнить то, что должно. Мне все труднее было сдерживаться. Я растворялась в блеске золотистых крапинок в глазах Рейеса. Я чувствовала себя точно ребенок, очарованный фокусником: неумолимое желание влекло меня к нему.

Внезапно Рейес повернулся, разрушив наложенное на меня заклятие, как будто что-то привлекло его внимание. Потом очутился возле меня; его чувственный рот был всего в нескольких дюймах от моих губ.

— Ты устала, — сказал он и, не успев договорить, исчез в темном вихре.

Не успела я опомниться от его близости — звуки его грудного голоса заливали меня жидким золотом, — как дверь распахнулась и на пороге показалась Куки.

— Звонил Гаррет, сказал, ты опять упала, — пропыхтела она, подбегая ко мне. — А ты на ногах и, похоже, в порядке. — Она чуть склонила голову набок. — Вроде бы. Тебе

никогда не приходило в голову, что, быть может, способность так быстро выздоравливать — часть твоего дара?

Рейес был здесь, у меня в гостиной, он возвышался передо мной, настоящий и божественно прекрасный, как статуя Давида.

— Чарли?

Я все еще чувствовала жар его губ, почти касавшихся моих. Постойте-ка. Я устала? Что он хотел этим... о боже. Он ответил на мой вопрос, почему не пришел прошлой ночью. Тот, который я не задала, а только подумала. Я встревожилась.

— Хочешь, я дам тебе пощечину? Если, конечно, ты думаешь, что это поможет.

Моргнув, я наконец сосредоточила внимание на Куки.

— Он был здесь.

Широко раскрытыми от удивления глазами она оглядела комнату и недоверчиво уточнила:

— Злодей?

— Рейес.

Куки замерла, прикусила нижнюю губу, подняла на меня глаза и поинтересовалась:

— А почему ты со мной не поздоровалась?

* * *

Наутро у меня по-прежнему болело все тело. Но я хотя бы дышала. В конце концов, мой стакан был наполовину полон. Добрый знак: день будет удачным, решила я, потому что о ночи такого сказать не могла. Рейес снова не появился. Я всю ночь ворочалась и проснулась от того, что дядя Боб прислал мне эсэмэску.

Оправившись от изумления при виде такой диковины (обычно Дибби не пишет сообщений), я попыталась ее прочесть. Там что-то говорилось про нашу «сбелку» и «пездку в шкоду». Этого было достаточно, чтобы мне захотелось поскорее приняться за дело. Мы собирались поехать в школу Рейеса.

Я полночи не спала, читала тюремное досье Рейеса, где оказалось полным-полно бесценных сведений о нем. Мне редко попадались такие интересные документы. У него был самый высокий IQ среди заключенных за всю историю Нью-Мексико. Как они его называли? Громадный? В тюрьме он держался особняком, хотя у него было несколько друзей, в том числе сокамерник, которого полгода назад освободили условно. Надзиратель в больнице сказал правду. Во время тюремного бунта Рейес спас ему жизнь. Когда начались беспорядки, надзиратель оказался заперт внутри и его окружила группа заключенных. К тому моменту, как появился Рейес, беднягу избили до полусмерти, поэтому он толком не знал, что и как произошло. Он лишь подтвердил, что Рейес оттащил его в безопасное место и спрятал, пока волнения не улеглись.

Я очень гордилась Рейесом. Я знала, что он хороший. Но хотя вся информация в его досье пробуждала бесчисленные фантазии, ни одна деталь не навела меня на мысль о том, где искать его сестру. В досье о ней не говорилось ни слова.

Я подумала, не посвятить ли в это дело Гаррета. Если кто и может найти сестру Рейеса, так именно он. Но тогда мне придется ему кое-что объяснить. Я отказалась от этой мысли, вышла из душа и увидела Ангела Гарсу, моего тринадцатилетнего помощника,

самоуверенного сыщика; он стоял, опершись бедром о раковину.

— Искала меня, босс? — спросил он, проведя пальцами по крану.

— Где ты был? — Пока он не видел, я взяла халат. — Я волновалась. Ты никогда так долго не пропадал.

— Извини. Я был у мамы.

— А.

Я обернула голову полотенцем. Меня терзали подозрения. Секунду назад я стояла нагишом, а этот законченный бабник, Ангел Гарса, даже не заметил. Что-то явно не так. Образно выражаясь, Ангел наконец-то дожил до того, чтобы увидеть меня голой. Да еще целиком. Он мне сам несколько раз признавался, что это мечта всей его жизни. Сейчас же вместо того, чтобы на меня пялиться, он вертит кран. Неладно что-то в ангельском королевстве.

До чего же капризны мертвые тринадцатилетние гангстеры.

Мы с Ангелом подружились вскоре после «ночи бога Рейеса», как мне нравилось ее называть. Он помогал мне, когда я училась в школе, в колледже, а позже работала в Корпусе мира. Когда же я наконец открыла собственное детективное агентство, мы заключили сделку: я посылала его матери деньги, которые он получал, работая на меня — разумеется, анонимно, — а он стал моим главным, лучшим и единственным детективом.

Но в конце концов Ангел решил извлечь из нашего соглашения дополнительную пользу. Он изо всех сил пытался уговорить меня отбирать у людей деньги с помощью нашего дара.

— Мы бы с тобой такие дела мутили, — настаивал он.

— Именно что мутили.

— Подумай сама. Мы бы приходили к родственникам тех, кто недавно умер, и поднимали кучу бабок.

— Это вымогательство.

— Это капитализм.

— Карается заключением на срок от года до четырех лет в тюрьме штата и солидным штрафом.

В конце концов Ангел отчаялся меня уломать и перешел в наступление:

— Ты используешь меня ради моего тела.

Если я когда-нибудь стану использовать мертвого тринадцатилетнего парня ради тела, то сама сдамся в психушку.

— У тебя нет тела, — напомнила я.

— Нечего мне зубы заговаривать.

— Строго говоря, зубов у тебя тоже нет. И даже если мы станем зарабатывать на своих способностях, ты не сможешь пойти и купить себе новый скейтборд.

— Зато ты сможешь посылать моей матери больше денег.

— Вот это другое дело.

— А еще мне нравится, когда накрывает.

— Когда что?

— Когда накрывает, — повторил Ангел. — Ну, когда люди понимают, что ты существуешь на самом деле. Ощущение, как будто тебя легонько бьет током. Как когда накрываешься одеялом из синтетики.

Фу, гадость.

— Правда? Никогда не слышала.

— Ага. А еще мне нравится, когда люди понимают, что мы здесь.

Я наклонилась к нему и спросила:

— То есть тебе бы хотелось, чтобы твоя мама знала, что ты здесь? Ты бы хотел, чтобы она это понимала?

— Не-а. Она и так долго отходила от моей смерти.

Все-таки он был славным малым. Но сегодня вел себя очень странно.

Я вышла из ванной и полезла в косметичку.

— Все в порядке? — как можно непринужденнее поинтересовалась я.

— В полном, — пожал он плечами. — Хреново выглядишь. Тебя ни на секунду нельзя оставить одну.

— У меня была насыщенная неделя. Я проводила Розы.

Я имела в виду нашу клиентку, которой мы помогли скрыться. Это Ангел придумал отправить ее обратно в Мексику. Ему пришлось изрядно попотеть в поисках выставленного на продажу отельчика на пляже. Мы исхитрились найти для Розы деньги, и в конце концов все получилось.

Ангел коснулся стоявшего на столе флакончика духов.

— Знаешь, не так уж тут и плохо, — отстраненно заметил он.

Полюбовавшись на свежий зеленоватый отлив на лице, я отодвинула тональный крем и посмотрела на Ангела.

— Я имею в виду, в нашем мире. Мы не чувствуем ни голода, ни холода, ни нужды.

Странно, к чему это он?

— Ты о чем-то умалчиваешь?

— Да нет. Просто хочу, чтобы ты знала. На будущее. Мало ли что.

Тут до меня дошло, что он намекает на Рейеса, и я тихонько вздохнула:

— Ангел мой, ты что-нибудь знаешь о Рейесе Фэрроу?

Он вздрогнул и с изумлением уставился на меня.

— Нет. Мне о нем ничего не известно. Хочешь поручить мне что-то разузнать или как? — сменил он тему.

Черт. Никто ничего не знает о Рейесе, но стоит мне упомянуть его имя, как все настораживаются. Дорого бы я дала, чтобы выяснить, в чем тут дело.

Я рассказала Ангелу о деле адвокатов и несправедливо осужденном Марке Уире. Разумеется, малому тут же захотелось увидеть Элизабет. Я поручила ему проверить, нет ли какой связи между подростком, убитым на заднем дворе у Марка Уира, и исчезнувшим племянником.

— Ого, пришла бабушка Лиллиан, — возвестил он, уходя. — Люблю ее.

Я притворилась, что ни капли не расстроилась.

— Я тоже ее люблю, но кофе у нее дерьмовый. В основном потому, что его в природе не существует.

Ангел фыркнул от смеха и отправился на поиски. Тем временем бабушка Лиллиан сцепилась с мистером Хабершемом, покойником из квартиры 2В. Я даже знать не хотела, из-за чего они поругались. Услышав звонок в дверь, поспешно застегнула молнию на ботинках. С дядей Бобом я должна была встретиться только в полдень и понятия не имела, кто ко мне пришел в такую рань.

Расправив коричневый свитер, я посмотрела в глазок и замерла как вкопанная, увидев Тафта. Быть не может. Только не сейчас.

Я приоткрыла дверь медленно — в основном потому, что было больно. У меня немилосердно ломило все тело.

— Ну? — спросила я, высунув нос в щелку.

— Привет. — Тафт посмотрел на меня как на полоумную. — Мне нужно с вами поговорить.

— О чем? — Открыть дверь шире я не могла. Я знала, что она там. Чувствовала, как она пытается прожечь своим лазерным взглядом мои мозги. И опалить волосы.

— Я не вовремя? — Он неловко переминался с ноги на ногу. — Мне неудобно вас беспокоить...

— Да-да. Разумеется. Все в порядке. Что вам нужно?

— Мне показалось, что вокруг происходят странные вещи.

Черт. Навалившись плечом на дверь, я приоткрыла ее пошире и увидела белокурое голубоглазое Исчадие Ада. Закрыв глаза руками, я завопила — несколько театрально:

— О нет! Как вы могли! Зачем вы привели ее в мой дом, в мое убежище?

— Простите. — Тафт испуганно огляделся. — Так, значит, это правда? Меня преследует призрак.

Бесенок вздохнул с досадой:

— Не преследует. А присматривает.

подавив раздражение, я смерила ее взглядом:

— Это называется преследовать, и в большинстве стран к этому относятся с неодобрением.

— Вы... вы кого-то видите? — Тафт перешел на шепот.

— Милый мой, она вас прекрасно слышит. Заходите скорее, а то соседи будут сплетничать.

Это отговорка. Соседи начали сплетничать, стоило мне здесь поселиться. Пожалуй, лучше перенести шоу внутрь, чтобы незваные гости проникли в мое скромное жилище, пустили корни в креслах и порылись в холодильнике.

Я жестом предложила Тафту сесть на диван, а сама расположилась в кресле напротив.

— Я бы угостила вас кофе, но его варила моя бабушка Лиллиан.

— Спасибо, не нужно.

— Так что вы хотели знать?

— Последнее время со мной происходят странные вещи.

— Гм. — Я изо всех сил старалась не зевнуть.

— Мне кажется, будто звонит колокольчик, который стоит у меня на камине, но там никого нет.

— Это я, — проговорила девочка, подняв на него глаза. — Я всегда буду с тобой. Я тебя очень люблю.

Я смерила чертовку взглядом:

— Да ну? Не рановато ли?

Она показала мне язык.

— Я кое-что слышал о вас. В участке болтают разное.

Тут я отвлеклась и, предоставив Тафту рассказывать о своих делах, усталилась туда, где несколькими часами ранее стоял Рейес. В жизни не встречала никого подобного. По правде говоря, мне никогда не приходилось сталкиваться со сверхъестественными существами — ну, кроме мертвых. Ни с полтергейстом, ни с вампирами, ни с демонами.

— Почему ты такая яркая? — спросила вредная девчонка. — Ты что, онемела?

Ну разве что с демонами.

Бросив на нее самый свирепый из моих убийственных взглядов, я решила, что пора поставить малявку на место. Меня раздражала необходимость мириться с ее присутствием. Так что все по-честному.

— Дорогуша, сейчас говорит Тафт. Так что заткнись.

Ее глаза уморительно сверкнули гневом. Непременно надо уговорить ее перейти. Что поделывать, еще раз сыграем с Ангелом в изгнание бесов. Он это ненавидит. В основном потому, что выглядит глупо, корчась на полу, как будто его жжет святая вода из-под крана, которой я его кроплю.

— Ладно, — бросила я Тафту. — Все понятно. Вас действительно по пятам преследует девочка — вероятно, та, что погибла в аварии, о которой вы мне рассказали. У нее длинные светлые волосы, серебристо-голубые глаза — правда, может, потому, что она мертва, — и розовая пижама в сахарных сливах. — Я взглянула на Тафта. — А еще она очень вредная и противная.

Тафт все-таки полицейский до мозга костей. Он умел напускать на себя невозмутимый вид, и я не сразу разглядела, что его глаза сверкают от злости. Напряжение повисло в воздухе, окружило его словно мираж — как будто видишь в пустыне воду, которой нет.

Я что-то не так сказала?

Он вскочил на ноги. Я тоже встала.

— Откуда, черт возьми, вы это узнали? — процедил он сквозь зубы.

Что?

— Гм. Она рядом с вами.

— И всегда буду рядом с ним, — добавила маленькая нахалка. — Останусь тут навеки.

К этому мне нечего было добавить. Сахарная Слива действовала мне на нервы.

Тафт едва не зарычал от ярости. Его глаза метали молнии, как катушка Тесла. Он подошел ко мне вплотную, и я приготовилась встретить врага с открытым забралом. Но, клянусь всем святым, что только есть на свете, если меня на этой неделе еще раз ударят, собьют с ног или столкнут с крыши, я всех поубиваю. И начну с него.

С минуту Тафт сверлил меня взглядом, потом хриплым шепотом послал ко всем чертям и решительно вышел. Ну и ладушки. Самое интересное, что сегодня у меня встреча с дядей Бобом. И с судьбой.

Запихнув досье Рейеса в сумочку, я закрыла дверь и направилась в офис. Сахарная Слива последовала за мной, и меня осенило, что ее инициалы — СС. Как раз про нее. Неужели меня сегодня ждет нечто худшее?

— Значит, он не хочет, чтобы я за ним ходила? — спросила девчонка, размахивая руками.

— Нет, — скрепя сердце ответила я и проверила, нет ли на телефоне эсмэсок. — И я тоже не хочу.

Она сердито топнула ногой и гордо удалилась. Все оказалось проще, чем я думала. Когда у меня будет больше времени, я займусь СС. А сейчас мне надо кое с кем встретиться и кое-куда съездить.

Папа еще не открыл бар, и я поднялась по внешней лестнице — медленно, потому что каждый шаг причинял боль. Солнце светило ярко, и день казался обманчиво теплым. Во время долгого и трудного восхождения на второй этаж я перебирала в мыслях все, что нужно

было сегодня сделать. Первое — Юкка-Хай. Дибби махнет удостоверением, и нам тут же помогут и все дадут. Мне нужны выписки из экзаменационных ведомостей и списки учащихся. Кто-нибудь непременно вспомнит Рейеса. Как его можно забыть? Я по очереди опрошу учащихся всех параллельных классов и выясню, с кем он общался помимо школы. Чем больше народу опрошу, тем выше вероятность, что кто-нибудь его вспомнит. И его сестру.

Плавным движением я опустила куртку и сумку на стул, включила обогреватель и подплыла — пусть и несколько резковато — к кофейнику за утренней дозой. И тут земля ушла у меня из-под ног. Может, это карма? Неужели ко мне бумерангом вернулось пренебрежение, с которым я отнеслась к Тафту, и ударило меня по заднице, пусть и очень красивой? Я проверила второй и третий раз, я искала и молилась, но не нашла ни зернышка кофе.

Как такое возможно? Почему мир так жесток?

В дверь постучали, и забрезжила надежда. Дверь была внутренняя, и папа всегда заходил через нее. Наверняка он даст мне кофе. Он же себе не враг.

Я распахнула дверь и обнаружила на пороге хмурого Гаррета Своупса. Бросив на него суровый взгляд, я глубоко вздохнула:

— Что тебе нужно?

Его черты смягчились.

— Я принес кофе.

Я уставилась на чашку с кофе, которую он держал в руках, стараясь не пускать слюни, и гадала: неужели боги хотят со мной поиграть, а потом все-таки сдаться? Что ж, я им подыграю.

Нацепив ослепительную улыбку, я прощebetала:

— Привет, Гаррет. Как дела?

Хорошенького понемножку. Я выхватила у него из рук кофе и вернулась в обманчивый уют моего кабинета с крашенной под дерево пластиковой мебелью и креслами из кожзаменителя.

— Что тебе нужно? — бросила я через плечо.

— Просто хотел с тобой поговорить.

— Я занята.

— Что-то непохоже. И что же ты делаешь?

— Что велят мне голоса в голове.

— Не уделишь мне минутку?

Неожиданно я почувствовала раздражение из-за того, что Тафт меня обругал. Еще один человек рассердился без причины. Взбесили меня и косые взгляды, которые вчера бросали полицейские в участке. Человечество в целом не вызывало у меня особой симпатии. И Гаррет может проваливать к черту.

— Для тебя, Своупс, мне и минутки жалко.

— Как тебе это удалось? Вчера в участке. Что ты ему сказала?

— Оставь, пожалуйста. Можно подумать, если я тебе признаюсь, то ты мне поверишь.

— Вообще-то, — проговорил он, шагнув ко мне, — к твоему сведению, все это не так-то легко принять на веру, но я стараюсь, как могу.

Внезапно обзлившись на весь мир, я вскочила с кресла и встала перед Гарретом лицом к лицу.

— Знаешь, от чего я устала больше всего?

Он задумался на мгновение.

— От запущенного целлюлита?

— От таких кретинов, как вчера в участке. От таких, как Тафт, которые перешептываются, косятся на меня и поворачиваются спиной, едва я вхожу в комнату. От таких, как ты, которые обращаются со мной, как с дерьмом, но стоит им убедиться, что я действительно могу делать то, что говорю, как они тут же набиваются ко мне в друзья.

— Тафт? Этот мальчик-полицейский?

— И он, и все они!

— Кто?

— Все! Только и мечтают, чтобы я распутала за них все, что они напортачили.

— Я думал, твои адвокаты...

— Не об адвокатах речь. — Я небрежно махнула рукой. — У них-то как раз есть все причины желать, чтобы я распутала дело. Я о тех, кто приходит ко мне и ноет: «Я не успел сказать Стелле, как люблю ее, пока меня не засосало в реактивный двигатель».

— Так. Медленно, без резких движений, передай мне кофе. Я принесу тебе другой, и мы начнем заново.

— А этот чем плох? — Я с подозрением оглядела чашку.

— Тебе лучше выпить кофе без кофеина.

Я глубоко вздохнула и села за стол. Никогда не умела долго сердиться.

— Извини. У меня срочная работа.

— По этому делу?

— Нет, — ответила я, вспомнив Рейеса на больничной койке, подключенного к аппаратуре, которая поддерживала в нем жизнь.

Сделав несколько глотков кофе, я успокоилась. Вроде бы. Внутри по-прежнему все кипело. Тафт — придурок.

— Так зачем ты пришел? Выяснить, что я сказала задержанному?

— В основном за этим. И устроить тебе выволочку за то, что опять сунулась куда не надо и попала под раздачу.

— Ха. Становись в очередь.

— Тот парень крепко тебе врезал. Ты специально на рожон лезешь?

— Не каждый день... Узнал что-нибудь по складу?

— Я собрал немало информации и пришел к выводу, что мы ошиблись.

— Ну и ладно, я не настаиваю.

— Я слышал, что святой отец, которому принадлежит склад, на самом деле ведет добродетельную жизнь. Заведует приютом в центре города для детей, сбежавших из дома.

— Приютом для детей? — переспросила я.

— Ты мне так ничего и не расскажешь? — уточнил Гаррет, возвращаясь к моему уговору с Хулио Онтиверосом.

— Нет, конечно. В деле Марка Уира замешаны двое подростков, и я считаю, что это как-то связано.

— Возможно... Даже не намекнешь?

Стук в дверь избавил меня от необходимости еще раз повторить «нет». Почему мужчины не понимают слов?

Стучали в боковую дверь, через которую пришел Гаррет.

— Заходи, пап, — крикнула я и повернулась к Своупсу. — Тут есть и парадный выход.

Он безразлично дернул плечом.

Папа не входил. Я встала и подошла к двери.

— Пап, заходи, — сказала я, открывая дверь. Мгновение спустя вся жизнь промелькнула у меня перед глазами, и я поняла про нее кое-что важное.

Жизнь хороша, пока ты жив.

Фу, как неудобно.

Надпись на футболке

Очевидно, эта неделя действительно проходила под девизом «Убей Чарли Дэвидсон». Ну или по меньшей мере «Изуродуй, как бог черепаху».

Я бросила взгляд на гладкий блестящий пистолет, в доказательство смотревший на меня с порога. Наверно, это событие никогда не получит официального признания — так и останется недооцененным, как Хеллоуин или День тезауруса.^[15]

Когда я открыла дверь, передо мной на пороге стоял Зик Хершел, муж-садист Розы, и в глазах его сверкала жажда мести. Покосившись на никелированный пистолет в его руке, я почувствовала, как мое сердце дрогнуло, замерло на мгновение, а потом, запинаясь, снова пошло, сначала неуверенно, затем быстрее и быстрее, пока удары не слились в барабанную дробь костяшек домино, которые рушатся одна за другой. Забавно, как останавливается время, когда смерть близка. Не отрывая взгляда от лица Хершела, краем глаза я видела, как напрягаются его мускулы, как палец нажимает курок. Его бесцветные глаза надменно блестели.

Я снова скользнула взглядом по пистолету, заметила, как рванулся вперед боёк, подняла глаза и посмотрела направо... на него. Злой стоял возле Зика Хершела, почти касаясь плащом, и свирепо глядел на него; серебряное лезвие тускло блестело. Потом он обратил всю силу яростного взора на меня. Эффект был, как от ядерного взрыва. На меня обрушилась волна его гнева, сильного и ощутимого, неистового и беспощадного, да так, что перехватило дыхание. В считанные мгновения, за которые можно расщепить атом, Злой перерубил Хершелу позвоночник. Я поняла это, потому что он уже делал так раньше. Но одновременно кончик серебряного лезвия рассек мне бок. Не успела я осознать, что меч меня задел, как Хершел отлетел назад и с такой силой рухнул на дверцы лифта, что грохот потряс все здание. Злой развернулся ко мне; плащ и аура слились в одну волнообразную массу, а меч скрылся в складках плотной черной материи. Тут я поняла, что падаю. Мир устремился мне навстречу; в эту секунду на моей талии сомкнулись руки, и я в первый раз увидела, кто скрывается под капюшоном плаща.

Рейес Александр Фэрроу.

* * *

Папа протянул мне стаканчик горячего шоколада. Мы стояли возле бара, прислонившись к его джипу. Папа укутал меня в свою куртку: моя как вещественное доказательство осталась на месте преступления. В его куртке я буквально утонула — что было странно: отец худой как щепка. Рукава свисали до колен. Папа заботливо закатал их по одному, каждый раз перемещая мой стакан с шоколадом в другую руку.

На первом этаже бара со скрипом остановился лифт, и я поняла, что санитары увозят Хершела. Затаив дыхание, я наблюдала, как его вкатывают в машину «скорой» и закрывают

двери. Того самого человека, который напал на меня в баре. Того, кто регулярно избивал жену, чтобы держать ее в повиновении. Того, кто с ненавистью во взгляде и яростью в душе навел на меня пистолет. Должно быть, догадался, что жена сбежала от него, дурака, сделал вывод и пришел мне отомстить. А может, выпытать, где Розы.

Теперь он на всю жизнь останется парализованным. Наверно, я должна испытывать угрызения совести. Да и кто бы на моем месте не сожалел о случившемся? Каким надо быть чудовищем, чтобы радоваться чужим страданиям и бедам? Разве я чем-то отличаюсь от Злого? От Рейеса?

У меня снова замерло сердце, когда я осознала, что Злой и Рейес — одно лицо. Одно и то же существо, несущее гибель. Должно быть, то стремительно пронесившееся мимо, точно дьявольский Супермен, пятно, которое я замечала, — тоже он. Значит, это пятно, Злой и Рейес — одно. Несвятая троица. Но почему же он так чертовски сексуален?

Я положила руку на ребра, туда, куда вонзилось лезвие его меча, и изумилась: на коже не было ни царапинки, на свитере — ни пятнышка крови. Злой умел наносить раны изнутри. Меня задело, но лишь чуть-чуть, и оценить истинную степень повреждения сможет только МРТ.

По ощущениям, внутреннего кровотечения у меня не было, и я решила пока отложить посещение пункта первой помощи, откуда меня, скорее всего, отправят не к хирургу, а в психушку.

— Вот пуля. — Полицейский в форме протянул дяде Бобу запечатанный пластиковый пакет с уликой. — Она была в западной стене.

Как она там оказалась? Хершел же целился прямо в меня.

Куки в очередной раз высморкалась: она никак не могла смириться с мыслью, что меня чуть не убили. Я похлопала ее по плечу, и меня окатила волна ее тревоги. Куки хотелось отругать меня, попросить впредь быть осторожнее, обнять и не отпускать до следующего дня рождения, но, к ее чести, в присутствии толпы людей в форме моя подруга смогла сдержать чувства. Дядя Боб разговаривал с Гарретом, который, судя по бледному лицу, был в шоке.

Он уложил меня на землю. Рейес. Поймав, он уложил меня на землю, осмотрел, уделив особое внимание тому месту, куда вонзилось острие его меча, и, зарывчав, растворился в воздухе прямо у меня на глазах. Я моргнула и обнаружила, что надо мной стоит Гаррет и громким голосом задает вопросы, которых я не понимаю. Рейес исчез, но я чувствовала его всем своим существом. Его отчаяние напитало каждую клетку моего тела, струилось по венам. Я ощущала его запах, вкус и желала его сильнее, чем когда бы то ни было.

— Это ведь уже не первый раз.

Я подняла глаза на папу. Чуть раньше я умоляла его не звонить мачехе. Он нехотя согласился, посетовав, что дома ему за это намылят шею. Но в это мне верилось с трудом.

— Такое уже было, — пояснил он, подойдя вплотную ко мне, — в этом самом доме, где ты теперь живешь. Ты тогда была маленькая.

Папа пытался выудить у меня информацию. Он давно подозревал, что в тот вечер со мной что-то случилось. Именно он тогда расследовал странное нападение на условно освобожденного растлителя малолетних. Папа прав. Это не первый раз. И даже не второй. Похоже, Рейес Фэрроу уже давно был моим ангелом-хранителем.

Не в силах собрать воедино все «зачем» и «почему», я решила пока об этом не думать и заняться тем, что не связано с Рейесом: допить горячий шоколад и унять дрожь в руках.

— Человеку перерубили пополам позвоночник без малейших внешних повреждений. На

теле потерпевшего ни синяка, ни царапины. И оба раза ты имеешь к этому какое-то отношение.

Папа вперил в меня испытующий взгляд, надеясь, что я сдамся, расскажу все, что мне известно, и его подозрения подтвердятся. Пожалуй, с того дня я изменилась. Стала чуть более замкнутой, что не очень-то характерно для четырехлетних девочек. Но зачем теперь об этом рассказывать папе? Это только причинит ему боль. Ему вовсе не обязательно знать все о моей жизни. К тому же есть вещи, в которых, пусть тебе уже двадцать семь, невозможно признаться отцу. Даже если бы захотела, я едва ли смогла бы подобрать слова.

— Пап, меня там не было. В тот день, — солгала я сквозь зубы, сжав его руку.

Он отвернулся и закрыл глаза. Его снедало любопытство, но, как я говорила Куки, иногда лучше ничего не знать.

— Это ведь был он? Тот негодяй, который тебя избил? — уточнил дядя Боб.

Допив шоколад, я ответила:

— Да. Он пытался меня закадрить, я отказалась, он разозлился, а остальное тебе известно. — Я не собиралась открывать им правду. Это значило бы рисковать свободой Розы.

— В общем, поедem в участок и все обсудим, — подытожил дядя Боб.

Папа послал ему предостерегающий взгляд, и я напряглась. Если эти двое ссорились, то так, что перья летели. Конечно, наблюдать за этим забавно, но, похоже, всем было не до смеха. Кроме меня. Смех — как желе. Для него всегда найдется место.

— Отлично, мне все равно хотелось в тепло, — заметила я, успев предотвратить третью мировую войну.

— Поехали со мной, — спустя мгновение предложил дядя Боб. А чего папа от него ждал? Он же знает законы. Нам все равно бы пришлось ехать в участок. Заодно все и решим.

Дядя Боб перевел взгляд на Гаррета:

— Ты тоже можешь поехать с нами.

Папа посмотрел на него с удивлением и благодарно улыбнулся, когда дядя Боб подмигнул ему. Провожая меня до дядиногo джипа, он наклонился и прошептал:

— По дороге вам придется придумать, что говорить. Когда будешь давать показания, скажешь, что открыла дверь и увидела на пороге двух мужчин. Они дрались. Пистолет выстрелил, и второй преступник убежал по пожарной лестнице.

Папа похлопал меня по спине, ободряюще улыбнулся и закрыл дверь. Вид у него был хмурый и озабоченный, и меня внезапно охватило чувство вины за все, через что ему пришлось по моей милости пройти, пока я не выросла. Он многое вынес из-за меня. Придумывал отговорки, ухитрялся сажать преступников за решетку так, чтобы не впутывать меня напрямую. А теперь ему нужно было довериться дяде Бобу, который должен сделать то же самое.

— Как тебе это удалось? — успел спросить Гаррет, пока Дибби не сел в машину. — Тот парень весил под сотню килограммов.

Мы вместе расположились на заднем сиденье.

— Я ничего не делала.

Он пристально посмотрел на меня, пытаясь догадаться:

— Значит, один из твоих покойников?

— Нет, — ответила я, наблюдая, как папа разговаривает с дядей Бобом. Похоже, все было тихо-мирно. — Это кто-то другой.

Я слышала, как Гаррет откинулся на сиденье и потер лицо руками.

— Значит, нас окружают не только призраки? А кто еще? Демоны? Полтергейст?

— Полтергейсты — это всего-навсего озлобленные призраки. Никакой загадки тут нет, — пояснила я. И солгала. Потому что если кто и был загадкой, так это Рейес.

Что бы ни делала, я не могла перестать думать о нем. Я размышляла о его татуировках, пытаюсь отыскать их значение в хаосе мыслей. Мне мешало то, что в моей памяти хранится слишком много всякой бесполезной чепухи. Будь проклята моя дотошность.

В голове роились вопросы. Что, если он состоит из углеродов? Сколько ему лет — тридцать или тридцать миллиардов? Он из нашего мира или все-таки из потустороннего? Инопланетянин Рейес или нет, у меня вопроса не возникало. Разумеется, он землянин. В четвертом измерении, ином мире, свои законы. Там нет ни планет, ни стран, ни границ, ни межевых столбов. Четвертое измерение охватывает вселенную и все, что за ее пределами. Оно просто есть. Везде и сразу. Примерно как Бог.

— Значит, так, — произнес дядя Боб, пристегнув ремень. — По пути в участок мне надо кое-что обдумать. Разумеется, я не услышу ничего из того, что вы друг другу скажете. — Тут он снова подмигнул мне в зеркало заднего вида.

Когда мы прибыли в участок, оказалось, что на пороге моего офиса, когда я открыла дверь, чудесным образом стояло двое мужчин. У второго были грязные светлые волосы, борода, невзрачная одежда и никаких особых примет: опознать его было практически невозможно. Вот так-то. Если честно, меня немного удивило, что Гаррет согласился в этом участвовать.

— Можно подумать, мне хочется, чтобы меня заперли в обитую войлоком палату, — пояснил он, когда мы вошли в здание. Похоже, он начинал понимать, почему я никогда никому не рассказываю, кто я на самом деле.

Первым, кто уставился на меня в участке, оказался Тафт, который по-прежнему кипел от злости. Он стоял у стола и читал чье-то досье. Когда мы проходили мимо, Тафт бросил на меня свирепый взгляд.

Сахарная Слива последовала его примеру. Хорошо хоть не кинулась на меня. Уже плюс.

Не удержавшись, я послала Тафту самую ослепительную улыбку и, чуть замедлив шаги, сказала:

— Когда наконец до вас дойдет, в чем дело, и вам понадобится помощь, не приходите ко мне.

— Это кое-кому другому нужна помощь. Медицинская, — огрызнулся он.

Дядя Боб догнал меня и поинтересовался:

— В чем дело?

— Помнишь, я тебе говорила про Исчадие Ада? Теперь она дает о себе знать, а он ничего не может поделать, вот и бесится.

Дядя Боб задумчиво оглянулся:

— Пошлю-ка я его за пончиками, чтобы поостыл.

Хорошая мысль.

Мы дали показания, которые звучали на удивление похоже, перекусили, а потом, высадив по дороге Гаррета, отправились в Юкка-Хай. Своупс просился с нами, как ребенок, которого в субботу вечером оставляют дома. Даже похныкал.

— Ну пожалуйста, — упрашивал он.

— Если я сказала «нет», значит, нет.

Впередь ему наука.

Юкка-Хай располагалась в глубине южного района Альбукерке — старая школа с унылым прошлым и блестящей репутацией. Мы попали в большую перемену. Пользуясь свободной минуткой, подростки болтали, заигрывали друг с другом и дразнили новичков. До нашего визита я не очень скучала по школе. Не заскучала и теперь.

После того, что случилось утром, у меня до сих пор ноги были как ватные. Все происходило точно в замедленной съемке. Я двигалась, словно сомнамбула; в голове не укладывалось, что мир не остановился со скрипом, хотя я была на волосок от смерти. Он продолжал движение — бесконечный круговорот отрывочных событий, который называют жизнью. Время бежало вперед. Солнце скользило по небу. В каблук моего ботинка впился гвоздь.

Мы зашли в здание школы и отыскивали усталого завуча. Ее осаждало человек семь. Двое пришли за разрешением опоздать. Еще у одного была записка от отца, который угрожал, что отсудит у школьной спортивной команды новую форму, если его ребенку не позволят брать с собой в школу какое-то там лекарство. Третьей была учительница, у которой во время обеденного перерыва украли со стола ключи. Ждали указаний два помощника. А кроме них, там находилась прелестная девчушка с темными волосами, собранными в хвостик, в зеркальных солнечных очках и белых длинных гольфах, которая, похоже, умерла еще в пятидесятых годах.

Она сидела в углу, скрестив ноги и прижав к груди книги. Я уселась возле нее, дожидаясь, когда уляжется суматоха. Дядя Боб воспользовался случаем, чтобы позвонить. Как всегда. Девочка разглядывала меня; я прибегла к трюку с сотовым телефоном и проговорила, глядя на нее:

— Привет.

Она моргнула и уставилась на меня широко распахнутыми от удивления глазами, не понимая, с ней ли я разговариваю.

— Часто здесь бываешь? — продолжала я и сама рассмеялась своей уморительной шутке.

— Я? — наконец переспросила она.

— Ты, — кивнула я.

— Вы меня видите?

Никогда не понимала, почему они всегда спрашивают меня об этом, когда я смотрю прямо на них.

— Конечно.

Она изумленно приоткрыла рот, и я пояснила:

— Я ангел смерти, но добрый, не страшный. Если хочешь, можешь перейти сквозь меня.

— Вы красивая. — Девочка бросила на меня восхищенный взгляд. Да уж, я такая. — Как бассейн в жаркий летний день.

Ого, вот это комплимент. Раньше мне такого не говорили. Я оглянулась и заметила, что толпа редет.

— Сколько ты уже здесь?

— Года два. — Я недоверчиво нахмурилась, и она объяснила: — Вы про платье? Это для встречи выпускников. Вечеринка в стиле пятидесятых.

— А, — протянула я. — Тогда ты выглядишь соответственно.

Она смущенно кивнула:

— Спасибо.

Остался всего один ученик, которому требовалось разрешение опоздать. Очевидно, письмом родителя, угрожавшего судебным иском, занялся директор, а поиском украденных ключей — завхоз.

— Почему же ты не ушла? — спросила я.

Проходивший по коридору паренек крикнул приятелю:

— Эй, Вестфилд, опять напрашиваешься?

Мальчишка, дожидавшийся разрешения опоздать, явно спортсмен, за спиной незаметно показал ему средний палец. Я изо всех сил старалась не рассмеяться.

Девочка, сидевшая рядом со мной, кивком показала на завуча:

— Это моя бабушка. Она очень горевала, когда я умерла.

Я взглянула на женщину. На табличке с именем значилось «мисс Гарпли». У нее были стильно взлохмаченные волосы, темные с красными прядями, и умопомрачительные зеленые глаза.

— Ого, классно выглядит для бабушки.

Девочка в белых гольфах хихикнула.

— Мне нужно ей кое-что сказать.

Не я ли буквально только что распиналась перед Гарретом об этом же самом? Что я говорила? Что устала распутывать то, что другие напортачили? Иногда я бываю жуткой стервой.

— Хочешь, я тебе помогу?

Девочка просияла:

— А вы сможете?

— Ну конечно.

На мгновение закусив губу, она проговорила:

— Вы можете ей сказать, что я не брала ее мусс?

— Правда не брала? — улыбнулась я. — И поэтому ты до сих пор здесь?

— Ну, вообще-то брала, но я не хочу, чтобы она плохо обо мне думала.

От ее слов у меня сжалось сердце. Не перестая удивляться тому, о чем только думают люди перед смертью.

— Солнышко, я не сомневаюсь, что твоя бабушка думает о тебе только хорошее. И уж конечно, мысль о муссе не приходила ей в голову.

Девочка понурилась и заключила, болтая ногами под стулом:

— Тогда, наверно, я могу уйти.

— Если хочешь, чтобы я ей передала весточку — о чем угодно, хоть о муссе, — я позабочусь о том, чтобы она ее получила.

Девчушка расплылась в улыбке:

— Вы можете ей сказать, что моя кувшинка больше, чем ее?

Я хмыкнула и кивнула. Мне очень хотелось услышать историю о кувшинке, но в кабинете не осталось ни детей, ни учителей.

— Обещаю.

И девочка ушла. Она пахла грейпфрутом и детским кремом, а в детстве у нее был розовый слоненок по кличке Толстячок.

— Чем могу помочь? — спросила ее бабушка.

Дядя Боб, он же рыцарь в сияющих доспехах, прошествовал к ее столу и помахал

удостоверением, совсем как в кино. Вот молодец! Без ордера нам этих документов не выдать. Наверняка существуют законы, которые запрещают выдавать информацию об учениках первому встречному. Я надеялась, что полицейского жетона Дибби нам хватит и не придется добывать настоящий ордер, потому что понятия не имела, на каком основании мы могли бы его получить.

— Нам нужны все табели и списки одноклассников человека, который учился в этой школе...

Дядя Боб обернулся ко мне. Я закрыла телефон и вскочила на ноги.

— Да, примерно двенадцать лет назад.

Завуч бросила взгляд на Дибби, взяла ручку и записала даты, которые я знала. Дядя пожирал ее глазами. Между ними явно пробежала искра.

— А как его зовут? — спросила она.

Ах да. Имя. Будем надеяться, дядя Боб не вспомнит человека, которого упек за решетку на срок от двадцати пяти до пожизненного.

— Э-э-э, — проблеяла я и наклонилась к завучу, стараясь, чтобы дядя меня не услышал. — Фэрроу. Рейес Фэрроу.

Даже не взглянув на дядю Боба, я почувствовала, как он замер за моей спиной. Атмосфера в кабинете сгустилась до такой степени, что воздух можно было резать ножом. Вот черт.

Смысл жизни не в поисках себя, а в шоколаде.

Надпись на футболке

— Дядя Боб, — проговорила я, — позволь, я все объясню.

Мы стояли в коридоре у кабинета мисс Тарпли, откуда дядя Боб вытащил меня за руку.

— Рейес Фэрроу? — процедил он сквозь зубы. — Да ты знаешь, кто такой Рейес Фэрроу?

— А ты? — вопросом на вопрос ответила я, стараясь скрыть волнение в голосе.

— Я-то знаю.

— Значит, вы знакомы? — с надеждой спросила я.

Он бросил на меня сердитый взгляд:

— Я не общаюсь с убийцами.

Сноб.

— Мне лишь нужна информация о нем.

— Он забил отца до смерти бейсбольной битой, потом бросил труп в багажник «шевроле» и поджег. Что ты еще хочешь о нем узнать, Чарли?

Я раздраженно фыркнула и промолчала, стараясь оттянуть время и придумать достойный ответ. Черт возьми, куда запропастились мои адвокаты, когда они мне так нужны? Адвокатов еще никому не удавалось переспорить. Но мне в голову так ничего и не пришло, и я решила рассказать Диби чуть больше. Где наша не пропадала.

— Он не мог этого сделать, — сдавленно прошептала я.

— Тебя там не было. Ты не видела...

— Не мог он этого сделать. — Я придвинулась ближе и пояснила: — Он... не такой, как все.

— Как любой убийца. — Сдвинуть Диби с занятой позиции могло только неопровержимое доказательство.

Набрав в грудь побольше воздуха, я призналась:

— Это сделал он. Сегодня. Перерубил позвоночник. Это он.

— Что?

Дядя Боб ничего слышать не хотел и не собирался ко мне прислушиваться, но не устоял. Любопытство, как обычно, взяло верх. И я знала верный способ целиком и полностью завладеть его вниманием.

Вцепившись в его куртку, я взмолилась:

— Только пообещай, что ничего не скажешь папе.

Диби тут же возжелал подробностей. Я по возможности кратко объяснила, что Рейес — больше, чем человек. Как он двигался и выглядел. Как встретил меня, когда я родилась. Дядя был так ошарашен услышанным, что на этом месте, похоже, впал в транс.

Я умолчала о двух других случаях с перерубленным позвоночником (ну и, разумеется, о своих эротических снах). Диби незачем знать, насколько на самом деле глубоки мои чувства к Рейесу.

— Кто же он? — наконец спросил дядя Боб.

Покачивая головой, я ответила:

— Если бы я знала. Но он умрет через два дня, если этому не помешать. И единственный способ это сделать — найти его сестру.

— Но... если он наделен такой силой...

— Это при жизни, — напомнила я. — Не знаю, что случится, если его тело умрет.

Зато я понимала, что случится со мной. Я не хотела жить без него. И едва ли смогла бы. После всего, что было.

Спустя пятнадцать минут мы получили распечатки с расписанием уроков Рейеса и список учеников всех параллельных классов.

— Вы его помните? — поинтересовалась я у мисс Тарпли.

Она оторвала взгляд от дяди Боба и уставилась на меня:

— Я здесь всего десять лет.

— А других Фэрроу у вас не училось?

— Нет. Извините. Быть может, его сестра тогда еще не перешла в старшие классы.

— Возможно. А он учился здесь всего три месяца. — Я заглянула в досье Рейеса. — Но в документах сказано, что он окончил вашу школу.

— Едва ли, — усомнилась мисс Тарпли. — Впрочем, постойте. — Ее пальцы забегали по клавиатуре компьютера. — Есть запись, что ему выдали аттестат, но это невозможно.

Я наклонилась к дяде Бобу:

— Только не для опытного хакера.

Я начинала понимать, как Рейес использовал свой интеллект и компьютерные навыки.

— Огромное вам спасибо, мисс Тарпли, — проговорил дядя Боб, сжав ее ладонь.

Она состроила ему глазки. Он в ответ тоже. Все это выглядело очень романтично, но мне еще нужно найти исчезнувшего человека. Я толкнула дядю локтем:

— Ну что, пошли?

Он что-то проворчал себе под нос, снова повернулся к завучу и попрощался. Мы направились было к двери, но я остановилась на полдороге.

— Ой, смотрите-ка, что я нашла в углу. — Я протянула мисс Тарпли записку. — Кажется, это что-то... важное.

— Спасибо, — поблагодарила она.

Проходя мимо школы, я заглянула в ее окно. Мисс Тарпли прижимала записку к груди и плакала. Должно быть, из-за кувшинки.

* * *

Мы помчались ко мне в офис, чтобы отдать распечатки Куки. Она опросит одноклассников Рейеса, постарается связаться с ними и выудить сведения о его таинственной сестре. Очутившись у себя в кабинете, я достала из сейфа свой глок, засунула в кобуру под мышкой и защелкнула замок. Под кожаным пиджаком пистолет почти незаметен. Вообще-то мне никогда еще не приходилось им кому-то угрожать. Просто хотелось чувствовать его под рукой, знать, что он тут, пусть и ненадолго.

На обратном пути в участок в джип дяди Боба сели двое из моих адвокатов. До этого я вела машину но после одного незначительного происшествия дядя Боб настоял, чтобы я пустила его за руль.

Светловолосая, с ярко-красными губами, Элизабет Эллери устроилась позади него.

— Привет, Шарлотта.

— Привет. — Я повернулась к ним. — Как у вас дела?

Джейсон Барбер пожал плечами:

— Мама переживает.

— Вас это удивляет? — спросила я, заметив, что дядя Боб неловко поерзал на сиденье.

Он так и не привык, что рядом призраки. Эту ситуацию он контролировать не мог. А дядя не любит, когда что-то решают за него. Он даже газировку без калорий терпеть не может.

— Вообще-то да.

— Что с вашим дядей? — В голубых глазах Элизабет читалась тревога.

— Он злится на меня, — неуверенно усмехнувшись, ответила я.

Дядя Боб расправил плечи:

— Вы говорите обо мне?

— С нами Элизабет и Барбер. Она спросила, что с тобой.

Дядя сжал руль чуть сильнее, чем нужно, и у него побелели костяшки пальцев.

— Ты никогда больше не сядешь за руль моей машины.

Я привычно закатила глаза:

— Да ладно тебе. Там вообще не должно было быть знака. Ну подумай сам, сколько можно напоминать про ограничение скорости? Никому до этого дела нет.

Дядя Боб глубоко вздохнул:

— Старею.

— Ах да, конечно. Импотенция, старческая немощь. В конце концов, шоколадные ириски никуда от тебя не денутся. — В мгновение ока бледность на лице дяди Боба, вызванная небольшой аварией, сменилась густым румянцем. Я не удержалась и прыснула со смеху. Про себя, разумеется: он действительно на меня разозлился.

— Где Сассмэн? — спросила я у адвокатов.

Элизабет опустила глаза:

— Все еще с женой. Она в ужасном состоянии.

— Мне очень жаль. — Я не просто не выношу все, что связано с родственниками умерших. Я даже говорить об этом не могу. К несчастью, зачастую это неизбежно. — Как ваша семья?

— Сестра держится молодцом. Наверно, принимает успокоительное. А родители... плохо.

— Что же сестра с ними не поделится?

Элизабет покачала головой.

— Представить себе не могу, до чего им, должно быть, трудно.

— Им будет легче, когда вы раскроете дело, Шарлотта.

— Согласна.

— Надо найти убийцу. Думаю, это им поможет.

Она права. Зная, почему и как было совершено преступление, жертвы легче смиряются с произошедшим. А то, что виновного сажают за решетку, им как маслом по сердцу. Быть может, правосудие слепо, однако это панацея от всех бед.

Я оглянулась на Барбера:

— Кстати, я забрала из вашего кабинета семь флешек, но они все оказались вашими. Вы не помните, куда положили ту, что вам дал Карлос Ривера?

Юрист похлопал себя по карманам:

— Черт, куда же я ее дел?

— Может, ее забрали убийцы? Вдруг они знали, что он ее передал вам?

— Вполне возможно. — Барбер потер переносицу. — Простите, но я не могу вспомнить.

Такое бывает часто. Особенно когда потерпевший получил две пули в голову. Раз уж на флешку рассчитывать не приходится, будем полагаться на свои силы.

— Хулио Онтиверос, наш бывший подозреваемый, а ныне информатор, подтвердил, что отдал знакомому обойму патронов, после того как продал свой пистолет калибром девять миллиметров. Только так он может объяснить, что его отпечатки оказались на гильзах, найденных на месте преступления.

— Как зовут знакомого?

— Чако Лин. Угадайте, на кого он работает?

— На сатану? — предположила Элизабет.

— Почти. На Бенни Прайса.

Элизабет и Барбер понимающе переглянулись.

— Прежде мы бы вам этого не сказали, — начал Барбер, — но, поскольку физически нас уже нет, думаю, правила теряют смысл. Бенни Прайса обвиняют в торговле людьми.

— Расскажи им о расследовании дела по торговле людьми, — велел дядя Боб.

— Похоже, они уже в курсе. — Я оглянулась на Барбера. — У нас двое подростков: один убит, второй в бегах. Вам что-нибудь известно об исчезнувшем племяннике Марка Уира? — Барбер должен был навестить сестру Уира и проверить, не общалась ли она с сыном в последнее время.

— Вообще-то нет, но мне кажется, вокруг нее что-то происходит.

— Что именно? — Я задрожала от нетерпения. — Не могли бы вы уточнить?

Дядя Боб насторожился.

— Несколько дней назад ей позвонил отец Федерико. И она разнервничалась.

При упоминании владельца склада я вздохнула.

— Что случилось? — спросил дядя Боб.

Барбер продолжал:

— Насколько я понял из ее слов, она должна была с ним встретиться, но он так и не объявился.

Дядя Боб послал мне отчаянный взгляд.

— Джени должна была встретиться с отцом Федерико, но он так и не объявился, — пояснила я.

Мы затормозили возле участка.

— Похоже, в последнее время его никто не видел.

— Думаешь, он как-то замешан в убийстве?

— Не исключено. Может, он на чем-то прокололся?

— Нет. Но это не значит, что...

— Верно. — Дядя Боб открыл телефон и набрал номер одного из своих коллег. Этот человек висит на телефоне больше любого подростка.

Я повернулась к адвокатам:

— Вы, часом, не знаете, сколько стоит бампер от «доджа дюранго»?

Барбер покачал головой. Элизабет усмехнулась.

Мы вошли в участок, чтобы разработать операцию под названием «Как поставить Бенни Прайса на колени». Гаррет стоял в коридоре и просматривал заметки за день.

— Знаешь, что меня беспокоит? — произнес он, закрывая блокнот, и подошел к нам.

— Пристрастие к порнухе с лилипутами?

— Что никто не видел отца Федерико вот уже несколько дней, — не моргнув глазом, ответил он. Очевидно, вопрос был риторический. Жаль, что он меня об этом не предупредил и я попусту истратила один из лучших ответов. Ненавижу ошибаться.

— Сестра Марка Уира должна была встретиться с ним несколько дней назад, но он так и не появился, — сообщил дядя Боб.

Картина начала складываться. Если Бенни Прайс продавал детей за границу, возможно, Тедди, племянник Марка Уира, очутился у него. А может, и Джеймс Барилья, мальчик, которого нашли убитым во дворе у Марка Уира. Что, если Джеймс сопротивлялся, пытался сбежать и они его убили? Но зачем тогда им, ради всего святого, понадобилось прятать тело подростка на дворе у Уира и подстраивать ложное обвинение? Неужели он представлял для них угрозу? Мне надо выпить кофе.

Я прошла мимо совещающихся Дибби и Своупса к кофемашине. Они последовали за мной, взяли по чашке кофе и расположились в маленьком зале заседаний.

— Почему я не чувствую запаха? — поинтересовался Барбер.

— Что, простите? — Я поставила чашку на стол и придвинула адвокатам стулья.

— Кофе. Я не чувствую его запаха.

— Я пыталась понюхать волосы племянницы, — с грустью призналась Элизабет.

— Не знаю, — ответила я. — А сейчас чувствуете запах?

— Да. — Элизабет принялась. — Но почему-то не тот, который рядом.

— Вы слышите запахи того мира, в котором находитесь, и формально это иной мир.

— Правда? — переспросил Барбер. — Потому что, могу поклясться, недавно пахло шашлыком. В потустороннем мире жарят шашлыки?

Я хихикнула и села возле дяди Боба.

Спустя двадцать минут споров о том, как вывести на чистую воду Бенни Прайса, я придумала план. Бенни владел сетью стрип-клубов «Конфетка» — одно название заставляло насторожиться. Судя по оперативной информации, которую собрали на него следователи, Бенни обожал стриптизерш, хотя себя любил еще больше.

— Придумала! — заявила я во всеулышанье.

— За ним уже следят, — перебил меня Дибби. — Так что нам придется объединить усилия с коллегами и действовать по их указке.

— Это отнимет кучу времени. А Марк Уир между тем в тюрьме, Тедди в бегах, и семьи убитых ждут ответа.

— Чего ты добиваешься, Чарли?

— Я хочу, чтобы мы устроили ему ловушку, — пояснила я.

— Ловушку? — не веря своим ушам, переспросил Гаррет.

— Дайте мне шанс — и я сегодня же до захода солнца раздобуду на него компромат.

Гаррет подскочил на стуле, а дядя Боб наклонился ко мне и с любопытством спросил:

— Ты что-то задумала?

— Детектив Дэвидсон, — резко оборвал его Своупс, — вы, наверно, шутите.

Дибби встряхнулся, словно прогоняя наваждение.

— Ты прав. Неудачное предложение.

— Дядя Боб, — захныкала я, как маленькая девочка, которой сообщили, что пони на день рождения она не получит. Как и «порше».

— Нет-нет, Гаррет прав. Кроме того, твой отец меня за это прибьет.

— Подумаешь, — фыркнула я и с досадой посмотрела на него. — Так и скажи, что тебе слабо!

Это должно было его задеть. Я не часто беру его на слабо.

— Чарли, тебя сегодня чуть не убили. — Серебристые глаза Гаррета сверкали гневом. Вот ведь психопат. — И вчера. Ах да, и позавчера тоже. Так что отдыхай.

— А ты поцелуй меня в задницу. — Я повернулась к дяде Бобу. — У меня все получится, и ты это знаешь. И у меня есть преимущество перед обычными людьми.

— Что-что? — переспросил Гаррет. — У тебя есть преимущество перед обычными сумасшедшими? Едва ли.

Это уже нечестно.

— Что ты придумала? — не утерпел Дибби, и я победоносно улыбнулась. Урок Гаррету на будущее.

— Ты говорил, что установить жучки в его кабинете не получилось, так? — спросила я.

— Так. Слишком мало улик.

— Поверить не могу! И вы ее еще слушаете? — бросил Гаррет.

— Мы тоже слушаем, — сказал Барбер. Элизабет согласно кивнула.

— Спасибо, друзья... Как я говорила, — продолжала я, смерив Своупса ледяным взглядом и обернувшись к Дибби, — он снимает на видеокамеру собеседования с новенькими девушками.

— Ну да. — Дядя Боб нахмурился, силясь понять, куда я клоню.

— Все собеседования он проводит у себя в кабинете, на диване, который купил специально для этого.

— Так.

Я объясняла дяде Бобу свой план, а Гаррет буквально кипел от злости. Если так дальше будет продолжаться, он себе инфаркт заработает.

— Хороший план, — одобрил дядя Боб, когда я завершила рассказ, — но не могла бы ты просто зайти и прошептать ему что-то на ухо, как Хулио Онтиверосу? Ты у нас прямо как укротитель, только работаешь с преступниками.

— С Онтиверосом это сработало по одной-единственной причине.

— По какой же?

— Он не преступник.

— Вот оно что.

— У меня получилось заговорить ему зубы только потому, что было что сказать.

— Мне это нравится, — заметила Элизабет. — А наблюдать за тем, как мистер Своупс кипит от злости, — одно удовольствие.

Мы с Барбером согласно хихикнули.

— Я рад, Чарли, что тебя это веселит, — сердито бросил Гаррет. — Ты понятия не имеешь, что за человек этот Прайс.

— А ты имеешь?

— Я отдаю себе отчет, каким надо быть подлецом, чтобы торговать людьми.

— Все ясно, Своупс. Ты хочешь сказать, что таких обычно не приводят домой знакомиться с родителями. — Я на секунду задумалась. — Погоди-ка. Пожалуй, моей мачехе он как раз понравится. Как думаешь, он торгует со Стамбулом?

— Чарли, — предостерегающим тоном произнес дядя Боб. Он слишком хорошо знал все подводные камни в наших непростых отношениях с мачехой. Даже как-то обмолвился, что никогда не понимал, почему отец не вмешивается. Меня это тоже всегда ставило в тупик.

— Просто размышляю вслух, — возразила я в свою защиту.

Дядя Боб пошел договариваться с детективами, которые следили за Бенни Прайсом, а я решила найти Сассмэна, от которого по-прежнему не было ни слуху ни духу. Я вышла из кабинета и проверила телефон, пока Гаррет разорялся в своей обычной манере. Может орать хоть до скончания века. Он умчался к машине: мне нужно было забрать Развалюху, и он вызвался меня подвезти. Чем быстрее бежит, тем дольше будет ждать. Мне это было на руку по многим причинам.

В телефоне обнаружили два сообщения, оба от Куки, в которых говорилось: «Как прочтешь, немедленно позвони». Должно быть, что-то важное.

— Я нашла женщину, которая ходила в одну школу с Рейесом, — сообщила мне Куки, когда я до нее дозвонилась. — Они с подругой очень хорошо помнят нашего подопечного.

— Молодец.

Обожаю Куки.

— Если хочешь, они могут встретиться с тобой сегодня вечером у Дейва.

— Хочу. Во сколько?

— Когда сможешь. Я должна им перезвонить.

— Пр-р-ректасно, — промурлыкала я в телефон, подражая женщине-кошке. — Мне надо найти Сассмэна. Он куда-то запропастился. Давай через часок?

— Я им скажу. Кстати, как у тебя дела? Мы не говорили с тобой с тех пор, как тебя в очередной раз чуть не убили.

— Я жива, — ответила я. — Едва ли можно требовать большего.

— Можно, Чарли, можно.

Помолчав, я сказала:

— Даже миллион долларов?

— Даже миллион, — хихикнула Куки и повесила трубку. Она достаточно изучила меня, чтобы понять, что сейчас я не буду обсуждать последние трагические события. Поплачусь ей позже. И ей придется выдержать этот удар. Бедная Куки.

Сарказм. Лишь одна из предлагаемых услуг.

Надпись на футболке

Тридцать минут и одну нервотрепку спустя — всю дорогу до моего джипа Гаррет разделявал мой план под орех — я сидела в машине возле дома Сассмэна и наблюдала за ним в окне второго этажа. Он стоял ко мне спиной, и я решила, что он, должно быть, смотрит на жену.

У тротуара перед его роскошным трехэтажным особняком было припарковано несколько машин. Люди входили и выходили, тихонько обменивались словами. Не все были в черном, да и слезы лили тоже не все. Правда, некоторые все же плакали. А другие чему-то усмехались, разговаривали, оживленно жестикулируя, и, раскрыв объятия, приветствовали вновь прибывших.

Я неловко проковыляла к двери и вошла в дом. Никто не остановил меня, когда я пробиралась сквозь толпу к лестнице. По ступенькам, покрытым толстым бежевым ковром, я медленно поднялась на второй этаж и подошла к комнате, очень похожей на спальню хозяев.

Дверь была чуть приоткрыта, и я слышала, что внутри кто-то рыдает. Я робко постучала. — Миссис Сассмэн? — окликнула я и заглянула внутрь.

Патрик воззрился на меня в изумлении. Опершись о подоконник, он стоял и смотрел на жену. Другая женщина, толстая, в траурном платье, сидела возле миссис Сассмэн, крепко обнимая ее за плечи.

Она подняла на меня злобный взгляд. Все ясно. Третий лишний.

— Я хотела бы поговорить с миссис Сассмэн, если это возможно, — пояснила я.

Женщина покачала головой:

— Сейчас не лучшее время.

— Нет, Гарриет, отчего же, — возразила миссис Сассмэн. Она подняла на меня большие карие глаза, покрасневшие от слез; светлые волосы были небрежно зачесаны назад. Миссис Сассмэн была красива той красотой, которая не бросается в глаза, — неяркая, но миловидная. Мне показалось, что она из тех, кто улыбается искренне, а смеется от души.

— Миссис Сассмэн. — Я наклонилась пожать ей руку. — Меня зовут Шарлотта Дэвидсон. Примите мои самые глубокие соболезнования.

— Спасибо. — Она высморкалась в платок. — Вы знали моего мужа?

— Мы познакомились недавно, но он был замечательным человеком.

Надо же было как-то объяснить свой визит.

— Да.

Стараясь не замечать злобного взгляда толстухи, я продолжала:

— Я частный детектив. Мы с вашим мужем вместе работали по одному делу, а теперь я сотрудничаю с полицией, чтобы помочь найти убийцу.

Толстуха широко раскрыла глаза от удивления:

— Мисс Дэвидсон, сейчас не время...

— Вовсе нет, — перебила миссис Сассмэн. — Вы очень вовремя. Полиции уже что-то

известно?

— У нас есть несколько перспективных версий, — уклончиво ответила я. — Я лишь хотела вам сказать, что мы усердно работаем, чтобы распутать дело, а еще... — я обернулась к Сассмэну, — он всегда только о вас и говорил.

Бедная вдова разрыдалась, а Гарриет принялась утешать подругу. На лице Сассмэна показалась слабая благодарная улыбка.

Я протянула его жене визитку, попрощалась и махнула ему, чтобы шел за мной.

— Ужас как неудобно.

Мы стояли перед его домом, прислонившись к Развалюхе, и смотрели на проезжавшие мимо машины. Поднялся ветер. От его ледяного дыхания у меня по коже побежали мурашки, и я обхватила себя руками, радуясь, что догадалась надеть свитер под куртку.

— Простите, — сказал Сассмэн. — Я хотел вернуться вместе со всеми. Но...

— Не волнуйтесь. Вам многое пришлось пережить. Я все понимаю.

— Что вам удалось выяснить?

Я посвятила адвоката в ход событий, и, похоже, он приободрился:

— Так вы думаете, дело в торговле людьми?

— Мы придумали неплохой план. Если хотите, расскажу.

— Конечно.

Вот и хорошо. Кажется, Сассмэн воспрял духом. Он на мгновение задумался, а потом спросил:

— А можно я пока влезу в ваше тело и через вас пообщаюсь с женой?

Я подавила усмешку.

— Такое бывает только в кино.

— А можете тогда просто затащить в постель мою жену, притворившись, что в вас мой дух?

— Нет.

— Я заплачу. У меня есть деньги.

— Да? И сколько же вы собираетесь мне предложить?

* * *

Я пробралась в офис «Сассмэн, Барбер и Эллери», бросила флешки в ящик стола Барбера и еще раз все обыскала на случай, если что-то пропустила. К счастью, Норы не было. В противном случае она бы обнаружила пропажу флешек и закатила мне скандал.

Теперь на встречу с одноклассницами Рейеса. Закусочная Дейва казалась декорацией из пятидесятых годов; образ дополняли жестяные вывески и яично-шоколадная крем-сода, в которой, как ни странно, не было ни яиц, ни крема. Я вошла внутрь, и мне помахали две женщины, сидевшие в кабинке в углу. Удивившись, откуда они узнали, как я выгляжу, я приблизилась к их столику.

— Чарли? — спросила одна, крупная, высокая и поразительно красивая, с короткими темными волосами и широкой улыбкой.

— Это я. Как вы догадались?

Вторая, латиноамериканка с прекрасной кожей и вьющимися волосами, стянутыми в хвост, рассмеялась.

— Ваша помощница сказала, что вы, скорее всего, окажетесь единственной девушкой в заведении, по которой скажешь, что она с гордостью носит имя Чарли Дэвидсон. А я Луиза.

Я пожала руку Луизе и ее подруге.

— Я Кристал, — представилась она. — Мы только что сделали заказ. Хотите есть?

Усевшись за столик в круглой кабинке, я заказала гамбургер и диетическую колу.

— Я вам передать не могу, как рада, что вы согласились со мной встретиться.

Они рассмеялись какой-то своей невысказанной шутке, потом, сжалившись надо мной, пояснили:

— Мы хватаемся за любую возможность поболтать о Рейесе Фэрроу.

— Надо же, — удивилась я. — Я тоже. Вы хорошо его знали?

Покосившись на Кристал, Луиза призналась:

— Рейеса Фэрроу никто толком не знал.

— Вот разве что Амадор, — добавила Кристал.

— Точно. Совсем забыла, что он общался с Амадором Санчесом.

— Амадор Санчес? — Я открыла сумку и достала досье Рейеса. — Амадор Санчес вместе с ним сидел в тюрьме. В одной камере. Вы хотите сказать, что они дружили и до тюрьмы?

— Амадор сидел в тюрьме? — широко раскрыв глаза, переспросила Кристал.

— Тебя это удивляет? — Луиза приподняла тонкую бровь.

— Вообще-то да. Он был хороший парень. — Она посмотрела на меня. — До встречи с Амадором Рейес всех сторонился. Но они быстро подружились.

— Расскажите мне о Рейесе.

У меня сердце колотилось от любопытства и нетерпения. Я так долго его искала, а в итоге он сам меня нашел, и оказалось, что он — Злодей. Как же я раньше не догадалась?

Луиза рассматривала салфетку, которую сложила лебедем.

— Все девчонки в школе были в него влюблены, но он держался очень скромно и... замкнуто.

— Рейес был очень умный, — добавила Кристал. — Я всегда считала его лентяем, но он был не так прост, как казалось.

— Всегда ходил в капюшоне, — перебила Луиза. — Носил свитера с капюшоном и всегда поднимал капюшон. За это ему постоянно попадало. Но он не сдавался.

— Каждый день, — подхватила Кристал, — он приходил в класс в капюшоне, надеясь, что ему это как-то сойдет с рук, а учитель каждый раз заставлял его снять капюшон.

Луиза подалась ко мне; ее темно-карие глаза блестели.

— Вы поймите, даже за то короткое время, что мы вместе учились, это превратилось в настоящий ритуал. Не для него, не для учителей, а для девчонок.

— Для девчонок?

— Ага, — мечтательно кивнула Кристал. — Каждый раз наступала такая тишина, что было слышно, как муха пролетает. Рейес поднимал руки, опускал капюшон, и это было такое откровение, словно нам являлся Господь Бог.

Я живо представила себе эту картину. Вот открывалось его прекрасное лицо, заставляя трепетать сердца; кровь прилиwała к щекам, и девочки вздыхали в унисон.

Покопавшись в памяти, Луиза припомнила:

— Он был очень умный. Ходил в один математический класс с нашей подругой Холли и всегда получал высшие баллы. Все тесты писал лучше всех.

— Мы вместе занимались английским и естественными науками. Как-то мистер Стоун дал нам контрольную, — вступила Кристал, — и Рейес получил за нее сто баллов. А мистер Стоун сказал, что он списывал, потому что некоторые темы в школе вообще не проходили, это был материал колледжа.

— Да-да, я тоже помню. Мистер Стоун заявил, что Рейес никак не мог получить сто баллов. А Рейес такой: «Да пошел ты, я никогда не списываю», а мистер Стоун ему: «Нет, ты списал» — и потащил Рейеса к директору.

— Тогда дежурила Сьюзи, помнишь? — спросила Кристал у Луизы. Та кивнула. — Она рассказывала, что они вошли в кабинет и мистеру Стоуну не поздоровилось, потому что директор заявил, что Рейес всегда получает сто баллов и мистер Стоун не имеет права обвинять его в том, что он якобы списывал.

— Он когда-нибудь проходил тест на IQ?

— Да, — кивнула Луиза. — Директор заставил его пройти тест, потом объявились какие-то типы из Комитета по вопросам образования, хотели поговорить с Рейесом, но его семья уже переехала.

Я в этом и не сомневалась. По милости отца Рейеса семья все время переезжала. Чтобы не связываться с властями.

— Мне по-прежнему не верится, что он убил отца, — призналась Кристал.

— Он его не убивал, — подтвердила я и задумалась, обоснованна ли моя уверенность, или же мне просто хочется так думать?

Женщины с удивлением уставились на меня. Наверно, не стоило этого говорить, но мне хотелось привлечь их на свою сторону. На сторону Рейеса. Я рассказала им о вечере, когда впервые увидела его, о том, как отец избил его до полусмерти, и о сестре, которая оставалась в квартире. Официант принес заказ; я остановилась, дожидаясь, пока он уйдет, и продолжала:

— Вот поэтому я здесь. Мне нужно найти его сестру.

Я объяснила им, что произошло в тюрьме, рассказала, что Рейес в коме, но женщины так и не смогли вспомнить его сестру.

— Только она может помешать руководству тюрьмы отключить его от аппарата. Быть может, вы знаете кого-то, кто с ней общался?

— Мне нужно позвонить, — сказала Луиза.

— И мне. Может, кого-нибудь удастся найти. Сколько у нас времени?

Я посмотрела на часы:

— Тридцать семь часов.

* * *

По пути домой я позвонила Куки и попросила ее найти мистера Амадора Санчеса. Похоже, он единственный, кто знает о Рейесе что-то существенное. Было поздно, но Куки мало что любила больше, чем охоту на теплокровного американца. Дайте ей имя — и она вцепится в него, как питбуль в кость.

Не успела я повесить трубку, как мой телефон зазвонил. Это оказалась Кристал. Они с Луизой вспомнили, что ее кузина, в то время восьмиклассница, дружила с девочкой, которая иногда обедала вместе с сестрой Рейеса. Негусто, но все-таки больше, чем у меня было пять

минут назад. Они пытались дозвониться до кузины, но никто не брал трубку, и они оставили ей сообщение с моим именем и номером телефона.

Записав данные и несколько тысяч раз поблагодарив собеседницу за помощь, я забежала в супермаркет за самым необходимым: кофе, кукурузными чипсами и авокадо для гуакамоле. Его много не бывает.

Выбравшись из джипа, я услышала, как кто-то окликнул меня по имени, обернулась и увидела Хулио Онтивероса. Он был выше, чем мне показалось в участке.

Я закрыла дверь автомобиля и пошла взять сумки из багажника.

— Без наручников вы лучше выглядите, — бросила я через плечо.

Он последовал за мной.

— Вы тоже лучше выглядите без моих наручников.

Ого. Придется отвергнуть ухаживания. Я повернулась к нему лицом. С этим надо разделаться одним махом.

— Медаль вашего брата за «Бурю в пустыне» лежит в тетиной шкатулке с драгоценностями.

На его лице отразилось разочарование.

— Фигня. Я там искал.

Онтиверос шагнул ближе. Его глаза сверкали от злости: он боялся, что его одурачили.

— Она меня предупредила, что вы так и скажете, — ответила я и открыла багажник. — Не в той шкатулке. А в другой, которая спрятана в подвале. За старым сломанным холодильником.

Он замолчал и задумался.

— Не знал, что у нее была еще одна шкатулка.

— Никто не знал. Она ее прятала. — Я взяла одной рукой две сумки и потянулась за третьей. — Бриллианты тоже там.

Это удивило его еще больше.

— Так у тетки и правда были бриллианты? — переспросил Онтиверос.

— Да, немного, но она хранила их для вас. — Я умолкла и смерила его взглядом. — Наверно, она считает, что для вас еще не все потеряно.

Он задохнулся от изумления, как будто новость врезала ему под дых, и прислонился к Развалюхе.

— Но откуда... Как вы могли...

— Долгая история, — перебила я, заперла Развалюху и направилась к подъезду.

— Пойдите. — Онтиверос побрел за мной. — Вы сказали, что знаете, где найти три вещи, которые мне нужнее всего в жизни. А это только две.

Его по-прежнему мучили сомнения. В голове у него, точно хомяк в колесе, крутились одни и те же мысли: он пытался понять, откуда мне все известно. Я бы тоже хотела это знать.

— Ах да. — Я переложила пакеты в одну руку, а другую запустила в сумку, висевшую у меня на плече. — Нет-нет, что вы, — с сарказмом проговорила я, — не нужно мне помогать. — Онтиверос сложил руки на груди и ухмыльнулся. Чего ради я с ним вожусь? Наконец я выудила из сумки ручку. — Дайте руку.

Приблизившись, он протянул мне руку, и я записала у него на ладони телефон. Хулио подошел еще ближе и, взглянув на номер, зловеще улыбнулся:

— Это не то, чего мне хочется больше всего на свете.

Я не смутилась, шагнула к Онтиверосу и заглянула ему в глаза. Он отступил на шаг, но расплылся в широкой ухмылке.

— Хосе Онтиверос.

Он замер. Улыбка сползла с лица Хулио; он всмотрелся в ладонь.

— Он в приюте в Корпус-Кристи.^[16] Но постоянно в разъездах. Моей помощнице понадобилось два часа, чтобы его отыскать, даже несмотря на информацию, которую нам дала ваша тетя.

Хулио ошеломленно молчал, с недоверием рассматривая номер на ладони.

— Два часа? — наконец вымолвил он. — Я искал брата...

— Два года. Знаю. Ваша тетя мне сказала. — Я подхватила пакеты, и от их тяжести у меня задрожала рука. — Если вы по-прежнему сомневаетесь, да, тетушка Есения за вами присматривает. Она просила вам передать, чтобы вы взяли себя в руки, перестали влипать во всякое... не пойми что — я перефразирую ее слова — и нашли брата. Кроме вас, у него никого нет.

Выполнив свою часть сделки, я развернулась и вошла в подъезд, пока этот мачо не опомнился. Ему есть над чем подумать.

Выйдя из лифта на своем этаже, я обратила внимание, что на площадке темно, но почти не насторожилась. Сколько лет прошло, как я здесь поселилась, а управляющий никак не может починить проводку.

Я искала в сумочке ключи, как вдруг из темного угла возле моей двери послышался голос:

— Мисс Дэвидсон.

Опять? Seriously?

Сегодня, около половины девятого утра, я исчерпала собственный запас терпения по поводу общенациональной недели «Убей или покалечь Чарли Дэвидсон». После чего вооружилась. Я выхватила Glock из кобуры и прицелилась в темноту. Тот, кто прятался в углу, не был призраком. Я разглядела его, несмотря на слабое освещение. Незнакомец сделал шаг вперед, и у меня перехватило дыхание. Тедди Томас. Его невозможно было не узнать. Вылитый дядя.

Стараясь не делать резких движений, он поднял руки вверх.

Я опустила пистолет.

— Мисс Дэвидсон, я не хотел на вас нападать.

Я снова подняла пистолет и вопросительно нахмурилась. Подумала было швырнуть в парня пакеты и убежать, но авокадо были дорогие. Черт бы побрал мою слабость к гуакамолу.

Тедди замер на полпути и поднял руки повыше. В свои шестнадцать он перерос меня на добрых три дюйма.

— Я думал... я думал, что вы — одна из подручных Прайса. Мы заметали следы, и я решил, что он нас опередил.

— Так это ты ударил меня на крыше?

Он оскалился. У парня были рыжеватые волосы и светло-голубые глаза. Точно у кинозвезды или спасателя.

— Я ударил вас в челюсть. Мы одновременно оказались на крыше.

Я бросила на него убийственный взгляд и процедила:

— Молодец, нечего сказать.

Он хмыкнул и снова посерьезнел.

— Когда вы свалились с крыши, я решил, что мне конец. Теперь меня на всю жизнь упекут в тюрьму.

Опустив пистолет, я открыла дверь квартиры.

— Как дядю?

Тедди поспешно опустил глаза:

— Карлос должен был с этим разобраться.

— Карлос Ривера? — удивленно уточнила я.

— Да. Я уже несколько дней его не видел.

Тедди вошел за мной в квартиру, закрыл дверь и запер на замок. В другое время меня бы это встревожило, особенно учитывая новый неофициальный праздник и все такое, но я понимала, что парню пришлось немало пережить. После всего произошедшего он больше не хотел рисковать.

А еще в комнате оказался Рейес. Я едва не споткнулась, заметив у окна темную пелену тумана. Потом я почувствовала его. Исходивший от него жар и напряжение. В комнате запахло полуночной бурей в пустыне.

— Присаживайся. — Я указала Тедди на табурет возле барной стойки, притворяясь, будто все в порядке. Я носилась по кухне, не останавливаясь ни на секунду, чтобы он не заметил, как я дрожу от присутствия Рейеса. Сначала я включила кофеварку, потом убрала продукты в холодильник. Заметив, что у Тедди тоже трясутся руки, я достала ветчину, индейку, салат и помидоры.

— Я голодна как волк, — солгала я. — И как раз собиралась сделать себе сэндвич. Хочешь?

Он вежливо покачал головой.

Нахмурясь, я посмотрела на него:

— Ты просто никогда не пробовал моих сэндвичей.

В глазах Тедди блеснуло отчаяние, подтверждавшее, что он действительно проголодался.

— С ветчиной, индейкой или с тем и с другим? — спросила я; можно подумать, если я решила его накормить, у него оставался выбор.

— Наверно, с тем и с другим. — Парень неуверенно пожал плечами.

— Правильно. Себе сделаю такой же. А теперь — самое сложное.

Он озабоченно нахмурился.

— Газировку, чай со льдом или молоко?

Тедди перевел взгляд на кофеварку; по его губам скользнула улыбка.

— Может, сэндвич с молоком, а потом выпьешь кофе?

Он снова пожал плечами, но уже в знак согласия.

— Мы вычислили, что во всем виноват Бенни Прайс, — сообщила я и положила на его хлеб третий кусок ветчины. — Расскажи мне про вечер, когда умер твой друг.

Парнишка понурился: ему не хотелось об этом говорить.

— Тедди, нам надо вызволить твоего дядю из тюрьмы и засадить туда Прайса.

— Я даже не знал, что дядю Марка арестовали. Как он мог кого-то убить? Это же просто смешно, — фыркнул Тедди. — Он самый тихий и спокойный человек, которого я когда-либо встречал. Не то что моя мать, уж поверьте.

— А после возвращения ты виделся с мамой?

— Нет. Отец Федерико пообещал по возвращении устроить нам встречу, так чтобы не подвергать маму опасности, но мы его тоже давно не видели. Наверно, Прайс узнал, что происходит, и добрался до него.

— А что происходит? — поинтересовалась я и налила гостью большой стакан молока.

Тедди откусил солидный кусок сэндвича и запил его ледяным молоком.

— Прайс рассылает шпионов. Они выискивают беспризорных детей. И таких, кого никто не хватится.

— Понятно. Но ты-то не беспризорник.

— Джеймс был бездомным. Его мать вышла замуж и выгнала его. Ему было некуда пойти, и он прятался у дяди Марка в сарае.

— И когда его ранили, он пошел именно туда.

— Ага. Джеймс заподозрил одного шпиона, который его расспрашивал, все выпытывал, есть ли у Джеймса родители, не согласится ли он пожить у него. Тогда мы с Джеймсом кое-что разузнали. — Тедди положил сэндвич на тарелку. — Мы выяснили, на кого работает этот агент, и пробрались на один из складов Прайса. Как в кино про Джеймса Бонда. Мы понятия не имели, что на самом деле происходит.

— Значит, они вас поймали, но вам удалось сбежать?

— Да, но Джеймса сильно ранили. Убегая, мы разделились. За мной гнались двое. Здоровые такие. Мне никогда еще не было так страшно.

Я села возле Тедди и положила руку ему на плечо.

Он откусил кусок сэндвича.

— Я слышал, чем занимается отец Федерико...

— В смысле?

— Ну, помогает беглецам и так далее.

— Верно, — сказала я. — И ты пошел к нему?

— Ага. Как ни странно, он знал все о Бенни Прайсе. И спрятал меня на своем складе.

— Как, на том же складе...

— На том самом. Простите, что так получилось.

Наконец-то я выясню, куда они скрылись со склада в ту ночь.

— На склад пришли двое, упаковали коробки, но когда я очутилась на земле, никого не было. Куда они делись?

Тедди улыбнулся:

— На складе есть подвал. Вход в него почти невозможно найти. Мы прятались там, пока все не ушли.

Умно.

— Значит, отец Федерико прятал детей, за которыми охотился Прайс?

— Ага.

— А почему он просто не обратился в полицию?

— Он обращался. Ему сказали, что собирают на Прайса материал. А дети по-прежнему пропадали. Вы же видели плакаты.

Видела.

— Полицейские сказали, у отца Федерико нет веских доказательств причастности Прайса к похищениям.

— Значит, ты провел на этом складе два года?

Тедди откусил еще кусок и отхлебнул молока.

— Нет. Понимаете, отец Федерико не из тех, кто станет сидеть сложа руки. Когда в полиции ему не помогли, он взялся за дело сам. Собрал команду, которая вела слежку, розыск и переправляла детей в безопасное место.

Сдерживая изумление, я ждала продолжения рассказа.

Запихнув в рот последний кусок сэндвича, Тедди проговорил:

— С нами работало множество людей. Я отвечал за Панаму.

— Панаму? — Эта новость застала меня врасплох. Очевидно, дело шире, чем я думала. Чем все думали.

— Ну да. Мы добывали документы по перевозке, счета и даже адреса покупателей. Черт, да они повсюду. Но Прайс меня разыскивал, а отец Федерико прятал.

— Значит, Карлос Ривера работал на отца Федерико?

— Сначала нет. Он был шпионом. Не единственным. Но это он пытался сцапать Джеймса. Думаю, когда Джеймса убили, Карлос решил, что с него хватит. Он пошел к отцу Федерико, и они заключили сделку. Отец Федерико, когда нужно, бывает очень убедителен. Можно кофе?

Вот оно что. Я не могла понять, почему Карлос просто не пошел в полицию. Конечно, он подставил бы себя под удар, и, наверно, это повлияло на его решение. Некоторые считают, что полиция еще хуже преступников. И обращаться туда — чистое самоубийство.

— Значит, ты был в Панаме?

— Да. Я спас семерых детей, если хотите знать, — похвастался Тедди. — Ну, не сам, а помог спасти.

— И ты не знал, что произошло с твоим дядей?

— Знал, конечно. Отец Федерико мне обо всем рассказывал, но мы думали, что в конце концов с дяди Марка снимут обвинения. Ведь он же ничего не сделал. Я и представить себе не мог, что его на самом деле посадят. Чтобы выручить дядю Марка, пришлось бы рискнуть всей операцией, а этого нам не хотелось. Но когда его осудили, у нас не оставалось выбора. Мне до сих пор в это не верится. Как кровь Джеймса попала на обувь дяди Марка?

— Это я уже выяснила, — ответила я. — Шел дождь. В тот вечер твой дядя пошел выносить мусор и, должно быть, наступил в лужу, где собралась кровь Джеймса. Он не заметил твоего друга за сараем, но кто-то, должно быть, видел, как Джеймс перелезал через забор, и позвонил в полицию.

— Понятно, — сказал Тедди и отхлебнул обжигающего черного кофе.

— Не рановато тебе пить кофе без молока?

Он улыбнулся и в эту минуту показался достаточно взрослым, чтобы пить кофе, как ему заблагорассудится. Его глаза видели немало. Сердце вынесло слишком много страха и боли. За последние два года он стал старше на десять лет.

— Почему ты вернулся? — спросила я.

— А как иначе? Не мог же я допустить, чтобы дядю Марка сгноили в тюрьме за преступление, которого он не совершал.

— Даже рискуя своей жизнью? — уточнила я, и у меня сердце екнуло от гордости.

Пожав плечами, Тедди ответил:

— Я этим два года занимался. И устал убегать. Если я нужен Прайсу, пусть придет и заберет меня.

Я напряглась. Уж этого-то я ни за что не допущу.

— Ты знаешь, что мы должны позвонить в полицию?

— Знаю. Это еще одна причина, по которой я здесь. Отец Федерико исчез, и нам нужна ваша помощь.

Не беспокоить. Уже на месте.

Надпись на футболке

Весь вечер Рейес дразнил меня, касался моей руки, скользил кончиками пальцев по губам, и тело мое вибрировало и дрожало. Но нам никак не удавалось уединиться. В прямом смысле. Ставлю последний цент, что даже мистеру Вонгу, парящему в углу спиной ко всем, было тесновато. Шутка ли — появились даже шеф полиции и окружной прокурор. Надо было мне вылизать квартиру. Зажечь свечи. Приготовить сырных шариков. Куки наливала всем кофе, а Эмбер строила глазки молоденькому полицейскому, которого, если он не перестанет заигрывать с девочкой, будут звать Покойником. Черт возьми, ей же всего одиннадцать! Разве что он просто ее развлекает. Впрочем, это даже выглядело мило. Пусть и пошлово, пусть и с педофильским душком.

И посреди этой суматохи мне позвонила кузина Кристал.

— Здравствуйте. Это мисс Дэвидсон? — неуверенно спросила она.

— Да. Это Дебра? — уточнила я, оглянувшись на Тедди. Я думала, что такое количество полицейских заставит его нервничать, но он держался спокойно и, казалось, испытывал облегчение.

— Ага, — ответила собеседница. — Кристал мне сказала, что вы ищете сестру Рейеса Фэрроу. Я позвонила своей подруге Эмили, и она вспомнила, как звали его сестру. Ким. У них с Рейесом разные фамилии.

Интересно. Наверно, она Уокер, как дочь Эрла Уокера.

— Это все, что мы о ней вспомнили, — продолжала Дебра. — Кроме того, что она была очень милой.

— Что ж, это больше, чем я знала вчера.

— Простите, что больше ничем не могу помочь. Знаете, Рейес и Амадор Санчес были очень близкими друзьями.

— Да, мне об этом уже говорили. — Похоже, этот Амадор Санчес классный парень. И явно хорошо знал обоих. — А в какую школу вы ходили?

— В среднюю школу имени Эйзенхауэра.

— Поняла. Значит, мне нужно искать некую Ким, которая примерно двенадцать лет назад училась в средней школе имени Эйзенхауэра?

— Именно так. Удачи вам в поисках.

— Спасибо, что позвонили, Дебра.

— Ну что вы, не стоит.

Увы, это дело небыстрое. Но, по крайней мере, я знаю, кого искать. Похоже, завтра мне снова придется прокатиться с дядей Бобом. Если, конечно, он не против. Интересно, пустит ли он меня за руль?

— Кстати, — проговорила Куки, подплывая ко мне. Она тоже флиртowała с полицейскими. — Я нашла адрес и телефон этого твоего Амадора Санчеса.

— Пр-р-релестно.

Перед тем, как ехать в школу, я навещу мистера Санчеса. Наверно, он подскажет мне

фамилию Ким и объяснит, где ее искать. У сокамерников нет тайн друг от друга. Особенно у тех, которые дружили еще до тюрьмы.

Мы хлопнули друг друга по руке, и Куки пошла согреть еще чашечку кофе. Было почти одиннадцать, и меня неудержимо клонило в сон: сказались все бессонные ночи и передраги, в которые я попадала. От усталости и напряжения меня трясло, но мозг отказывался отключаться.

Я присела рядом с Тедди, чтобы узнать, все ли у него в порядке. Как ни странно, он взял меня за руку. Я сжала его ладонь. Парень похитил мое сердце в то мгновение, как шагнул из тени на свет. Терпеть не могу, когда так происходит. Расположившийся напротив нас окружной прокурор расспрашивал Тедди с интересом, к которому примешивалась тревога.

— Можно с вами поговорить?

Надо мной, потупившись, стоял Тафт. Я посмотрела мимо него на Исчадие Ада. Она из всех сил пыталась уговорить мистера Вонга поиграть в классики.

— Вообще-то, Тафт, я не в настроении, — ответила я и холодно пожала плечами, чтобы его спровадить.

— Извините меня за утренний инцидент. Я не был готов услышать то, что вы мне сказали.

Я недоверчиво покосилась на Тафта и пошла на уступки:

— Но если вы опять взбеситесь, нам не о чем говорить.

Тафт поставил чашку кофе и опустился рядом со мной.

— Честное слово, я буду держать себя в руках. Позвольте, я все объясню.

Он был без формы, и я поняла, что Тафт пришел специально, чтобы поговорить со мной; он понятия не имел, что найдет у меня полный дом полицейских. В последний раз быстро сжав руку Тедди, я провела Тафта в спальню, где можно было пообщаться с глазу на глаз. Рейес последовал за нами. Меня это встревожило. Вдруг Тафт выкинет какую-нибудь глупость? Мне не хотелось бы объяснять, почему у него перерублен позвоночник. Неудобно получится. Наверно, придется дать показания, а я в этом не сильна. Гораздо лучше я умею бросать ледяные взгляды и язвительные реплики.

Я плюхнулась на кровать. Тафту не осталось ничего другого, как остаться стоять. На единственном в комнате стуле разместились несколько джинсов, большая рубашка и древняя пара казенных наручников. И перцовый баллончик. У каждой девушки должен быть перцовый баллончик. Подбоченившись, Тафт прислонился к моему туалетному столику.

Но Рейес... Рейес повел себя иначе. Похоже, он начинал терять терпение. Он отирался вокруг меня, касался моей руки; его дыхание овевало мне щеку, раздувая волосы на шее. Его близость пробуждала во мне желание. Я задрожала, вспомнив, на что он способен. Когда дело касалось Рейеса, я до смешного не владела собой.

Исчадие Ада пробралось в комнату и замерло на пороге, круглыми, как летающие тарелки, глазами уставившись на Рейеса. Мне его толком не было видно, но девчонка, должно быть, рассмотрела все хорошенько. Так и стояла, раскрыв рот, и таращилась на него.

Рейес, словно внезапно засмущавшись посторонних, переместился к окну, и с его уходом меня пробрал озноб. Дьявольское отродье замерло, точно боялось пошевелиться. Забавно.

— Девочка, которую вы описали сегодня утром, — начал Тафт, возвращая меня к реальности, — не жертва аварии.

— Ах вот оно что. Понятно.

Похоже, мой сарказм его не обескуражил.

Тафт опустил голову и вцепился руками в туалетный столик.

— Это моя сестра.

Вот черт. Мне следовало догадаться, что это не просто бывшая одноклассница из начальной школы.

— Она утонула в озере возле дома родителей, — добавил он сдавленным голосом.

— Он пытался меня спасти, — вставила противная девчонка, не сводя глаз с Рейеса. — Чуть сам не утонул.

Решив не поддаваться на уловки Исчадия Ада, не замечать маленьких ручек, сложенных на груди, любопытно блесневших больших голубых глаз и кукольного приоткрытого ротика, я посмотрела на нее с самым жгучим презрением, на какое только была способна.

— Какая гадость, — выдавила я.

— Что? — переспросила она и на секунду оторвала взгляд от Рейеса, чтобы тут же снова уставиться на него, словно в ее роговицу была встроена система слежения.

— Ты его так любишь? — пояснила я, припомнив ее прежние слова. — Он же твой брат.

— Она тут? — уточнил Тафт.

— Только не начинайте. Сейчас у нас есть куда более важные дела.

Сахарная Слива перевела на меня смущенный взгляд.

— Но я и правда его люблю. Он пытался меня спасти. Неделю провалялся в больнице с воспалением легких, потому что наглотался воды.

— Понятно. — Я подняла руку, словно присягала. Постоянно забываю, что на свете есть братья и сестры, которые действительно любят друг друга. — Но все-таки он твой брат. Ты не должна его преследовать. Это неправильно.

У нее задрожала нижняя губа.

— Он больше не хочет, чтобы я была рядом.

Черт бы все это побрал! Стараясь не замечать слез, набухающих меж ее ресниц, думать о чем угодно — налогах, ядерной войне, пуделях, — я спросила:

— А тебе самой чего хотелось бы?

— Я хочу остаться с ним. — Сахарная Слива вытерла щеки рукавом пижамки и села на пол, скрестив ноги. Пальцем она чертила на ковре круги и отвлекалась лишь для того, чтобы мельком оглянуться на Рейеса. — Но если он не хочет, чтобы я была рядом...

Устало вздохнув, я сообщила Тафту:

— Она говорит, что вы пытались ее спасти.

Он изумленно вытаращился на меня.

— И после этого неделю лежали в больнице.

— Откуда она узнала?

— Я там была, — объяснила девочка. — Все время.

Я передала это Тафту, наблюдая, как с каждым словом его лицо все больше вытягивается от изумления.

— Она говорит, что теперь вы ненавидите зеленое желе, отказываетесь его есть с тех пор, как лежали в больнице.

— Она права, — подтвердил Тафт.

— Вы хотите, чтобы она ушла?

Мой вопрос застал его врасплох. Он несколько раз порывался что-то ответить и наконец

выдавил:

— Нет. Я не хочу, чтобы она уходила. Но мне кажется, что в другом месте ей будет лучше.

— Не будет! — закричала его сестра, вскочила на ноги и подскочила к нему. Девчонка вцепилась в его штанину с таким отчаянием, словно речь шла о жизни и смерти.

— Она хочет остаться, но только если вы не против.

Тут я заметила, что Тафт дрожит всем телом.

— Не могу поверить, что все это происходит на самом деле.

— Я тоже. Я не шутила, когда сказала, что она исчадие ада.

Пропустив мимо ушей мою реплику, Тафт проговорил:

— Если она хочет остаться, я буду только рад. Но я не представляю, как с ней говорить.

Как общаться.

Ага. Догадываюсь, к чему он клонит.

— Послушайте, я не собираюсь работать вашим переводчиком, ясно? Даже не думайте о том, чтобы приходиться ко мне каждый раз, как вам захочется узнать, что у нее на уме.

— Я бы вам заплатил, — предложил он, совсем как Сассмэн. — У меня есть деньги.

— И сколько же вы хотите мне предложить?

Негромко постучавшись, дядя Боб просунул в дверь свою большую голову с густыми усами.

— Мы уходим, — сообщил он.

— Что вы намерены делать с Тедди? — озабоченно поинтересовалась я.

— Он поедет в надежное место в сопровождении двух полицейских. А завтра придумаем что-нибудь более подходящее.

Мы с Тафтом вышли из спальни; квартира почти опустела. Окружной прокурор горячо пожал мне руку.

— Мисс Дэвидсон, вы сделали исключительно важное дело. Исключительно.

— Спасибо, сэр, — поблагодарила я, словом не обмолвившись, что мое исключительное дело состояло в том, что я свалилась с крыши и приготовила сэндвич с ветчиной и индейкой. — Мне помог дядя Боб. Отчасти.

Прокурор рассмеялся и вышел. Тедди заключил меня в крепкие объятия и последовал за ним. Мне было приятно. У парня все будет хорошо. Конечно, если до него не доберется Прайс.

— Ну так что, завтра вечером устроим ловушку? — спросила я у Дибби, когда ушли последние полицейские.

— Завтра утром с нами хочет встретиться следственная группа. Посмотрим. Может, у них достаточно улик, чтобы его посадить.

— Погоди-ка, — возразила я, — но мы не можем рисковать жизнью парнишки. Нам надо собрать больше улик на Прайса, не прибегая к показаниям Тедди. А еще нужно найти отца Федерико. Что, если он у Бенни Прайса?

Дядя Боб нахмурился: было видно, что это волновало и его.

— Сейчас показания Тедди — единственное, что у нас есть. Мы должны поставить этого мерзавца Прайса на колени, Чарли, причем как можно скорее. Надо положить конец всей его деятельности.

Я не сдавалась, стояла на своем и даже топнула ногой... мысленно.

— Дай мне всего один шанс. Ты же знаешь, что я могу. Надо хотя бы попытаться.

Дядя Боб обдумал мою просьбу и так тяжело вздохнул, будто держал на своих плечах сумоиста.

— Посмотрим, что завтра скажет следственная группа.

— Что ты еще задумала? — поинтересовалась Куки, когда Дибби ушел.

— Ну ты же меня знаешь, — ухмыльнулась я в ответ и указала на Эмбер: — Ничего такого, с чем бы я не смогла справиться.

Эмбер заснула на диване; густые волосы мягко обрамляли точеное личико. Эта девочка станет настоящей сердцеедкой.

Куки поджала губы, сдерживая улыбку, и покачала головой:

— Флирт ужасно утомляет.

— Не то слово, — согласилась я, обогнула диван и пошла открыть дверь.

Куки разбудила дочку и отвела через площадку домой, к себе в квартиру. Едва не промахнувшись мимо дверной ручки и не свалив цветок в горшке, подруга обернулась ко мне и заметила:

— Не думай, что тебе удастся увильнуть от разговора о том, что случилось сегодня.

Ах да, конечно. Я же чуть не погибла.

— Не думай, что тебе удастся увильнуть от разговора о твоей наглости, — отшутилась я, чтобы разрядить обстановку.

Куки подмигнула мне и закрыла дверь.

И мы остались одни. Дрожа от предвкушения, я вцепилась в ручку двери, словно в спасательный круг. Рейес вихрем пронесся по комнате и вмиг очутился возле меня. Земляной, стихийный, густой запах окутал меня. Одна рука обвила мою талию, а вторая закрыла дверь.

Рейес прижал меня к груди, и я растаяла. Казалось, будто я падаю в огонь и его жар обжигает все тело.

— Ты — это он, — проговорила я, и голос мой дрожал сильнее, чем я рассчитывала. — Ты был, когда я родилась. Как такое возможно?

Его губы прижались к моей шее и опалили кожу; рука скользнула мне под свитер, и в животе у меня вспыхнули языки пламени. Он осторожно ощупал то место, куда вонзилось острие его меча. В глубине души я была благодарна ему за заботу.

И вот его рот оказался возле моего уха.

— Датч, — шепнул он, и его дыхание овеяло мою щеку. — Наконец.

Я повернулась к нему, но он отстранился, всмотрелся в мое лицо, и я наконец как следует разглядела живое совершенство по имени Рейес Фэрроу.

Увиденное не разочаровало меня. Он был самым восхитительным мужчиной, которого я когда-либо встречала. Крепкое и подвижное, его стройное сильное тело казалось высеченным из камня, способного расплавиться в мгновение ока. Взъерошенные волосы цвета кофе спадали на крутой лоб и волной ложились на уши. В глубоких карих глазах плясали золотистые и изумрудные сполохи и блестело еле сдерживаемое желание. Пухлые, резко очерченные, мужественные губы были приоткрыты. Я узнала его одежду — тюремную форму, как и говорила Элизабет. Закатанные рукава открывали длинные мускулистые предплечья.

Рейес бережно дотронулся до моей нижней губы; лицо его было сосредоточенно, как у ребенка, который впервые в жизни увидел светлячков и не может понять, почему они светятся точно по волшебству.

Когда он коснулся моих нижних зубов, я чуть прикусила его палец и обхватила губами, впитывая земной и необычный вкус кожи. Рейес громко вздохнул, прижался лбом к моему лбу, закрыл глаза и, казалось, пытался справиться с собой, а я втягивала его палец все глубже в рот. То ли чтобы подхватить меня, то ли чтобы не упасть самому, он оперся рукой о дверь и с рычанием прижал меня к ней; другая рука неожиданно обвила мое горло и не отпускала, словно Рейес пытался и никак не мог справиться с собой.

Это были самые чувственные мгновения в моей жизни. На каждое прикосновение Рейеса мое тело отвечало дрожью возбуждения. Меня томило желание — такое сильное, что тянуло в животе. Исступленная, раскаленная добела страсть охватила все мое существо, точно вихрь, и зноем расплылась по телу. Я хотела, чтобы он навсегда стал моим; в голове пульсировала, не давая покоя, мысль: что будет, если он умрет? Станет ли он по-прежнему спать со мной? Придет ли ко мне после смерти или перенесется через меня в мир иной, оставив меня влачить земное существование? Я до дрожи боялась, что, если его тело умрет, я его потеряю. Я хотела, чтобы он очнулся, был моим — и телом, и душой. Вот такая я эгоистка.

— Рейес, — жалобно выдохнула я, когда его губы коснулись особо чувствительного местечка у меня за ухом, — пожалуйста, очнись.

Он отстранился, нахмурился, словно не понимая, о чем я, а потом наклонился ко мне, прижался губами к моим губам, и я потеряла ощущение реальности. Поцелуй сначала был нежен: его язык скользил по моему языку, дразня и пробуя на вкус. Но возбуждение нарастало, как лесной пожар; прикосновения становились настойчивее, жестче, он впивался в мои губы, исследовал и захватывал их с неистовой первобытной силой. Поцелуй проглотил последние крупички сомнений, которые я так тщательно прятала. Рейес был на вкус как дождь, закат и огонь.

Он шагнул ближе, придвинулся ко мне, и меж моих ног, казалось, зажглась искра. Мои руки нырнули вниз, стремясь коснуться напрягшегося члена, прижатого к моему животу; но Рейес вдруг замер.

Так стремительно, что у меня закружилась голова, он прервал поцелуй и повернулся. В мгновение ока на нем оказался плащ — точно туман, окутавший нас обоих, — и я услышала звон ожившего металла: Рейес вынимал меч. Из его груди вырвалось злое рычание, глухое, низкое, и я моргнула, приходя в себя. Меня охватила такая слабость, что я с трудом держалась на ногах. Неужели в комнате, кроме нас, был кто-то еще? Или что-то?

Я не видела, что скрывалось за широкими плечами Рейеса, но чувствовала, как от напряжения твердеет каждый мускул его тела. Что бы ни приближалось к нам, оно было реальным и очень опасным.

Наконец Рейес снова повернулся ко мне, свободной рукой обнял за талию и притянул к себе, пытаясь встретиться со мной взглядом; в его темно-карих глазах блеснула мольба.

— Если я очнусь, — прерывающимся от боли шепотом сказал он, — они меня найдут.

— Что? Кто? — спросила я, и тревога сжала мне сердце.

— Если они найдут меня, — продолжал Рейес, не отрывая взгляда от моего лица, — то найдут и тебя.

С этими словами он исчез.

Несколько мгновений спустя я рухнула на пол.

В драке с клоунами первым делом бей жонглера.

Наклейка на бампер

Неужели я проспала последние двадцать семь лет? Получается, есть сущности и объекты, которых я никогда не видела? Такие опасные и свирепые, что одолеть их могут только сверхъестественные силы?

Я сидела с дядей Бобом в конференц-зале, не в силах сосредоточиться после прошлой ночи. Были здесь и Гаррет, и окружной прокурор, и детектив, возглавляющий следственную группу по делу Прайса, а также адвокаты и чем-то очень обеспокоенный Ангел. Мы обсуждали окончательные планы на вечер. Трудно строить планы, когда не все присутствующие в курсе, что происходит, но дядя Боб это уладит. Я была в этом уверена.

Гаррет и Ангел сидели на удивление тихо. Почему молчал Гаррет, я еще могла понять. Он вообще был против нашего плана. Но Ангелу выпала шикарная возможность пофлиртовать с сексуальной адвокатессой-призраком в мини-юбке, а он словно ее не замечал. Если честно, он едва взглянул на Элизабет. Я понять не могла, что его гложет. А вдруг дело в Рейесе? Может, он догадался о моих почти преступных фантазиях?

Когда детектив и окружной прокурор ушли, дядя Боб повернулся ко мне:

— Ладно, так каков же наш настоящий план?

С небес на землю. Слабая улыбка скользнула по моему лицу.

— Я заявлюсь к Прайсу со скандальной видеозаписью и сфабрикованными уликами и заставлю во всем признаться.

— У тебя получится?

— Получится.

— Ни фиги себе, — восхитился он, — да ты действительно укротительница.

Гаррет поерзал в кресле, но ничего не сказал.

— Что, если нам не удастся его найти? — спросил Барбер про отца Федерико, которого они с коллегами разыскивали. — Вдруг следственная группа знает не обо всех зданиях, которые принадлежат Прайсу? Может, его держат где-то еще?

— Или вообще убили, — поддакнул Сассмэн.

— Такую вероятность никогда нельзя исключить, — возразила я, — но Прайс все-таки католик. И я надеюсь, что он не решится убить священника.

— Значит, мы с Барбером обыскиваем его владения, — проговорила Элизабет, — а Сассмэн и Ангел будут помогать вам?

— Таков план.

— Каков план? — поинтересовался дядя Боб. Я вкратце пересказала ему наши соображения, и он дал добро. Что было хорошо, потому что запасных вариантов мы не подготовили.

— Ангел, — окликнула я, когда все выходили, — ты сам мне все расскажешь или придется применить пытки, которым я научилась на прошлогоднем Марди Гра?

Он улыбнулся и демонстративно подпрыгнул — специально для меня.

— Все в порядке, босс. Мне это раз плюнуть: сделаю с закрытыми глазами.

— Потому что ты видишь сквозь веки.

— Точно. — Он пожал плечами.

Я проверила телефон. Куки прислала мне сообщение.

— Мне показалось, что ты чем-то огорчен, — заметила я, набирая номер голосовой почты. — Как будто кто-то украл твой любимый пистолет.

— Мне не грустно. — Он пошел по коридору к выходу, но потом обернулся: — По крайней мере, когда смотрю на тебя.

Это прозвучало очень мило. Он явно что-то задумал, вот только я не могла догадаться что.

— Ты представляешь, я узнала ее имя! — радостно пропела в телефон Куки. — Позвонила однокласснику Рейеса, этому Амадору Санчесу, и припугнула, что если он не признается, сдам его за нарушение режима условно-досрочного освобождения. Тогда он сообщил мне ее имя и адрес. Она... — Автоответчик пискнул, и началось другое сообщение. — Извини. Чертовы телефоны. Она еще в Альбукерке. Ее зовут Ким Миллар, и она по-прежнему здесь.

У меня подкосились ноги. Я схватила ручку и бумагу со стола полицейского, мимо которого проходила, получив в ответ враждебный взгляд, и записала адрес.

— Номера ее у Санчеса нет, но он сказал, что она работает на дому, так что ты всегда сможешь ее застать.

Я готова была расцеловать Куки.

— Знаю. Ты готова меня расцеловать. Сначала найди сестру Рейеса, а все остальное потом.

Расхохотавшись как сумасшедшая, я запрыгнула в Развалюху и поехала в центр. От предвкушения встречи у меня сердце ушло в пятки, а желудок подступил к горлу. Я взглянула на часы. Двадцать четыре часа. У нас остались сутки, чтобы остановить надвигающуюся катастрофу.

Дорогой я обдумывала слова Рейеса, сказанные прошлой ночью. Что он имел в виду, когда говорил, что они его найдут? Кто найдет? За ним охотятся? Я решила не думать о том, на кого Рейес зарычал. Очевидно, были сущности, о которых не подозревала даже я. В связи с чем возникал сложный вопрос. Что толку быть ангелом смерти, если даже я не знаю всего об ином мире? Разве не нужно держать меня в курсе? Нет, серьезно, как иначе мне делать свое дело?

Остановившись у ворот жилого комплекса, я прошла по дорожке к двери квартиры 1В и постучала. Мне открыла девушка примерно моих лет, с полотенцем в руках — очевидно, вытирала посуду.

Я шагнула вперед, протянула руку и проговорила:

— Здравствуйте, мисс Миллар, я Шарлотта Дэвидсон.

Она осторожно пожала мне руку; ее тонкие, почти прозрачные пальцы были холодны как лед. Сестра ничуть не походила на Рейеса: со своими темно-рыжими волосами и светло-зелеными глазами она напоминала скорее ирландку или кого-то в этом роде.

— Чем могу помочь? — спросила она.

— Я частный детектив. — Я нашарила в кармане визитку и протянула ей. — Можно с вами поговорить?

Внимательно рассмотрев карточку, девушка приоткрыла дверь и жестом пригласила меня войти. Оказавшись в залитой светом комнате, я поискала глазами фотографии Рейеса.

Но фотографий не нашлось — ни его, ни чьих-либо еще.

— Вы частный детектив? — спросила она, предложив мне сесть. — И чем же я могу быть вам полезна?

Она уселась напротив меня в гостиной. Лучи утреннего солнца пробивались сквозь кисейные занавески и заливали комнату теплом. Мебели было мало, но она была чистой и добротной.

Гадая, не страдает ли Ким от невроза, я откашлялась и задумалась, с чего начать. Это оказалось сложнее, чем я полагала. Как ей сообщить, что ее брат вот-вот умрет? Я решила оставить эту новость напоследок.

— Я здесь из-за Рейеса, — начала я.

Но не успела я пояснить, она переспросила:

— Из-за кого?

Я моргнула. Она что, не расслышала?

— Из-за вашего брата, — повторила я.

Я отлично читаю по лицам и сразу же поняла, что сестра Рейеса лжет, когда она ответила:

— Извините, но я понятия не имею, о ком вы. У меня нет брата.

Ого. Зачем ей врать? Пытаясь разгадать очередную тайну, я прокручивала в голове все возможные варианты объяснений. Но у меня не было времени играть в загадки. Даже в такие любопытные. Я решила, что клин клином вышибают, и солгала в ответ.

— Рейес предупреждал меня, что вы это скажете, — с довольной улыбкой проговорила я. — И сообщил мне пароль, чтобы вы поняли, что мне можно доверять.

Она нахмурила брови.

— Какой пароль? — Ким подалась ко мне. — Он вам обо мне рассказывал?

Вывести ее на чистую воду оказалось проще, чем я думала. Меня даже кольнуло чувство вины.

— Нет. — Я сочувственно поджала губы. — Не рассказывал. Но вы мне сами только что рассказали.

В ее ирландских глазах вспыхнула злость, но не на меня. Ким сердилась на себя. Она понурилась, насупилась, грустно поджала губы, и это сказало все, что мне нужно было знать. В их семье насилию подвергался не только Рейес.

— Не стоит на себя злиться, — проговорила я, испытывая не столько вину, сколько жалость, — расследования — моя работа, и я на них собаку съела. — Ким не сводила глаз с полотенца, которое держала в руках, и с каждым моим словом сжимала его все сильнее. — Зачем Рейесу было нужно, чтобы никто о вас не узнал? В его тюремном досье нет никаких упоминаний о сестре. Он нигде не указал ни вас как родственницу, ни вашего адреса, ни телефона. В протоколах заседаний суда о Ким Миллар тоже нет ни слова.

Помолчав, девушка произнесла с грустью:

— И не могло быть. Он взял с меня обещание, что я никому не расскажу, кто я. У нас разные фамилии. На суде мне было легко оставаться в тени. Никто ничего не заподозрил.

Но почему же Рейес не хотел, чтобы она выступила в суде? Его сестра могла бы стать главным свидетелем.

— Вы слышали, что с ним случилось? — спросила я.

Ким еще ниже опустила голову, и волосы упали ей на глаза.

— Я знаю, что в него стреляли. Амадор мне сообщил.

— Так, значит, Амадор держит вас в курсе дел?

— Да.

— Получается, вы знаете, что завтра Рейеса отключат от аппарата.

— Да, — срывающимся голосом ответила она.

Это уже что-то. Может, из нашего разговора выйдет толк.

— Ким, вы должны бороться. Больше никому. Вы единственная родственница Рейеса.

— Нет. — Она яростно помотала головой. — Я не могу вмешиваться.

Я задохнулась от изумления и ошеломленно уставилась на нее.

Она сжала полотенце с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

— Пожалуйста, не надо на меня так смотреть. Вы не понимаете...

— Где уж мне.

Ким тихонько всхлипнула.

— Рейес заставил меня поклясться, что я не стану поддерживать с ним отношений. Сказал, что, когда выйдет, сам меня найдет. Поэтому я и осталась здесь, в Альбукерке. Но я не езжу к нему в тюрьму, не пишу, не звоню, не посылаю подарков ко дню рождения. Он заставил меня поклясться, — повторила она и умоляюще посмотрела на меня. — Поймите, я не могу вмешиваться.

Я не могла понять, зачем Рейесу понадобилась такая клятва, но это все меняло. И я решила бить по самому больному. На войне как на войне.

— Ким, он защищал вас все эти годы, — холодно сказала я, и в моем голосе сквозил укор. — Как вы можете сидеть сложа руки?

— Не то чтобы защищал. — Она высморкалась в кухонное полотенце.

— Не понимаю. Вас... изнасиловали? — Никогда бы не подумала, что окажусь такой прямолинейной, настырной, что так буду владеть собой в трудную минуту. Одно лишь упоминание о подобных деликатных вещах граничило с грубостью.

По щекам Ким нескончаемым потоком струились слезы, отвечая за нее на мой вопрос.

— Он защищал вас изо всех сил. Как же вы можете его предать?

— Я же сказала, он меня не то чтобы защищал...

Я начинала стремительно терять терпение. Почему она не хочет ему помочь? Я же собственными глазами видела, как он за нее переживал, как в ту ночь рисковал жизнью, чтобы остаться с ней. Он бы мог убежать, обратиться в полицию, сдать этого буйнопомешанного властям и наслаждаться свободой. Но он остался. Ради нее.

— А что же тогда? — язвительно уточнила я.

Ким погрузилась в глубокие раздумья, а потом взглянула на меня, и в ее зеленых глазах блеснуло полуденное солнце.

— Страдал.

Ого. Такого я не ожидала.

— Не понимаю. Что...

— Отец... — Ким замолчала: ее голос ломался под тяжестью слов, — отец ко мне не прикасался. Я была лишь орудием, с помощью которого он мог контролировать Рейеса.

— То есть вы хотите сказать... что насилие все-таки было.

Девушка подняла на меня глаза; в ее взгляде читалась ненависть к тому, в чем я вынуждала ее признаться.

— Он не прикасался ко мне. Ко мне. Я не говорила, что насилия не было.

Я с минуту сидела молча, ошарашенная, и раздумывала над словами Ким, снова и снова

прокручивая их в голове. Сама мысль об этом причиняла мне боль; казалось, что она материальна, точно коробка, покрытая осколками стекла, которая резала мне пальцы всякий раз, как я пыталась ее открыть.

— Сначала он контролировал Рейеса с помощью животных.

С трудом очнувшись, я перевела взгляд на точеное лицо Ким.

— Когда Рейес был маленьким, отец держал животных. Если Рейес шалил и не слушался, за него расплачивались несчастные звери. Отец рано понял, что иначе ему с ним не справиться.

Я моргнула, впитывая ее слова, несмотря на внезапно охватившее меня нежелание их слышать.

— Но потом моя мать — наркоманка, которая умерла от осложнений, вызванных гепатитом, — подарила ему лучшее оружие. Меня. Она подбросила меня на порог его дома, ушла и не вернулась. Мать дала отцу власть над Рейесом. Если брат не выполнял беспрекословно каждый его приказ, я оставалась без ужина. Завтрака. Обед. Потом без воды. Снова и снова, пока Рейес не сдавался. Для отца я была всего лишь орудием, и ничем иным. Рычагом, который управлял каждым шагом моего брата.

Я онемела, не в силах понять, как такое возможно. Было невыносимо представить Рейеса беззащитным, покорным рабом этого чудовища. Сердце замерло у меня в груди, желудок свело, и я почувствовала, как завтрак подступает к горлу. Я сглотнула и сделала несколько глубоких вдохов, проклиная себя за то, что заставила Ким вспомнить кошмары, которые мне даже вообразить трудно.

— Но нужно знать моего брата, — продолжала она, не замечая моего состояния, — и его образ мыслей. Все, что я вам рассказала, — чистая правда, но Рейес был уверен, что отец измывается надо мной из-за него. Все эти годы он тащил на своих плечах эту ношу, груз ответственности за меня, точно король, взваливший на себя благополучие своего народа.

Я крепко сжала зубы, чтобы подбородок не дрожал.

— Он сказал, что больше никто не обидит меня из-за него. Как ему такое могло в голову прийти? Ведь все было совсем наоборот. Отец мучил его из-за меня.

Ким отерла слезу и устремила на меня печальный взгляд:

— Знаете, почему я вам все это говорю?

Ее вопрос застал меня врасплох. Я покачала головой. Никогда об этом не задумывалась.

— Потому что это вы.

Я наострила уши, чтобы не пропустить ни единого слова из ее рассказа.

— У Рейеса с детства были приступы. Иногда они длились больше часа и оставляли у него очень странные воспоминания. О девочке с темными волосами и лучистыми золотистыми глазами. Едва открыв дверь и увидев вас, я догадалась, что это вы.

Он помнил? Обо мне? У меня участился пульс.

— Рейес сказал, что однажды спас вам жизнь. Якобы какой-то мужчина затащил вас в квартиру. — Ким подалась вперед. — Если хотите знать, вам не суждено было выйти оттуда живой. Тот человек собирался надругаться над вами и задушить. Ему это было не впервой.

Я вздрогнула от страха.

— Рейес знал, что я в беде? — спросила я, когда ко мне наконец вернулся голос.

— Да. А в другой раз ему только показалось, что вы в опасности. Он сказал, что ваша мачеха кричала на вас перед целой толпой зевак. Вы были напуганы и обижены. Чувства были настолько сильными, что у него начался приступ. Когда брат вас нашел, он был в такой

ярости, так переживал за вас, что был готов разрубить вашу мачеху надвое, чтобы проучить. Но вы шепотом умоляли оставить ее в живых.

У меня перед глазами встали картины того дня, и я призналась:

— Да, я помню. Он очень рассердился.

— Позже он научился находить вас без приступов. Он входил в состояние, похожее на транс, просто чтобы увидеть вас, посмотреть на вас. — Ким улыбнулась, вспоминая лучшие дни. — Он называл вас «Датч».

Дрожа всем телом, я испустила глубокий тяжелый вздох. Каждое ее слово рождало новые вопросы и все большее недоумение.

— Если Рейес научился управлять своими способностями, использовать силу, которой обладал, почему же он... не остановил вашего отца?

Она пожала плечами:

— Наверное, не верил, что получится.

Я нахмурилась:

— Не понимаю.

— Рейес считал, что это все выдумки. Что на самом деле ничего из этого не существует. Даже вы казались ему плодом воображения, девушкой из его фантазий. Но я знала, что его сила реальна. Когда мы повзрослели, я начала разузнавать о том, что ему представлялось и что он делал. Оказалось, все, о чем он рассказывал, было на самом деле.

Ум, светившийся в глазах Ким, противоречил образу тихой слабой женщины, которая открыла мне дверь. Она научилась скрывать свое истинное лицо. Свои возможности. Меня переполняло восхищение. В других обстоятельствах я была бы рада с ней подружиться. В другой жизни. Кто знает, вдруг это и возможно.

— Вы... вы знаете, кто он?

Мой вопрос ее не удивил.

— Нет. Не знаю. — Она покачала головой. — Знаю лишь, что он особенный. Не такой, как мы. Я даже не уверена, что он человек.

Я была с ней полностью согласна.

— А его татуировки? — спросила я. — Он вам рассказывал, что они значат?

— Нет. — Ким на мгновение расслабилась. — Он говорил только, что они были у него всегда. Сколько он себя помнит.

— Я знаю, что они что-то значат, но никак не пойму что. — Мысли неслись бешеным галопом, и я прижала руку ко лбу, чтобы их успокоить.

— Вы такая же, как он? — поинтересовалась девушка, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся.

Я глубоко вздохнула и постаралась ответить как можно понятнее:

— Нет. Я ангел смерти. — Когда я говорю об этом вслух, это всегда звучит жутковато. Но Ким расплылась в доброй широкой улыбке. Меня это удивило.

— Он мне так и говорил. Вы переправляете души в мир иной. Рейес сказал, что вы сияете, словно новорожденная галактика, а характер у вас круче, чем у богатенького наследника на папином «порше».

Я не удержалась и прыснула от смеха:

— Ну, у него и самого характер не сахар.

Ким рассмеялась и разгладила на коленях полотенце.

— Думаю, именно это помогает ему выжить. Сила духа. Будь он послабее, едва ли

справился бы.

У меня болело сердце при мысли о том, что рассказала мне Ким. Я так хотела, чтобы у Рейеса все было хорошо. Чтобы все несчастья, которые выпали ему на долю, стерлись из памяти. Но как это возможно, если он не придет в сознание?

— Пожалуйста, помешайте им, — с отчаянием в голосе попросила я.

Ким расправила складки полотенца. Она приняла решение.

— Шарлотта, Рейесу пришлось немало выстрадать из-за меня. Я дала слово. И не могу его нарушить — после всего, что брат для меня сделал.

Мне смертельно хотелось ее уговорить, но я понимала ее позицию. Я видела, как Ким любит брата: это было написано у нее на лице, звучало в каждом ее слове. То, что я сначала приняла за равнодушие, на самом деле было глубокой и самоотверженной преданностью. Что ж, теперь вся надежда на дядю Боба.

Он знал нужных людей, которые, в свою очередь, тоже кое-кого знали. Если кто и сможет мне помочь, так только он.

Я ушла от Ким с тем же ощущением нереальности происходящего, с которым жила вот уже много дней. С каждым часом я узнавала что-то новое, удивительное о Рейесе. Я так долго безуспешно его искала, что лавина информации, валившейся на меня отовсюду, ошеломляла. Я вовсе не жалею, о нет. Умиравший от жажды не злится на потоп. Туман, окутывавший все, что связано с Рейесом Фэрроу, становился гуще с каждым шагом. И я была намерена идти до конца. Оставался вопрос: успею ли я проделать этот путь за двадцать четыре часа?

Может, по мне и не скажешь, но я здорово умею притворяться ниндзя.

Наклейка на бампер

— Ты где?

Не успела я выйти из здания суда, как позвонил дядя Боб. Сассмэн предложил подать прошение на временный запрет радикальных мер в отношении Рейеса на том основании, что он может оказаться единственным свидетелем по делу серийного убийцы в Канзасе. Ужасно не хотелось играть в доктора Лектера, но это единственное, что мы смогли придумать за столь короткий срок. Если дело выгорит, это лишь отсрочит отключение Рейеса от аппарата, но я, по крайней мере, выиграю время. Мне нужно еще раз поговорить с ним, и желательно так, чтобы он не подходил слишком близко. И не прикасался ко мне. И даже не смотрел в мою сторону. Тогда, быть может, я что-то разузнаю. Интересно, получится ли у меня как-то его обуздать — может, привязать к раковине на кухне или что-то в этом роде. Тут понадобится волшебная веревка. Или наручники в сказочной пылице.

— А ты где? — вопросом на вопрос ответила я. До чего же дядя Боб любопытен.

— Нам нужно тебя подготовить.

— Подготовить? К чему? Я разве на что-то соглашалась?

Что-то я такого не припомню. Я даже в подготовительный класс не ходила.

Дибби громко вздохнул. Звучало смешно.

— К ловушке, — раздраженно пояснил он.

— Ах да! — Совсем об этом забыла. — Я подавала прошение на временный запрет. Ты не мог бы как можно скорее его протолкнуть? У нас мало времени.

— Конечно. Я позвоню судье, с которой когда-то встречался.

— Дядя Боб, нужно, чтобы тот, к кому ты обратишься за помощью, хорошо к тебе относился и хотел оказать услугу.

— Она ко мне хорошо относилась. Более чем.

Я споткнулась, вздрогнув от удивления, и побрела к Развалюхе.

— Спасибо, дядя Би, с меня причитается.

— Причитается? Сколько именно?

— Мы что, торговаться будем? Потому что если уж ты об этом заговорил...

— Забудь. И приезжай скорее.

Проговорив несколько раз, пока не навязло в зубах, план с обеими командами — специалистами по техподдержке и группой захвата, — я побежала домой переодеться для представления. В основном я сосредоточилась на том, чтобы замазать синяки, полученные в недавних переделках. Когда я наконец прибыла на место, то больше всего напоминала затюканную библиотекаршу с сексуально подведенными глазами и надутыми губками, при виде которых любого мужчину должна была пробить слеза.

Гаррет бросил дела и уставился на меня масляными глазами. Я думала, что это добрый знак, пока Своупс не открыл рот:

— Ты должна его соблазнить, а не проводить у него аудит.

По примеру Элизабет Эллери я надела красный костюм с юбкой и туфли на десятисантиметровых шпильках. Но, в отличие от Элизабет, собрала волосы в тугой пучок и нацепила очки в толстой пластмассовой оправе, придававшие мне до тошноты занудный вид.

— Своупс, ты вообще мужчина или как? — Он нахмурился в недоумении, и я пояснила: — Разве ты никогда не мечтал переспать с секретаршей, библиотекаршей или училкой немецкого?

Он оглянулся с виноватым видом, чтобы убедиться, что нас никто не слышит.

— Так-то! — торжествующе провозгласила я и зашагала к фургону наблюдения. Гаррет двинулся следом за мной, и я решила его добить. — Можно подумать, если к Бенни Прайсу припрется уличная шляха в юбке шириной с ладонь и начнет его расспрашивать про убийство четырех человек, то он не заподозрит, что это ловушка. Ну-ну. Гениально. Когда решу покончить с собой, обязательно так и сделаю. Оглянись. — Я убедилась, что Гаррет заметил двух девиц, явно стриптизерш, которые входили в клуб. — Эти девочки для него доступнее воды из-под крана. А я, в отличие от них, — тут я указала на свой якобы деловой костюм, — нет.

Мы подошли к фургону, припаркованному в половине квартала от клуба, и постучали.

Я обернулась к Гаррету и легонько шлепнула его по голове; тут дядя Боб открыл дверь.

— Ты забыл, что у меня диплом по социологии?

Своупс пожал плечами, нехотя соглашаясь со мной; дядя Боб взял меня за руку и втащил в фургон. Юбка и шпильки. Пожалуй, не лучшая одежда для слежки. Я опасалась, что Гаррет снова решит меня посадить и схватит за задницу. И расстроилась, когда он этого не сделал. Должно же быть в жизни что-то приятное.

Гаррет шагнул внутрь, и фургон качнулся.

— От команды, занятой поисками отца Федерико, по-прежнему никаких вестей, — сообщила я дяде Бобу. — Если им не удастся его найти, не знаю, что мы будем делать.

— Об этом подумаем позже, — успокоил Диби. — А сейчас давай наденем на тебя вот это. — Он достал из коробочки крошечный микрофон. — Самый маленький, какой удалось найти.

— Ты шутишь? — ошеломленно спросила я. — Микрофон? По плану Ангел должен включить навороченную дорогушую камеру, которую Прайс установил у себя за столом. Мы запишем его признание так, что они ни о чем не догадаются. И что самое главное, я выйду оттуда живой.

— Ты права, но нам нужно какое-нибудь средство наблюдения, — возразил дядя. — Иначе как мы узнаем, если с тобой что-нибудь случится?

— Если со мной что-нибудь случится, пошлю тебе сообщение. — Я оглянулась на Ангела, который только что присоединился к нам. Я видела, что план ему очень нравится. И он точно знает, что делать.

— Ты и правда думаешь, что Прайс не велит своим громилам меня обыскать, стоит мне войти в клуб? — Я наклонилась к дяде Бобу. — Если я вижу мертвых, это еще не значит, что я хочу умереть.

* * *

Двадцать минут спустя я покинула зал, где было полным-полно полуголых красоток и

играла более-менее пристойная музыка, и вошла в неожиданно тихий кабинет Бенни Прайса. Бизнесмена. Отца двоих детей. Убийцы.

— Жучков нет, босс, — проговорил один из его вышибал, высокий мускулистый блондин, которому все стриптизерши строили глазки, когда мы проходили мимо. Он вывел меня в темный коридор, ведущий к кабинету Прайса, и обыскал, что вызвало у меня волну негодования и не вполне уместное возбуждение. — Но у нее с собой видеокамера.

Бенни Прайс, сидевший за массивным столом из тика, в жизни оказался намного привлекательнее, чем можно было заключить по снимкам, сделанным во время слежки. По совести говоря, он не знал, что его снимают, и потому не догадался попозировать. У него были короткие черные волосы, аккуратно подстриженные усы и эспаньолка. Но при взгляде на галстук и носовой платок я потеряла к Прайсу всякое уважение. К блестящей черной рубашке он напялил галстук цвета фуксии и жилет в тонкую полоску, а платок, выглядывавший из кармана жилета, был скорее лиловый. Это решило дело. За такое сажать надо.

— Вы хотели меня видеть, мисс...

— Мисс... Фукс. Лили Фукс, — как ни в чем не бывало представилась я.

Охранник вышел вперед и положил камеру, найденную у меня в сумочке, Прайсу на стол.

— А мне она сказала, что ее зовут Лоис Лейн.^[17]

Печально. Я-то думала, он мне поверит.

Прайс поднялся и взял камеру. В его позе читалась угроза: он встал так, чтобы унижить и запугать меня. Я знала множество женщин, с которыми такая тактика сработала бы. Но сама к ним не принадлежала.

Я уселась напротив него; Прайс включил плазменный экран и просмотрел запись с камеры.

— Меня зовут Донна Уилсон, — донесся до меня собственный голос с другой стороны. В смысле, не с той, которая...

— Я послала эту запись десятку человек, включая моего адвоката, коллегу и мастера по педикюру.

Мастер по педикюру. Я с трудом сдерживала смех.

— Если я сегодня до девяти вечера не перезвоню каждому из них, они отнесут кассету в полицию. У меня есть неопровержимое доказательство, что Бенни Прайс, владелец и управляющий сети клубов «Конфетка», похищает детей и продает их в рабство за рубеж. Материал хранится в надежном месте, в банковской ячейке. У одного из десяти упомянутых мною человек есть ключ от ячейки, который он отнесет в полицию, если я до указанного времени не вернусь домой целой и невредимой.

Бенни на секунду замер в ошеломлении, потом выключил экран и протянул мне камеру. Похоже, мне удалось завладеть его вниманием, и я начала играть свою роль. Тяжело дыша, я вцепилась в сумочку — шикарный шелковый клатч, который мне одолжила Куки, — и подняла на Прайса решительный, хоть и немного наивный взгляд.

Едва ли мне светил приз зрительских симпатий клуба «Конфетка». Прайс был вне себя от злости, хотя умело это скрывал. Он сидел за столом, старательно напуская на себя невозмутимый вид.

— И какое же у вас доказательство? — поинтересовался он ледяным голосом.

Я потупилась, лихорадочно оглядела клатч, потом подняла глаза, надеясь, что не

переигрываю и в образе красавицы, внезапно очутившейся нос к носу с чудовищем, смотрюсь органично. Мне же надо продать Прайсу улики, а не брать его за глотку, заставляя их купить.

— От моего начальника, адвоката, которого застрелили пару дней назад, у меня осталась флешка. Он говорил, что на ней есть все доказательства, необходимые, чтобы упрятать Бенни Прайса — то есть вас — за решетку.

Тут Прайс успокоился. Уголки его рта подрагивали, и я поняла, что флешка у него. Неужели он настолько глуп, что...

Он открыл ящик стола и достал флешку:

— Вы об этой?

Да. Он действительно глуп. Моя душа пела во весь голос, а вот лицо усиленно изображало беспокойство. Из-за спины Прайса вышли Ангел и Сассмэн и показали мне большие пальцы. Камера записывала.

— Можно я теперь пойду посмотрю на стриптизерш? — спросил Ангел.

Скрипнув зубами, я бросила на него испепеляющий взгляд, старательно продолжая притворяться взволнованной. Прайс расплылся в широкой улыбке превосходства, свойственной боссам мафии и директорам частных лечебниц. Сассмэн отступил на шаг и уставился на него.

— Ах да, чуть не забыл. — Ангел подскочил ко мне и расстегнул верхнюю пуговицу моей слишком обтягивающей блузки, открывая взору Прайса и, надеюсь, камере мою грудь. Прайс мгновенно уставился на мою эрогенную зону. На Угрозу и Уилл Робинсон. Ничто так не отвлекает внимание. Когда он наконец пришел в себя, у меня из прически, словно по волшебству, выбилась прядь волос и упала на лицо.

Я нервно поправила очки.

— Уверяю вас, это другая. — Медленно и задумчиво облизав губы, я продолжала: — Он передал мне флешку. На ней наверняка... он сказал, что на ней улики. Там был пароль, но...

— Может, он дал вам не ту флешку? — вежливо предположил Прайс.

— Нет, это невозможно. Конечно, у него на столе всегда... тысячи флешек, но...

— Уж поверь мне, красавица, мой человек взял эту флешку у твоего начальника. Спустя несколько секунд после его смерти.

Красавица? Я ему что, лошадь скаковая? Мне казалось, мужчина, вокруг которого каждый день выются толпы красивых баб, мог бы придумать что-нибудь менее банальное.

Я изо всех сил притворялась, что нервничаю, на деле стараясь сохранять спокойствие. Прайс поднялся со своего места, подошел и встал передо мной, опершись о стол. Отчасти наверняка для того, чтобы удобнее было смотреть свысока, как извивается свежая жертва; все равно что наблюдать за муравьем, которого подожгли через лупу. Но главное — для того, чтобы присматривать за танцовщицами.

Улучив минуту, Ангел со злорадной ухмылочкой потянулся к следующей пуговице. Я сделала вид, что прикрываю блузку, и походя шлепнула его по руке. Мелкий извращенец. Ангел разочарованно насутился.

— Тебе деньги, что ли, нужны? — поинтересовался Прайс, и в голосе его был такой лед, что даже ад оказался бы бессилен его растопить. Прайс жестом велел блондину уйти.

Я сглотнула, якобы не в силах выдержать его взгляд, и кивнула.

Он протянул руку и снял мои очки. Прайс источал вину, в которой ничуть не раскаивался; его руки были по локоть в крови.

— И ты решила вот так просто явиться сюда и получить с меня денег?

— Да. У меня... неприятности. После гибели адвокатов в фирме, где я работаю, будет аудиторская проверка.

— Понятно, — кивнул он, сложил мои очки и положил на стол. — А ты, значит, плохо себя вела.

— Вы... убили их? Это сделали вы? — Я смотрела на него сквозь ресницы, не поднимая головы. Похоже, ему это нравилось.

— Нет, конечно. Для этого у меня есть специальные люди.

Черт. Что он все ходит вокруг да около? Мне нужно признание, а не его жалкое подобие, от которого он отвернется с помощью любого мало-мальски толкового адвоката.

Я попыталась подняться, но Бенни стоял слишком близко. Якобы ненароком я задела плечом его эрегированный член.

— Вы послали людей убить моих боссов? Но зачем вам это понадобилось?

Как большинство преступников, его подвела самонадеянность. Он сжал мою руку и помог мне встать.

— Потому что я могу это сделать.

Задохнувшись от ужаса, я попыталась вырваться из его лап. Старательно делая вид, будто стараюсь казаться спокойной, я произнесла:

— Я ухожу.

Но он только что раскололся. И ни за что на свете мне не суждено было уйти из его кабинета живой.

— Куда ты так спешишь?

— Если я не объявлюсь до девяти вечера, вас посадят.

Прайс взглянул на часы, притянул меня к себе и обнял за талию.

— Значит, у нас будут три незабываемых часа на то, чтобы выяснить, кто твои друзья.

Как ни странно, с каждой минутой мне было все проще притворяться испуганной. Я помотала головой, подавая знак Ангелу. Он кивнул и исчез; Сассмэн же по-прежнему стоял как вкопанный, и во взгляде его кипела ненависть.

— Если тебе так интересно — да, я убил всех трех адвокатов. — Прайс провел пальцем по моей ключице и груди. — Но это не значит, что ты будешь следующей.

Еще бы, конечно. Я с деланой беспомощностью толкнула его. Нет, правда, сколько нужно времени, чтобы ворваться в кабинет? Ангелу надо было лишь потянуть дядю Боба за галстук, подав сигнал послать группу захвата с пушками наперевес. Это же не операция на мозге.

— Вы хотите сказать, что мы могли бы договориться? — задыхаясь от страха, пропищала я.

Сальная улыбка скользнула по некогда красивому лицу Прайса. Лицу убийцы и похитителя детей, который продавал их в рабство. Или даже хуже. Он уверенно схватил меня за горло и потянулся губами к моему рту. Я решила, что недооценила противника.

Вдруг на столе у Прайса замигала красная лампочка. Он удивленно выпрямился; в комнату влетел его телохранитель.

— Копы, — сообщил он, и Прайс ошеломленно уставился на меня.

Наверно, нужно было не растеряться и сказать что-нибудь вроде: «Готовь вазелин». Но один взгляд на Прайса убедил меня, что лучше прикусить язык. В виде исключения. Вид у него был, мягко говоря, раздраженный. В мгновение ока его физиономия налилась кровью.

Не успела я предупредить его об опасности резких скачков давления, как он схватил меня за руку с такой силой, что едва не сломал мне кости, и пихнул на стену. Вот только это была не стена. За ней открывался темный коридор, с одной стороны облицованный двусторонними зеркалами. Нам было видно все, что происходит у него в кабинете.

Пока я боролась с Прайсом, группа захвата ворвалась в кабинет, повалила телохранителя на пол и принялась искать меня. Я набрала в грудь побольше воздуха, готовясь закричать, когда Прайс потащил меня по коридору, но его широкая ладонь довольно грубо зажала мне рот, мешая кричать и дышать. Что было скверно. Синий цвет мне не к лицу.

И тут я почувствовала Рейеса. Почувствовала еще до того, как заметила. Меня окатила жаркая волна, и я увидела, как он материализовался перед нами. Вихрящаяся пелена темного дыма, густого и осязаемого. Воздух был напитан его гневом, от которого закипали молекулы воды и покалывали мне кожу. От ужаса у меня перехватило горло. Как я объясню еще один труп с перерубленным позвоночником?

Поскольку я не могла прокричать то, что вертелось у меня на языке — что-то вроде «Лежать!», — то произнесла эту команду в уме. Рейес ведь раньше читал мои мысли. Может, и на этот раз получится.

«Не смей», — думала я. Изо всех сил. Стараясь спроецировать чувства на стену его гнева, вложить их ему в голову.

Высоко занесенный полумесяц его меча остановился на полпути; Рейес замер. Я не видела его лица, но чувствовала, что он смотрит на меня из-под капюшона.

«Даже не думай об этом, Рейес Фэрроу».

Он склонился к нам и зарычал на меня, но я не сдавалась. С трудом перебирая ногами, с саднящими легкими, я думала одно: «Только попробуй, и я тебе покажу».

Пелена тумана отступила, очевидно удивившись, что я посмела ему угрожать. Но у меня не было времени беспокоиться об этом. Или размышлять, как именно я бы осуществила угрозу.

Я вцепилась в руки Прайса, но безуспешно. Пора включать внутреннего ниндзя. Первым делом (надеюсь, что не последним) я собиралась пнуть его в голень. Грамотный удар в голень может свалить самого крепкого противника. Но на каблуках об этом можно забыть.

Я лихорадочно соображала, что же делать дальше, и вдруг почувствовала острую боль, которая пронзила мне шею и позвоночник. Из глаз у меня посыпались искры, и я услышала громкий хруст, который эхом отразился от стен. В мгновение ока я обмякла, как желе. Перед тем, как окончательно потерять сознание, я догадалась, что Прайс свернул мне шею. Урод.

* * *

Я была почти уверена, что услышу трубный глас, ангельское пение или даже голос мамы, приветствующей меня на том свете. Все же я была хорошим человеком. По большому счету. И разумеется, после смерти попала бы на небо.

Вместо этого я услышала, как капает вода, медленно и ровно, точно стук сердца, которому едва хватает сил биться. Почуяла грязь, в которую свалилась лицом, а еще бетон и химикаты. И вкус крови.

Спустя секунду я осознала, что Рейес рядом. Я чувствовала его. Силу. И жгучую ярость.

Моргнув, я открыла глаза и огляделась, стараясь не шевелиться — на случай, если Прайс поблизости. Не хотела, чтобы он увидел, что я очнулась, и попытался закончить начатое. Мы были в небольшой кладовой. Вдоль стен из шлакобетона тянулись полки с оборудованием и материалами для уборки. Рейес взгромоздился на одну из полок, удерживая равновесие на цыпочках, точно хищная птица, — не столько для того, чтобы следить за открытой дверью, сколько чтобы не смотреть на меня.

Да, он злился. На нем по-прежнему был темный плащ, но Рейес откинул капюшон, открыв лицо и волосы. Плащ облекал тело, ниспадал складками, словно в ожидании, как и его меч. Смертельное оружие было обнажено, и Рейес крепко сжимал рукоять, кончик которой упирался в бетонный пол. Я впервые его разглядела. Клинок был такой же, как у других мечей, только намного длиннее, а по краям шли устрашающие зубцы. Он напомнил мне две вещи. Средневековое орудие пыток и татуировку Рейеса.

— Я жива, — прохрипела я, поняв, что Прайса с нами в комнате нет.

— Еле-еле, — по-прежнему не глядя на меня, бросил Рейес.

Но как мне удалось уцелеть? Я подняла руку и потеряла горло:

— Он свернул мне шею.

— Он пытался сломать тебе шею.

— Мне показалось, ему это удалось.

Наконец Рейес повернулся ко мне. От его пристального взгляда у меня захватило дух.

— Ты не такая, как все, Датч. Это не так-то легко сделать.

А он вообще не похож ни на кого из тех, кого мне доводилось видеть. С минуту мы смотрели друг другу в глаза. Я пыталась вздохнуть, но без особенного успеха. Вдруг нас прервал мужской голос:

— Кто здесь?

Я с трудом приподнялась, дрожа всем телом, обернулась и увидела скорчившегося в углу мужчину с завязанными глазами. У него была седеющая борода и густые черные волосы. И воротник, как у католического священника.

— Отец Федерико? — спросила я.

Он замер, потом кивнул.

Какое счастье!

Он жив. Я жива. День становился лучше с каждой минутой. Пока мне в висок не уперлось дуло пистолета.

Не успела я повернуться к Прайсу, как раздался свист рассекаемого мечом воздуха. Так и не выстрелив, пистолет упал на пол, а Прайс согнулся, заорав от боли.

Вот черт. Папа меня убьет.

Стараясь держаться на безопасном расстоянии от Прайса, я подобрала с пола пистолет и отползла в сторону. Стоя на коленях, гангстер корчился от боли и раскачивался всем телом, вцепившись в запястье. Обычно люди с перерубленным позвоночником не раскачиваются всем телом, стоя на коленях. Я подняла глаза, но не успела и слова сказать, как Рейес растворился в воздухе в клубах темного дыма. И могу поклясться, что напоследок он улыбнулся мне.

— Что... что ты со мной сделала?

Хороший вопрос. Что Рейес с ним сделал? Как обычно, ни капли крови.

Заглянул Сассмэн, оценил состояние Прайса, одобрительно кивнул мне и снова исчез.

— Я не могу пошевелить пальцами. — Прайс рыдал, пуская слюни. Абсурдное зрелище.

Должно быть, Рейес перерезал ему сухожилия на запястье или что-то в этом роде. Круто.

По-прежнему держа бандита на мушке, я подползла к отцу Федерико и принялась его развязывать. Тут в кладовую влетел Ангел в сопровождении встрепанного дяди Боба. Интересно, как парню удалось его сюда привести.

За ними ворвались двое полицейских и повалили Прайса на пол. Дядя Боб опустился возле меня на колени.

— Чарли, — позвал он, и на его лице обозначились морщины тревоги. Большим пальцем он вытер мне губы. Наверно, там была кровь от того, что Прайс сдавил мне горло. — Как ты? Нормально?

— Шутишь? — спросила я, сражаясь с повязкой, закрывавшей глаза отца Федерико. — Я уже вся измучилась.

И тут случилось странное. Я словно очнулась. Дядя Боб забрал у меня пистолет, помог развязать отца Федерико, снял повязку; на лице священника была написана такая благодарность и облегчение, что это меня потрясло. Дядя Боб посмотрел на меня с нежностью и заботой, а я бросилась ему на грудь и цеплялась за него, пока не устала. Он раскрыл мне объятия, точно врата рая, только не такие блестящие.

Я испытывала невероятное облегчение. От того, что выжила. Нашла отца Федерико. Поймала Прайса. Спрятав лицо у Дибби на груди, я еле сдерживала слезы, угрожавшие хлынуть потоком и залить меня с головы до ног. Сейчас не время плакать. До чего же я бываю инфантильна.

Я почувствовала руку у себя на плече и догадалась, что это Гаррет.

— Ну теперь-то я могу пойти посмотреть на стриптизерш?

Я бросила взгляд из-за дядиного плеча на ухмыляющегося бескрылого Ангела. Я бы обняла и его, но уж очень странно выглядит, когда я при всех обнимаю призраков.

* * *

— Он потянул меня за галстук, — ответил дядя Боб, когда я спросила, как он нас нашел.

— Ангел потянул тебя за галстук?

— И привел прямо к тебе.

Мы сидели в конференц-зале в участке и просматривали признание Бенни Прайса. Было возмутительно поздно; мы прокрутили пленку примерно семь тысяч раз. Думаю, Гаррет в основном пялился на девочек. Они, похоже, неплохо знали свое дело.

— Вот что я тебе скажу, Дэвидсон: я потрясен, — пробормотал он, не отрывая глаз от экрана. — В такой заварухе яйца могут поседеть от страха.

— Ради бога — не яйца, а яичники. Которых у меня два.

Гаррет повернулся и уставился на меня с живым интересом и восхищением:

— Ты же в курсе, что я дипломированный гинеколог? Если твоим яичникам что-то понадобится...

Закатив глаза, я встала из-за стола и босиком поковыляла к двери. Я не стала никому говорить, что Прайс, пытаясь сбежать, едва не свернул мне шею, но не могла скрыть того факта, что на обратном пути к фургону вывихнула лодыжку. Чертовы шпильки. Теперь шея и лодыжка ужасно болели.

Тут появились Барбер и Элизабет с известием, что они нашли отца Федерико. Он в

больнице. Они были немного разочарованы, когда я сообщила им, что он там, потому что его туда отвезли мы. Состояние священника оставляло желать лучшего, но он выживет.

И все-таки день выдался удачный. Теперь у нас была флешка, видеозапись и показания отца Федерико. Скорее всего, Бенни Прайс остаток жизни проведет в тюрьме. Или, по крайней мере, значительную ее часть. Конечно, ему придется научиться пользоваться левой рукой, злорадно подумала я.

Разумеется, все почести достанутся дяде Бобу, но так и должно быть. Зато нам очень помогло в плане прикрытия то, что я частный детектив. Больше не придется выдумывать предлоги, почему я оказалась на месте преступления и какие даю консультации. Я частный детектив, и этим все сказано. Стоит мне представиться, и все вопросы отпадают.

— Ты их так и не представила, — окликнул меня Гаррет.

Я обернулась, вопросительно приподняв брови.

Гаррет расплылся в ухмылке.

— Ты познакомила меня с Угрозой и Уилл Робинсон, но забыла представить вторую парочку. — Он опустил взгляд на мой живот.

— Хорошо, — нетерпеливо вздохнула я. — Но не вздумай смеяться над их именами. Они такие ранимые.

Он поднял руки:

— Не буду.

Предостерегающе заворчав, я ткнула пальцем куда-то в область левого яичника:

— Это Улыбнись. — Потом указала на правый. — А это Скотти.

Гаррет прыснул и закрыл лицо руками. Сам напросился.

— Подожди меня, — попросил дядя Боб. Он предложил отвезти меня домой, потому что моя нога была забинтована и обложена льдом.

— Молодец Дэвидсон, — обронил один из полицейских, когда я выходила из зала. В участке оставалась горстка людей, которые улыбались мне и одобрительно кивали. Они меня так поздравляли. После того, как годами косились и шушукались за моей спиной, все это немного пугало.

— Завтра пригоним твой джип, — добавил Гаррет, выходя за нами из участка. Он помог мне забраться в машину Дибби и, прежде чем закрыть дверь, проследил, чтобы я пристегнула ремень.

— Молодец, — произнес он одними губами, когда мы выезжали со стоянки. Меня передернуло.

Очутившись дома, я почувствовала себя в тысячу раз лучше. Я не представляла, до чего устала. Дядя Боб помог мне войти и дождался, пока я переоделась в пижаму, чтобы еще раз взглянуть на лодыжку.

Едва я переоделась, как в спальне объявились адвокаты.

— Мы распутали дело, — лучась от счастья, проговорила Элизабет.

— Да, мы молодцы. — Я шагнула к ней, и Элизабет заключила меня в ледяные объятия.

— И что теперь? — поинтересовался Барбер.

Я печально посмотрела на него:

— Теперь вы перейдете.

Элизабет обернулась и подошла к нему:

— Ну, если будешь на кладбище, то я на новой половине, в первой могиле справа.

Он рассмеялся:

— А я в другой стороне. Мои похороны прошли... мило.

— Мои тоже.

— Может, я и не права, — вмешалась я, сдерживая смех, — если так, не возвращайтесь и не преследуйте меня, — но я уверена, что там, куда вы уйдете, вы еще увидите. Есть у меня сильное подозрение, что друзья и любимые не расстанутся и на том свете.

— Все это так странно, — заметила Элизабет. — Мне почему-то хочется перейти. Такое чувство, будто у меня нет выбора.

— У меня то же самое, — подтвердил Барбер и взял ее за руку, словно бросил якорь.

— Туда всех тянет, — объяснила я. — Как вы думаете, почему вас так мало на земле? Там тепло и прекрасно. Ваше место там.

Они с улыбкой переглянулись и, не говоря ни слова, ушли.

Наблюдать за переходом в иной мир — все равно что смотреть, как люди исчезают на глазах. Я чувствовала их, когда они проходили сквозь меня. Их эмоции. Их страхи. Их надежды и мечты. Никто не испытывал ненависти, зависти или злобы. Чаще всего я ощущала всепоглощающую любовь. Каждый раз, как через меня уходил призрак, крепла моя вера в человечество.

Элизабет оставила все, что у нее было, племянницам и племяннику, а Барбер несколько лет назад обзавелся страховкой на огромную сумму. Его мать будет очень богата. Я была уверена, что она предпочла бы, чтобы сын жил, но надеялась, что это ее хоть немного утешит. В конце концов Барбер, как Элизабет и Сассмэн, тоже написал матери письмо, и хоть оно было не такое... трогательное, наверняка мать была ему благодарна.

Я обернулась к Сассмэну:

— А что же вы?

Он смотрел в окно. Понурился, ответил:

— Я не могу уйти.

— Патрик, у них все будет нормально.

— Знаю. Я уйду, но не сейчас.

Не успела я возразить, как он исчез.

— Привет, глупышка.

Обернувшись к бабушке Лиллиан, я чуть не взвизгнула, увидев, с кем она заявила. Вместо этого заставила себя улыбнуться и проговорила:

— Привет, ба, здравствуйте, мистер Хабершем.

Мистер Хабершем — призрак из квартиры 2В, из-за которого мне пришлось выдумать потусторонний репеллент.

Они хихикали и строили друг другу глазки; я раскрыла рот от удивления.

Морщинистое лицо бабушки Лиллиан светилось от счастья.

— Сейчас мы идем в «Маргарита-гриль» нюхать лобстера, потом любоваться закатом, а в промежутке займемся жарким, опасным, разнузданным сексом.

Чтооооо? Я поперхнулась внутренним монологом. Ушам своим не верю! Неужели в «Маргарита-гриль» подают лобстеров?

— Конечно, ба, хорошо вам повеселиться!

Если честно, меня передернуло от отвращения при мысли о том, что эти двое займутся жарким, опасным, разнузданным сексом, учитывая, что у бабушки нет зубов. Нет, серьезно, у них же температура тела ниже нуля. О каком жаре может идти речь?

Я проковыляла обратно в гостиную, размышляя, стоит ли рассказать Диби, чем

собирается заняться его двоюродная бабушка, но решила, что не стоит.

— И как тебе только бог помог, — покачал головой дядя Боб, разматывая мою лодыжку. — Пьяный хулиган едва не превратил твое лицо в отбивную, потом ты свалилась с трехметровой высоты, тебя два раза пытались убить — и все это, чтобы в конце концов свалиться из-за какого-то жалкого каблука. Так и знал, что эти штуки опасны.

— Наследственная предрасположенность к душевным заболеваниям тоже опасна, но ты вроде не жалуешься.

Он хмыкнул и бросил повязку на мой потрепанный диван.

— Отек спал. Почти. Удивительно.

Отек спал. Похоже, Рейес был прав. По сравнению с остальными на мне все заживает, как на собаке. И меня не так-то просто убить. Очевидно.

— Тогда не перевязывай. Мне гораздо лучше.

— Ладно, я пошел. Но мне нужно тебе кое-что сказать, — добавил дядя Боб, поднимаясь и направляясь к двери. — Кстати, я позвонил своей знакомой судьбе. Она занимается твоим ходатайством.

Облегчение охватило каждую клеточку моего тела. Осталось выяснить, как окончательно отменить решение властей на случай, если Рейес так и не выйдет из комы.

— Еще нам звонили из больницы. Отец Федерико идет на поправку и передает огромное спасибо. Тедди сейчас с ним. Если найдется время, навести его, он будет рад с тобой повидаться. — Дядя развернулся и снова направился к двери, но остановился и почесал голову. — Завтра с утра окружной прокурор первым делом оформит документы на освобождение Марка Уира. — Он снова пошел к двери и снова остановился. Я старалась не рассмеяться. Такими темпами он никогда не попадет домой.

— Ах да, — вспомнил он, достал блокнот и пролистал страницы. — Хулиган, который вчера едва тебя не уколол, тот самый Зик Хершел, вполне мог стать серийным убийцей. Ты не первая, на кого он напал. Слава богу, что ты положила этому конец.

У меня перехватило дыхание, легкие точно свело параличом, а по спине побежали мурашки.

— Что... что ты имеешь в виду?

— Сегодня к нему домой вызвали полицию. Его жену нашли в спальне в луже крови.

Свет померк у меня перед глазами и земля ушла из-под ног.

— Одно из самых страшных бытовых убийств, которые я когда-либо видел.

Я боролась с силой тяжести, шоком и истерическим, ничего не желавшим слушать ужасом. Но действительность оказалась сильнее меня: она играючи нанесла мне сокрушительный удар.

— Это невозможно.

— Что? — Дядя Боб поднял глаза и шагнул ко мне.

— Жена Хершела. Это не могла быть она.

— Ты ее знала?

— Ну... немного.

Она не могла умереть. Я лично отвезла ее в аэропорт. А сразу после этого встретила в баре с Хершелом. Не может быть, чтобы это была Роза.

— Чарли. — Меня насторожил суровый тон дяди Боба. — Ты ее знала? Есть что-то, что мне нужно знать об этом деле?

— Ты ошибся. Это не его жена. Наверно, это кто-то еще.

Дядя Боб вздохнул. С такими возражениями ему приходится сталкиваться каждый день.

— Это миссис Хершел, милая. Ее тетя встревожилась, что от племянницы нет вестей, и прилетела из Мексики. Сегодня днем она опознала тело.

Я в оцепенении опустилась на диван и погрузилась в свои мысли. Не помню, ушел ли дядя Боб. Не помню, спала я или бодрствовала. Не помню, как сползла на пол и укуталась в одеяло, сложенное в углу. Не помню, когда — я не имею в виду точное время — я превратилась в клиническую идиотку, каковой, увы, и остаюсь по сей день.

Не суй нос в дела драконов: ты хрустящий, а с кетчупом — очень вкусный.

Наклейка на бампер

Нет, это неправда. Я помню точный момент, когда превратилась в законченную, клиническую идиотку, которой нельзя позволить жевать на ходу жвачку, не говоря уже о том, чтобы вообще выпускать одну на улицы Альбукерке. Я сею смерть и разрушение с того самого дня, как появилась на свет. Даже моя мать оказалась беспомощной перед моим пагубным влиянием. Она умерла из-за меня. Я необратимо портила жизнь всем, кого знала.

Моя мачеха это понимала. Она пыталась меня предостеречь. Но я не послушала.

Мы гуляли в парке — моя мачеха Дениз, Джемма и я. Еще там была миссис Джонсон, как и каждый день вот уже два месяца; она вглядывалась в ряды деревьев, точно надеялась заметить свою пропавшую дочь. На плечи миссис Джонсон набросила свой неизменный серый свитер и куталась в него с таким отчаянием, словно боялась, что если он распахнется, ее душа вылетит из тела и ей никогда не удастся ее поймать. Тусклые каштановые волосы женщины были кое-как собраны в пучок, из которого во все стороны торчали пряди. Дениз, позабыв обычный эгоизм, сидела возле нее, пытаюсь завязать разговор, но получалось плохо.

Мачеха предупреждала меня, чтобы я не рассказывала о призраках при посторонних. Она говорила, что мое «воображение» расстраивает людей, и несколько раз пыталась убедить отца сдать меня в психушку. Но к тому времени папа уже начинал верить в мои способности.

В общем, нельзя сказать, чтобы я не понимала, что говорить об этом не стоит. Но миссис Джонсон была убита горем. Она устремила невидящий взгляд в пространство, а лицо ее стало почти таким же серым, как свитер. И я подумала, что ей хотелось бы знать, где ее дочь. Вот и все.

Я подбежала к бедняжке, улыбаясь во весь рот. Ведь я несла ей лучшую новость, которую она так давно хотела услышать. Потянув ее за свитер, я указала на полянку, где играла ее дочь, и проговорила: «Вон она, миссис Джонсон. Бьянка вон там. Она вам машет. Привет, Бьянка!»

Я помахала девочке в ответ. Миссис Джонсон, задыхаясь, вскочила на ноги. Схватившись за горло, она безумным взглядом искала свою дочь.

— Бьянка! — пронзительно вскрикнула она, бросилась вперед и, спотыкаясь, побежала по парку. Я думала отвести ее туда, где играла Бьянка, но Дениз схватила меня. С помертвевшим от стыда лицом она смотрела, как миссис Джонсон бежит по поляне, истошно выкрикивая имя дочери. Мачеха крикнула какому-то мальчишке, чтобы он вызвал полицию, и помчалась за ней.

Когда приехала полиция, Дениз еще не оправилась от потрясения. Папа тоже приехал по ее звонку. Полицейские нашли миссис Джонсон, привели ее обратно и пытались выяснить, что случилось. Но папа уже все знал. Он склонил голову от чувства, странно напоминавшего стыд. И тут все начали на меня орать. Я видела только ноги, пальцы, рты, кричавшие мое имя. Как я могла? О чем я думала? Неужели не понимаю, что миссис

Джонсон сейчас нелегко?

Дениз стояла впереди всех; она плакала, дрожала и проклинала тот день, когда стала моей мачехой. Ее ногти впились мне в руку, когда она встряхнула меня, чтобы я внимательно слушала, и на лице ее была написана нескрываемая досада.

Я так растерялась, обиделась и настолько была потрясена ее предательством, что замкнулась в себе.

— Ну мам, — прошептала я сквозь горькие слезы, на которые всем было наплевать, и в первую очередь моей мачехе, — вон же она.

Я моргнуть не успела, как Дениз влепила мне пощечину. Сперва я не почувствовала боли — только сопротивление, с которым моя щека встретила удар. Потом перед глазами потемнело: мозг наконец обработал звонкий шлепок, с которым рука мачехи ударила меня по лицу. После этого я очнулась и увидела перед собой Дениз; ее губы кривились, выплевывая злые слова. Я едва различала ее сквозь потоки слез, туманивших взгляд. Я смотрела на разъяренных людей, расплывавшихся у меня перед глазами; на лицах у всех была написана злость.

Потом появился Злой, то есть Рейес, в еще большем гневе, чем все, кто меня окружал. Но злился он не на меня. Если бы я ему позволила, он разрубил бы мачеху напополам. Я знала это так же верно, как то, что завтра снова взойдет солнце. Я шепотом умоляла его не причинять ей вреда. Пыталась объяснить, что сама во всем виновата. Что заслужила гнев людей, обступивших меня. Ведь Дениз предупреждала, чтобы я не говорила о призраках при всех. Но я не слушала. Рейес колебался. Потом с оглушительным рычанием исчез, оставив после себя земляной запах и пряный, необычный вкус.

Тут папа шагнул вперед, обнял Дениз за плечи и повел к машине. Мачеха тряслась от рыданий. Копы допрашивали меня целую вечность, но я больше не собиралась об этом говорить. Не понимая толком, в чем провинилась, я закрыла рот на замок и не проронила ни слова. И с тех пор никогда не звала Дениз мамой.

Урок был жестокий, но я его не забыла.

Две недели спустя я в одиночку улизнула в парк. Сидела на скамейке и смотрела, как играет Бьянка. Она махнула мне, приглашая присоединиться к ней, но мне по-прежнему было слишком грустно.

— Пожалуйста, скажи мне, — проговорила у меня за спиной миссис Джонсон, — Бьянка еще здесь?

Она испугала меня; я вскочила со скамейки и с опаской уставилась на нее широко раскрытыми от волнения глазами. Миссис Джонсон смотрела туда, где Бьянка играла в самодельной песочнице под деревьями.

— Нет, миссис Джонсон, — немного успокоившись, ответила я. — Я ничего не видела.

— Пожалуйста, — умоляла она. — Пожалуйста, скажи мне. — По ее щекам текли потоки слез.

— Не могу. — Мой голос превратился в испуганный шепот. — Меня накажут.

— Шарлотта, милая, я лишь хочу знать, что ей там хорошо. — Миссис Джонсон шагнула ко мне и, затаив дыхание, встала на колени.

Я развернулась, убежала и спряталась за мусорным ящиком, а миссис Джонсон осела на скамейку и зарыдала. Возле нее появилась Бьянка и крохотной ручкой погладила маму по голове.

Я все понимала. Я знала, что нельзя никому ничего говорить, знала о последствиях, но

все равно не удержалась. Подкравшись к скамейке, спряталась сзади в кустах и шепнула: «Ей хорошо, миссис Джонсон».

Обернувшись, женщина вытягивала шею и вертела головой, чтобы рассмотреть меня в кустах за скамейкой.

— Чарли?

— Я не Чарли. Меня зовут капитан Кирк. — Я не самый сообразительный человек на свете. — Бьянка попросила меня сказать вам, чтобы вы не забыли покормить Родни и что ей жаль, что она разбила фарфоровую чашку вашей бабушки. Она думала, Родни будет лучше вести себя за столом.

Миссис Джонсон порывисто зажала рот ладонью. Она встала, обогнула скамейку, но я не собиралась снова попадаться. Я выпрыгнула из кустов и помчалась домой, поклявшись себе больше никогда не разговаривать о призраках. Но миссис Джонсон побежала за мной! Догнала и подхватила на руки, как орел, поймавший в озере добычу себе на обед.

Я хотела было заорать, но миссис Джонсон меня обняла. И долго-долго не отпускала. Неудержимые рыдания сотрясали ее тело. Мы опустились на землю. Бьянка стояла рядом с нами, улыбалась и гладила маму по голове. А потом девочка вплыла в меня. Я поняла, что она сказала маме все, что хотела — очевидно, чашка много для нее значила, — и почувствовала, что может уйти. От нее пахло грейпфрутовой газировкой и кукурузными чипсами.

Миссис Джонсон укачивала меня еще некоторое время, пока не подъехал отец на патрульной машине. Женщина замерла и посмотрела на меня:

— Где она, милая? Она тебе сказала?

Я опустила голову. Я не хотела говорить, но, похоже, ей нужно было знать.

— Она у ветряной мельницы за деревьями. Ее искали не там.

Миссис Джонсон еще поплакала, потом обсудила все, что случилось, с моим отцом. Поодаль я заметила Злого; его черный плащ раздувался, как парус на ветру, и казался шириной с три больших дерева. Злой был великолепен, и он был единственным в моей жизни, кого я по-настоящему боялась. Когда миссис Джонсон подошла, чтобы еще раз меня обнять, он растворился в воздухе. В тот же день нашли тело Бьянки. На следующий день я получила огромную связку воздушных шаров и новый велосипед, но Дениз не разрешила мне его оставить. С тех пор каждый год в день рождения Бьянки мне присылали связку ярких шаров и открытку, в которой было всего одно слово: «Спасибо».

Из случившегося я вынесла два убеждения. Большинство людей — даже самые близкие — никогда не поверят в мои способности. А еще — что им не понять непреодолимую потребность тех, кто остался, узнать правду.

Пусть все закончилось благополучно, но в тот день я причинила людям немало горя. И после тоже. Мне следовало удостовериться, что Розы Хершел села на самолет. Нужно было проводить ее до пункта контроля и сунуть кому-нибудь из служащих двадцатку, чтобы они проследили, что она никуда не делась. До посадки Зик не мог ее найти. Он был со мной. Неужели она передумала? Скорее всего, нет. Она, точно ребенок в кондитерской, радовалась новой жизни, которая ждала ее. Бремя постоянной угрозы побоев уже упало с ее плеч. Нет, она не передумала. А я, вместо того чтобы защищать клиентку, уворачивалась от правого уха ее подонка мужа.

В этом-то и загвоздка. Розы доверила мне свою жизнь. А я ее подвела, снова все испортила, да так, что хуже некуда.

Я почувствовала, что в другом конце комнаты стоит Ангел, и посмотрела на него сквозь полуприкрытые ресницы. Он поглядывал исподлобья куда-то в пространство справа от меня, туда, где был Рейес. Я осознала, что он тоже здесь, в темноте, молча сидит рядом. Не прикасаясь ко мне, ничего не требуя. Жар с него как ветром сдуло, точно песок с дюны.

Ангел не рискнет подойти ближе. Только не при Рейесе. Парень его боится. Я начинала понимать, что Рейес — не обычный человек. Он пугал даже призраков. Я зарылась лицом в одеяло.

— Ты мог бы мне рассказать, — упрекнула я Ангела. Сквозь плотную ткань голос звучал приглушенно.

— Я знал, что ты расстроишься.

— И поэтому два дня носу не показывал.

Я буквально почувствовала, как он пожал плечами.

— Я догадался, что ты уверена, будто она улетела. И что никто и никогда ее не найдет.

— На полу спальни в луже собственной крови?

— Да, об этом я как-то не подумал.

— Я желала ей счастья, — пояснила я. — Я все спланировала. Она хотела открыть отель, снова подружиться с тетей и жить счастливее, чем прежде.

— Она стала счастливее, чем прежде. Просто не так, как ты думала. Если бы ты знала, как здесь все на самом деле, ты бы так не переживала.

Я вздохнула. Почему-то слова Ангела меня не успокоили.

— Что случилось?

— Она все сделала правильно, как ты ее учила, — сказал он. — Оставила ужин на медленном огне на плите. Косметичку с кошельком — на тумбочке у кровати. Туфли и плащ — в прихожей. Муж никогда бы не заподозрил, что она сбежала. Он бы думал, что с ней что-то случилось.

— Тогда почему все пошло не так? В чем же дело?

— Детское одеяльце.

Я резко подняла голову. Ангел отколупывал краску со стенки буфета, изо всех сил стараясь не смотреть на Рейеса.

— Она вернулась за одеяльцем для ребенка, — объяснил он.

— Но у нее же нет ребенка, — удивилась я.

— Был бы, если бы этот подонок не засадил ей кулаком в живот.

Я снова спрятала голову в одеяло, стараясь сдержать жгучие слезы.

— Розы сама его связала. Желтое, потому что не знала, кто будет — мальчик или девочка. Она потеряла ребенка в тот вечер, когда, собравшись с духом, сообщила мужу, что беременна.

Я крепко зажмурилась, и по моим щекам побежали самые беспомощные слезы в моей жизни. Одеяло впитывало их, и я всем сердцем желала, чтобы оно впитало и меня. Проглотило целиком, а потом выплюнуло горькие кости. Зачем я вообще живу на земле? Чтобы позорить себя и свою семью? Чтобы причинять боль людям, с которыми даже не знакома?

— Но ведь Зик Хершел был за решеткой, — промямлила я, не в силах смириться со случившимся.

— Не успел он очутиться в камере, как за него внесли залог; поручитель — его двоюродный брат.

Я это знала, но не могла предвидеть, что Роза вернется.

— Хершел застал ее, когда она уходила из дома во второй раз. Он по ее глазам догадался, что она задумала. — Ангел закусил нижнюю губу, потом продолжил: — После того как этот подонок... сделал то, что сделал, он нашел у нее в кармане твою визитку и обо всем догадался.

Повисло долгое молчание. Я в отчаянии размышляла над тем, зачем живу. У меня возникло отчетливое ощущение, что в качестве ангела смерти я что-то делаю не так. Может, проблема в этом. Может, тут вообще ничего нельзя сделать. Может, я должна жить, не пытаясь помочь людям справиться с трудностями — ни живым, ни мертвым.

— Ты же знаешь, что тут нет твоей вины, — спустя некоторое время произнес Ангел.

— Да, — устало вздохнула я, и меня охватило уныние. — Разумеется. Роза, конечно, сама виновата. Так и запишем.

— Я не это имел в виду. Я понимаю, каково тебе. Ты взвалила все себе на плечи, как тот парень, который держал мир, а не надо было. У тебя сил меньше.

— А для чего, по-твоему, я здесь? — спросила я. У Ангела. Тринадцатилетнего мертвого гангстера.

— Наверно, потому что так должно было быть.

— Да, конечно, как-то об этом не задумывалась.

— А ты как считаешь, зачем живешь?

— Чтобы сеять среди людей ужас и запустение, — ответила я. — Неужели не понятно?

— Если хочешь знать... — Слабая улыбка приподняла уголки его губ.

Рейес пошевелился, и Ангел испуганно оглянулся на него.

— Для чего, по-твоему, он здесь? — спросила я Ангела, кивнув на Рейеса.

Ангел задумался, а потом сказал:

— Чтобы сеять среди людей ужас и запустение.

Он не добавил «неужели не понятно», и я окончательно уверилась в том, что парень не шутит.

Я бросила взгляд на Рейеса. Он пристально смотрел на Ангела, словно хотел его от чего-то предостеречь.

— Я пошел, — проговорил Ангел. — Мама с утра собралась в парикмахерскую. Хочу посмотреть, как ее будут стричь.

Он придумывал отмазки и послабее, но такое случалось редко.

— В следующий раз не будешь от меня ничего скрывать?

Он игриво подмигнул мне:

— Посмотрим.

И ушел.

— По-твоему, для чего я здесь? — спросила я Рейеса, когда он сел возле меня. Рейес не ответил. Как и следовало ожидать. — Ты спас мне жизнь. Еще раз. Ты собираешься вообще выходить из комы? Не знаю, надолго ли у меня получится отменить решение штата.

Тут я наконец осознала, что он возле меня, и мое сердце забилося быстрее. Теперь, когда мы остались одни, оно взмыло ввысь, не обращая внимания на притаившиеся поблизости звезды. Исходившая от Рейеса сила была осязаема, она обволакивала, наэлектризовывала атмосферу, возбуждала. Он не двигался, но я чувствовала его всем телом.

Стараясь сохранять хладнокровие — хотя бы его остатки, я спросила:

— А кто ты, Рейес Эрроу?

Не говоря ни слова, он протянул руку, ухватился за одеяло, сорвал его с меня, согревая мою кожу своим теплом. Я потянулась к нему, провела пальцами по шелковистым контурам и изгибам, образовывавшим его татуировку. Она была одновременно авангардной и примитивной — сочетание переплетающихся решеток, на концах которых были острия, как на лезвии его меча, и плавных изгибов, что обвивали его бицепс и убегали под рукав рубашки. Татуировка была одной большой картиной: она покрывала его лопатки, плечи и обе руки. Она что-то значила. Что-то большое. Что-то... важное.

Вдруг я растерялась. Почувствовала себя словно Алиса в Стране чудес; я ковыляла вдоль изгибов, опасаясь, что не найду выход. Это была карта входа. Я видела ее в прошлой жизни, и с ней не связывались приятные воспоминания. Скорее, это было предостережение. Знак.

Тут меня осенило. Заедавшие, запутанные, точно лабиринт, механизмы замка наконец поддались, дверь открылась, а за ней оказалась непроглядная тьма.

Это был ключ от врат ада.

Вздрагнув от потрясения, я пришла в себя. Задыхаясь, словно утопающий, я вынырнула на поверхность и жадно хватала ртом воздух. Я обернулась к Рейесу, в ужасе посмотрела на него и медленно, очень медленно, отстранилась.

Но он все понял. Я догадалась, кто он, и Рейес это понял. Его глаза блеснули, и он схватил меня, молниеносно, точно кобра, которая бросается на добычу. Я пыталась вырваться из его рук, но он взял меня за щиколотки и подтянул к себе. В мгновение ока он оказался на мне, прижал меня к полу и держал, а я извивалась под ним, царапалась и кусалась, борясь за свободу. Но Рейес был слишком силен и проворен. Он двигался точно ветер и предупреждал все мои попытки вырваться.

Минуту спустя я усилием воли заставила себя утихнуть, успокоить бешено колотившееся сердце. Рейес прижал мои руки к полу у меня за головой, а его тело, стройное и крепкое, сдержало бы меня, реши я снова сопротивляться. Я распласталась на полу и с опаской поглядывала на Рейеса; в голове у меня в разных направлениях проносились сотни мыслей, и я с трудом переводила дыхание под тяжестью его тела. По его лицу скользнуло странное, тревожное выражение. Неужели... стыд?

— Я — не он, — отводя взгляд, процедил Рейес сквозь зубы.

Он лгал. Другого объяснения быть не могло.

— Кто же еще носит такую отметину? — спросила я, стараясь казаться возмущенной, а не уязвленной, не обманутой в своих чувствах, не ошеломленной. Я приподняла голову и приблизила лицо к его лицу. Рейес пах, как воздух в грозу, когда вот-вот должен начаться дождь. И, как всегда, от него исходило невероятное тепло, которое почти обжигало мою кожу. Он задышался. Это должно было смягчить меня, но не смягчило. — Кто еще на этом или на том свете?

Он не ответил, и я снова попыталась, извиваясь, выползти из-под него.

— Перестань, — сказал Рейес, и в его грубом, хриплом голосе сквозила боль. Он крепче стиснул мои запястья. — Я не он.

Я опустила голову на пол и закрыла глаза. Рейес подвинулся, чтобы крепче меня держать.

— Кто еще на этом или на том свете носит такую отметину? — повторила я и бросила на него обвиняющий взгляд. — Знак зверя. Чье еще тело заклеено ключом от врат ада? Кто ты, если не он?

Рейес уткнулся головой в мое плечо, словно хотел спрятать лицо. Он глубоко вздохнул,

и его дыхание коснулось моей щеки. Потом он заговорил, и в голосе его слышалось столько стыда, столько возмущения, что только усилием воли мне удалось сдержаться и не задрожать. Но от его слов у меня перехватило дыхание.

— Его сын. — Он поднял глаза, всмотрелся в мое лицо, стараясь понять, верю ли я ему. — Я его сын.

Я содрогнулась всем телом. То, что он говорил, было невысказано.

— Я веками прятался от него, — продолжал Рейес, — ждал, когда на землю пришьют тебя, когда ты родишься. Господь не часто посылает ангела смерти, и каждый раз до тебя я испытывал невероятное разочарование, меня мучила боль утраты.

Я заморгала в замешательстве. Откуда он все это знал? Но задала вопрос, который показался важнее:

— Почему же ты испытывал разочарование?

Прежде чем ответить, он отвернулся, словно стыдясь своих чувств:

— Почему земля жаждет солнечного тепла?

Я нахмурилась, пытаюсь понять.

— Или деревья мечтают об объятиях дождя?

Я покачала головой, но он продолжал:

— Узнав, что Он собирается прислать тебя, я выбрал семью и тоже пришел на землю. Чтобы ждать. И следить.

Я пораженно уточнила, не веря своим ушам:

— Ты выбрал Эрла Уокера?

Уголки его губ приподнялись в улыбке; Рейес посмотрел мне в глаза, высвободил руку, провел кончиками пальцев по моей руке и коснулся шеи.

— Нет, — ответил он, не сводя с меня зачарованного взгляда. — Меня похитили у родителей и потом продали Эрлу Уокеру. Я знал, что в человеческом облике не буду помнить о прошлом, и отдал все, чтобы быть с тобой. Я не догадывался, кто я... и что я, пока на годы не попал в тюрьму. Осознание приходило постепенно, обрывками снов и воспоминаний, точно мозаика, которую собирают десятилетиями.

— Ты не помнил, кто ты, когда родился?

Рейес ослабил хватку, но лишь чуть-чуть.

— Нет. Но я хорошо искал. Мое детство должно было быть безоблачным и спокойным, мне предстояло ходить в те же школы, что и ты, в тот же колледж. Я знал, что в облике человека не смогу повлиять на судьбу, но хотел попытаться счастья.

— Но ты же его сын, — заметила я, изо всех сил стараясь пробудить в себе ненависть к нему. — Ты сын Сатаны. В буквальном смысле.

— А ты падчерица Дениз Дэвидсон.

Ого. Грубовато, конечно, но...

— Согласна.

— Разве не все мы в той же — если не большей — степени продукты мира, в котором родились, что и родителей, которым были посланы?

Все годы, проведенные в колледже, я слышала споры о том, что первично — наследственность или воспитание, но сейчас мне было трудно определиться.

— Сатана... это же зло.

— И ты решила, что я тоже зло?

— Каков отец, таков и сын, — бросила я.

Рейес перенес вес тела на бок. Его движение всколыхнуло во мне прежний вихрь желаний, и я еле удержалась, чтобы не обхватить ногами его поясницу, замком повиснуть на нем и выбросить ключ.

— Я кажусь тебе злом? — бархатным голосом поинтересовался он, не сводя глаз с жилки, бьющейся у меня на шее. Он прикасался к ней, словно человеческая жизнь приводила его в восхищение.

— У тебя есть явная склонность перерубать людям позвоночник.

— Только ради тебя.

Жутковато, но отчего-то романтично.

— И ты сидишь в тюрьме за убийство Эрла Уокера.

Рейес опустил голову, скользнул взглядом по Уилл Робинсон и уставился на нижний край моего свитера. Потом поднял глаза, провел ладонью по обнаженной коже; дрожь удовольствия пробежала по моему телу и достигла самых укромных его уголков.

— Да, это проблема, — признался он.

— Это сделал ты?

— Спросишь у Эрла Уокера, когда я его найду.

Вне всякого сомнения, старый пройдоха отправился напрямиком в ад.

— Ты сможешь вернуться? Сможешь пойти в ад и найти его? Разве ты не скрываешься?

Его рука скользнула выше, обхватила Уилл, кончиками пальцев теребя напрягшийся сосок. Я подавила вздох наслаждения.

— Он не в аду.

Я удивленно возразила:

— Не мог же он отправиться в противоположную сторону?

— Нет, — ответил Рейес, потянулся ко мне, нашел губами все тот же бьющийся пульс на шее и покрыл его частыми жаркими поцелуями.

— Значит, он все еще на земле?

Я из последних сил старалась сосредоточиться, но, похоже, Рейес был категорически против этого. Я кожей почувствовала, как он улыбается.

— Да.

— Вот как. Так почему же ты прячешься от отца? — задыхаясь, спросила я.

— От Эрла Уокера?

— Нет, от другого.

У меня накопилось столько вопросов. Я хотела знать о нем все. О его жизни. И о его... прошлом.

— Прятался, — ответил Рейес, покусывая мою мочку. У меня по спине побежали мурашки.

— Прятался? — повторила я за ним, стараясь отвлечься, не замечать захлестывавшие меня волны наслаждения.

— Да. Прятался.

— Объясни.

— Если хочешь. Но я бы лучше занялся вот чем.

— О боож...

Его рука спустилась к моим пижамным штанам, скользнула внутрь, нашла нежную точку и принялась ее ласкать. Я дрожала всем телом, когда пальцы Рейеса касались шелковистых складок. Когда же они устремились глубже, я содрогнулась: настолько

сильным было наслаждение.

Сын Сатаны. Сын Сатаны.

Его пальцы продолжали гладить чуткую плоть между моих ног, а его губы — великолепные, совершенные губы — спускались ниже и уже пощипывали Угрозу. Я лишь успела осознать, что вдруг оказалась наполовину раздета и беззащитна перед одним из самых могущественных существ на земле. Я даже не помнила, когда он успел меня раздеть. Может, его сверхъестественная сила распространяется и на это, не только на позвоночники?

Я высвободила руки из его хватки и запустила пальцы в его волосы. Притянув Рейеса к себе, я поцеловала его с желанием и страстью, копившейся годами. Этот поцелуй предназначался только ему — особенный поцелуй, который я хранила для такого случая. Я смаковала языком его нежный вкус, а Рейес наклонил голову и глубже погрузился в меня, вбирая мою суть, мою жизненную силу.

Я впервые ощутила его, не погружаясь в океан такого безумного желания, что мне с трудом удавалось не уплыть в беспмятство. Мне не мешало это — я просто чувствовала чуть больше власти над собой, мое сознание было чуть яснее. Он казался таким реальным, таким осязаемым. Это был не сон. И не внетелесный опыт. Это был Рейес Фэрроу во плоти — настолько, насколько возможно, учитывая, что он лежал в коме в часе езды отсюда. Нас окутывало марево, как жар от печи. Рейес зарычал, и я приподнялась, помогая ему меня раздеть; я брыкалась, спуская трусики вниз по ногам. Секунду спустя Рейес прервал поцелуй, сорвал с меня трусы и швырнул в мистера Вонга.

И вот он снова лежал на мне, словно огненное одеяло, и пламя лизало сокровенные местечки моего тела, гладило и ввергало меня в исступление страсти. Мои руки срывали его одежду; Рейес приподнялся надо мной, и взгляд его был пьян от желания. Его широкие плечи, гора крепких мускулов, были сплошь покрыты гладкими, четкими татуировками. Плавные и живые, они обозначали границы меж раем и адом; они настолько шли Рейесу, что казалось, дышали, когда он дышал. Я провела ладонями по его груди, крепкой, как древняя сталь, потом дотронулась до твердого, как камень, живота, подрагивавшего от моих прикосновений.

Наконец мои пальцы опустились ниже, обвилились вокруг его напрягшегося члена: мне едва удалось обхватить его целиком. Рейес шумно вздохнул, вцепился в мое запястье и не отпускал, стараясь меня перебороть. Дрожа от возбуждения, он снова опустился на колени.

— Я хочу, чтобы это длилось дольше.

Я же хотела, чтобы он вошел в меня. Забыв о боли в щиколотке, привстала, вскарабкалась и села на Рейеса; я задохнулась, когда он пронзил меня, и закричала зубами от удовольствия, полыхнувшего в моем животе. Его член был твердый, как мрамор, когда я направила его внутрь себя; Рейес обхватил меня, удерживая, а мне хотелось двигаться. Я подождала его, наслаждаясь своими ощущениями, твердостью, которая заполнила меня всю без остатка. Даже не шевелясь, я была близка к оргазму, и с каждым вздохом это чувство нарастало. Я пыталась вырваться из его рук, мне хотелось двигаться, кончить. Запустив пальцы в его волосы, я напряглась и попыталась оттолкнуть его ногами, но тщетно. Он зарычал и заключил меня в железные объятия.

Стон вырвался из горла Рейеса; он положил меня на спину и одним стремительным рывком глубже вошел в меня. Я с наслаждением вздохнула и задержала дыхание, а Рейес выходил и снова входил. Он двигался мучительно медленно, безумно осторожно. Он томил меня несколько долгих минут, останавливаясь, когда я была слишком близка к оргазму,

отстранялся, когда я вцеплялась в его стальные ягодицы, чтобы он глубже вошел в меня. Постепенно он ускорил ритм, увеличил темп, увлекая меня все ближе и ближе к адскому пламени, пылавшему в животе, пока меня не накрыл взрыв оргазма. Волна томительного наслаждения затопила меня с головой и, пульсируя, растеклась по телу, проникла в каждую клеточку. Я откинула голову, закусил губу и напряглась, чтобы выстоять в бурю, содрогаясь под Рейесом от приливов оргазма.

Он кончил спустя мгновение после меня, и по моим венам снова разлился огонь. Но на этот раз ощущения были другие. Сильнее. И... важнее.

У меня в голове взрывались белые звезды, разлетаясь на мельчайшие частицы. Создавались галактики, и я видела рождение вселенной. Планеты вставали из первоматерии, возникала гравитация и притягивала все, что могла, манипулируя физическими телами и направляя их по собственной воле. Газы и пласты льда летали по орбитам, раскаленные и яркие на фоне космической черноты; по небу на невообразимой скорости проносились кометы.

Я увидела, как возникла Земля, образовалась ее магнитосфера и, точно щит, закрыла планету от небес, чтобы на прекрасном голубом шаре была жизнь. Я увидела, как сплошная суша разделилась на острова и материки, увидела восстание ангелов и падение армии Люцифера. Ведомые прекрасным гордецом, падшие ангелы укрывались в камнях и расщелинах, рассеянных во вселенной, где камни плавилась, поднимаясь и опускаясь, точно вода в земных морях в приливы и отливы.

Тогда-то, после короткой битвы ангелов, и родился Рейес. Почти такой же, как его отец, он возник из раскаленной сердцевины сверхновой звезды, из земных первоэлементов. Он быстро добился высокого положения, стал выдающимся, уважаемым лидером. Второй после отца, он командовал миллионами солдат, был полководцем злодеев. Ключ от врат ада, запечатленный на его теле, делал его красивее и сильнее отца.

Но гордыня его отца не смирилась. Ему было нужно небо. Он хотел полностью подчинить себе все живое во вселенной. Он мечтал о Господнем престоле.

Рейес исполнял все приказания отца, следил и ждал, когда на земле родится проводник, прямой проход на небо, выход из ада. Искусный и ловкий охотник, он выбирался за врата подземного мира и находил проходы в самых отдаленных уголках вселенной.

Наконец он увидел меня. Как ни пыталась, я не смогла взглянуть на себя его глазами. Я видела лишь тысячи огней, одинаковых по форме и образу. Рейес пристально смотрел на один из них, словно сотканный из золотых нитей, — на дочь солнца, искристую и блестящую. Она обернулась, заметила его и улыбнулась. И Рейес забыл обо всем.

Возвращаясь к действительности, я почувствовала, как Рейес оперся на руки; на его лице читалась неприкрытая тревога.

— Я не хотел, чтобы ты это видела, — задыхаясь, устало проговорил он.

Я все еще дрожала; по моему телу пробежали последние, утихающие волны оргазма.

— Это была я? — изумленно прошептала я.

Он лег рядом, стараясь отдышаться, оперся головой на руку и смотрел на меня. Я впервые увидела, что его глаза похожи на маленькие галактики с миллиардом сверкающих звезд.

— Ты ведь не убежишь от меня, правда?

Я была так потрясена, что даже не улыбнулась и спросила:

— А мне станет от этого лучше?

Рейес приподнял крепкое плечо.

— Возможно — если бы ты знала, на что способна.

Это меня заинтриговало. Я перевернулась на бок лицом к нему. Его глаза блестели удовлетворенно и расслабленно.

— И на что же именно я способна?

Он ухмыльнулся; выражение его красивого лица — слишком красивого для человека — смягчилось под моим пристальным взглядом.

— Если я тебе признаюсь, потеряю преимущество.

— Понятно, — протянула я: все встало на свои места. — Virtuoz оргазма, у которого в рукаве припрятано больше трюков, чем у бывалого фокусника.

Он опустил голову, словно стыдясь себя:

— Это было давно.

Тело Рейеса блестело возле меня, и мой взгляд поневоле скользил по холмам и долинам, образовывавшим его искусно вылепленные формы. Я вдруг заметила, что он весь покрыт шрамами — одни были крошечные, другие... не такие уж маленькие. Я гадала, был ли это результат жизни с Эрлом Уокером или же отметины воина ада.

— А что ты имел в виду, когда сказал, что Сатана тебя искал?

Рейес лениво обвел пальцем мой пупок, от чего я задрожала всем телом.

— Я имел в виду, что больше не ищет.

— Он сдался? — с надеждой спросила я.

— Нет. Он меня нашел.

Я испуганно приоткрыла рот.

— Но это же опасно?

— Очень.

Я села, чтобы лучше видеть его лицо.

— Значит, тебе нужно еще раз спрятаться. Где бы ты ни скрывался раньше, тебе нужно вернуться туда и затаиться.

Но Рейес уже не слушал. Что-то незаметное для меня привлекло его внимание. Он рывком вскочил на ноги, и его плечи облек черный плащ с капюшоном. Я огляделась по сторонам, но так и не поняла, на что он смотрит. Это встревожило меня, особенно после того, что я только что видела. Слишком многое было скрыто от моих глаз, слишком многое, о чем я не подозревала, творилось вокруг каждый день, каждую минуту.

— Рейес, — прошептала я, но не успела выговорить его имя, как он оказался возле меня и закрыл мне рот рукой.

Его плащ льнул к моей коже, искрил на нервных окончаниях, точно наэлектризованный. Глаза Рейеса сверкали; он отстранился и начал таять в воздухе, совмещая два мира в один. Спустя мгновение опустил руку и прильнул к моим губам поцелуем, от которого я задрожала, несмотря на окружающий меня жар.

— Помни, — проговорил он, прежде чем исчезнуть окончательно, — если они найдут тебя, то доберутся до всего, что свято. Вход должен быть закрыт любой ценой.

От грусти, с которой Рейес это произнес, у меня ком встал в горле, и я с трудом сглотнула.

— Любой ценой — это какой? — спросила я, уже догадываясь, что он ответит.

— Если они тебя найдут, мне придется отнять твою жизненную силу, чтобы закрыть вход.

Я ошеломленно содрогнулась:

— То есть?

Он прижался лбом к моему лбу, закрыл глаза и пояснил:

— Мне придется тебя убить.

С этими словами Рейес исчез. Туман скользнул по моей коже, по волосам, и вот уже в воздухе остались мельчайшие его клочки, которые медленно опускались на землю. Впервые в жизни я понимала, что поставлено на карту. Я получила ответы, которые уже не хотела знать. Я не могла избавиться от ощущения, что меня предали, хотя винить в этом было некого, кроме себя самой.

Так и знала, что роман с сыном Сатаны добром не кончится.

Чистая совесть — признак плохой памяти.

Стивен Райт

— А ты явно непло-о-охо провела ночь.

Я одновременно попыталась открыть глаза и понять, где я и что происходит, но из этого ничего не вышло.

— Я все еще лежу голой на полу в гостиной?

Куки присвистнула.

— Ого, да ночка выдалась горячее, чем я думала. — Она сидела на краю кровати, слегка подпрыгивая, чтобы меня подразнить. Наконец сжалилась надо мной. — Я сделала кофе.

Вот они, три волшебных слова. Я распахнула глаза и увидела милый образ — чашку кофе перед самым своим носом. Я отползла, села в кровати и взяла у Куки чашку.

— А еще я принесла тебе на завтрак буррито, — добавила моя подруга.

— Отлично. — Сделав большой жадный глоток, я спросила: — Сколько времени?

— Я так и поняла, что ты ночью развлекалась вовсю, — хихикнула Куки. — Ты редко так долго спишь. А еще твоя пижама разбросана по полу в гостиной. Большую часть я подобрала, но трусы лежали в том углу, где мистер Вонг. А туда я ни за что не сунусь. Так ты мне сейчас все расскажешь или потом?

Пожав плечами, я ответила:

— Давай сейчас, но придется в сокращенном варианте, как в «Ридерз Дайджест».

— Идет, — кивнула она, отхлебнула кофе и выжидающе уставилась на меня поверх чашки.

— Я выяснила, что убить меня сложнее, чем обычного человека.

На лоб Куки набежала морщинка недоумения.

— Я выяснила, что Розы Хершел так и не улетела из Америки. Муж убил ее, прежде чем отправиться ко мне.

Недоумение сменилось тревогой.

— Я выяснила, что Рейес — бог секса и всего, что связано с оргазмом.

Теперь смущение.

— А еще — что на самом деле он сын Сатаны и что если они, то бишь обитатели преисподней, найдут меня, он будет вынужден меня убить.

Снова тревога.

— Вот, — подвела я итог, прокручивая в голове вчерашние события, — вкратце это все, что случилось ночью. Ты думаешь, я сошла с ума?

Куки моргнула, и на лице ее отразилось беспокойство.

— Потому что здравый рассудок — единственное, что у меня осталось. Это и еще буррито на завтрак.

Куки снова моргнула.

— Ничего себе, это уже столько времени? — воскликнула я, бросив взгляд на часы.

Подруга молча оглянулась, очевидно потеряв дар речи. Непонятно почему. В руках у нее была чашка кофе.

Было почти девять. Я выпрыгнула из кровати, не обращая внимания на собственную наготу, но боль в шее, от которой, казалось, готов расплавиться позвоночник, невозможно было игнорировать. Я побежала в ванную одеваться. В десять часов власти должны были отключить Рейеса от аппарата. Если не вступит в силу судебный запрет...

Об этом я сейчас думать не могла. Дядя Боб дал задание судье. Разумеется, все получится.

Надев темный свитер и джинсы, собрав волосы в хвост и проглотив сразу четыре таблетки ибупрофена, я помчалась в офис, где остались все данные по делу, выписанные на отдельные разноцветные листки. Я схватила их и направилась к выходу.

Куки ждала меня на лестнице; я сообщила ей, куда еду. Она что-то пробормотала о прибавке к зарплате, но я пробежала мимо нее на парковку.

По дороге в Санта-Фе я позвонила Нилу Госсету в тюрьму, но его не оказалось на месте. Я пыталась связаться с тюремной больницей, но нервная секретарша ответила, что по телефону не имеет права давать справки о пациентах. Я набрала номер дяди Боба, но он не брал трубку. Я позвонила помощнице судьи, которому подавала прошение, но она ответила, что прошение передано в суд Санта-Фе.

Постепенно мной овладела паника. Неужели запрет не был принят? Что, если судья в Санта-Фе отклонил прошение?

Без двух минут десять я въехала на больничную парковку: здесь мигали огни полицейских машин и царил суматоха. Мое сердце тревожно забило. Может, что-то случилось в больнице и у властей до дела руки не дошли. Если так, им придется отложить убийство Рейеса Фэрроу на другой день.

Тут я заметила джип дяди Боба; на бампере машины была вмятина. Что ему тут понадобилось? Не успела я припарковаться, как дверь Развалюхи открылась.

— Твой мобильник опять сел, — проговорил дядя Боб, подавая мне руку.

— Правда? — Одной рукой я ухватила за дядю, а другой раскопала в сумке сотовый. — Я только что тебе звонила. — Надо же. И правда. Мне давно пора купить новый аккумулятор. И желательно на ядерном топливе, чтобы его хватило лет на двенадцать, а я при этом не заработала рак мозга.

— А до этого я звонил тебе в офис, — добавил он, когда я вылезла из машины. Голос его звучал странно — смущенно и встревоженно.

— Я звонила тебе всю дорогу сюда. Ты не брал трубку. Что происходит? — От догадки у меня по спине побежали мурашки. Диви вел себя странно. Не то чтобы он никогда не чудил, но сейчас вел себя еще более странно, чем обычно.

Он закрыл дверь машины и повел меня к тюрьме через толпу копов и медперсонала.

— Дядя Боб, — выдохнула я ему в спину, стараясь не отставать, — что-то случилось с Рейесом?

— Прощение не было принято, — бросил он через плечо.

Я замерла как вкопанная. У меня перехватило дыхание. В такое невозможно было поверить, и мое сознание отказывалось это принимать. В голове мелькали тысячи сценариев развития событий. Если Рейеса отключат от аппарата и он умрет, перейдет ли он в мир иной? Или останется? Сможем ли мы продолжать отношения, если он станет призраком? А вдруг его отключат и он очнется? И все будет хорошо. Каждый из вариантов стремился к финалу в духе Голливуда, и я надеялась на тот, который казался самым невероятным.

— Чарли. — Дядя Боб остановился и обернулся ко мне. В голосе его звучало

предостережение, и я вся обратилась в слух. — Ты точно рассказала мне все, что знаешь о Фэрроу?

Что-то случилось. Моя женская интуиция буквально зудела, — как, впрочем, и остальные женские признаки.

— А что?

— Ты говорила, — он наклонился ко мне и понизил голос, — что он не такой, как все. И я решил, что он — как ты. А не... совсем сверхъестественное существо.

«Ого!» — промелькнуло у меня в голове. С чего бы дяде Бобу спрашивать меня о таком? С Рейесом явно все в порядке, раз уж Дибби заподозрил тут что-то совсем сверхъестественное.

— А почему ты спрашиваешь?

— Чарли, — проворчал он, и у меня сердце ушло в пятки. Дядя схватил меня за руку и потащил сквозь толпу.

— Что стряслось? — бросила я ему в спину, и в каждом слого моего вопроса сквозила надежда. Должно быть, Рейес жив. Наверняка случилось чудо. Зачем бы тогда дядя Боб стал спрашивать меня об этом? И для чего бы иначе здесь собрались все эти люди?

— Не знаю, — ядовито ответил он. — И никто не знает. Быть может, Чарли, ты нам объяснишь, как человек может исчезнуть с лица земли.

— Что? — Я снова окаменела. — О чем ты?

Дядя Боб остановился и обернулся ко мне:

— Я помнил, что для тебя это очень важно, поэтому приехал сюда, чтобы лично переговорить с судьей. Увы, безуспешно. Она не могла вынести решение, чтобы твоего приятеля не отключали от системы жизнеобеспечения, поскольку его мозг мертв, а содержание коматозника обходится штату в целое состояние.

— Ты сам приехал сюда? Ради меня?

— Да. — Дядя неловко поправил воротник. — Самое меньшее, что я мог сделать, — это присутствовать при том, как его будут отключать от аппарата. Но когда я приехал, тут уже все на ушах стояли. Он исчез.

— Исчез? — взвизгнула я, откашлялась и переспросила: — Куда же он делся?

Дядя наклонился ко мне и громким шепотом произнес:

— Не просто исчез, Чарли. Испарился.

В голосе его слышалось отчаяние.

— Не понимаю. Он сбежал?

— Сама все увидишь.

Мы поспешно миновали вход и вошли в маленький кабинет охраны.

— Покажите ей, — велел дядя надзирателю. Тот послушно нажал пару клавиш на компьютере, и я спросила:

— Что это?

— Смотрите. Вы все увидите, — ответил он.

На мониторе была запись с камеры слежения. Я узнала место.

— Это коридор у палаты Рейеса?

— Смотрите, — повторил надзиратель таинственно и вместе с тем раздраженно.

Я заметила движение и наклонилась к монитору. Дверь в палату была открыта; на черно-белой записи была видна вся комната. Рейес пошевелился, поднял руку к голове, рывком сел на постели и огляделся. Качество изображения оставляло желать лучшего, и

было трудно различить наверняка, но, скорее всего, это был Рейес. И он пришел в сознание. Словно пытаясь сориентироваться, замер, глубоко вздохнул, обернулся к камере и улыбнулся. Он улыбался! На его лице показалась насмешливая кривая ухмылка, при виде которой я едва не растаяла.

Но вот в записи произошел какой-то сбой; изображение замерло, потом на мгновение потемнело, а когда картинка вернулась, Рейес исчез. В мгновение ока. Только что был здесь — и нет. Осталась лишь пустая измятая постель.

— Куда он делся? — спросила я у ошарашенного надзирателя, но тот лишь плечами пожал.

— Я надеялся, что это ты нам скажешь, — заметил дядя Боб.

Рейес, конечно, был не от мира сего, но никому на свете еще не удавалось дематериализоваться. По крайней мере, я ничего такого не слыхала. Впрочем, несколько часов назад я не знала и о том, что у Сатаны есть сын.

— Дядя Боб, — начала я, стараясь не проговориться и не выдать правду, — действительно рассказала тебе не все.

— Да что ты? — Он жестом велел надзирателю выйти.

Когда тот ушел, я продолжала:

— На самом деле я... ну... никогда не говорила тебе всей правды.

— Что ты имеешь в виду? — озадаченно спросил он.

— Я не такая, как все. Ты это знаешь. Но я никогда не признавалась тебе, насколько сильно отличаюсь от других.

— Ну и насколько? — подозрительно уточнил он.

Я не представляла, чем могло спасти ситуацию признание в том, что я ангел смерти, а Рейес — сын Сатаны. Иногда лучше промолчать.

— Скажем так: я отличаюсь от других больше, чем ты думаешь, а Рейес действительно некоторым образом сверхъестественное существо.

— Каким именно образом?

— Наверно, сверхъестественным.

— Это не ответ, Чарли. — Дядя шагнул ко мне. — Ты должна мне все объяснить.

Стиснув зубы, с прямой спиной, точно кол проглотила, я опустилась на краешек стула. В голове кружилось одно-единственное слово. Дерьмо. Как же мне объяснить, что Рейес дематериализовался? Если, конечно, это так.

Тут вошел Нил Госсет. Он впился в меня взглядом и виновато кивнул на дядю Боба, словно у нас с ним от Дибби секреты. В каком-то смысле так оно и было. Просто он не знал всех подробностей.

— Здравствуйте, мистер Госсет. — Дядя Боб протянул ему руку.

— Здравствуйте, детектив, — ответил Нил, сжимая его ладонь. — Что слышно?

Дядя Боб перевел взгляд на меня.

— Ничего особенного.

Дибби и Нилу было известно немало: они могли оказаться опасными. Но всей правды не знал ни один из них. Интересно, сколько мне удастся тянуть с ответом. За прошлую неделю я рассказала о себе больше, чем за всю предыдущую жизнь. В каком-то смысле это освобождало, но все же рискованно пускать в свой мир слишком многих. Прежде я уже совершала эту ошибку. И поплатилась сполна.

— Кто такой Датч? — поинтересовался дядя Боб, указав на монитор, и у меня

задрожали колени.

Я не прикасалась к экрану, но он внезапно погас. В центре светилось единственное слово, за которым мигал курсор. Меня охватило такое облегчение, что я едва не соскользнула со стула на пол. Рейес. Рейес Александр Фэрроу был жив. Я долго-долго вглядывалась в имя, которое он дал мне в день, когда я появилась на свет, и гадала, сможет ли он по-прежнему приходить ко мне, получится ли у нас быть вместе. Потом я почувствовала, как он коснулся моих губ, и поняла, что моя жизнь изменилась навсегда.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Изящно, остроумно, невероятно увлекательно. Это ни в коем случае нельзя пропустить!

ДЖЕЙН ЭНН КРЕНЦ

Великолепный дебют. Здесь есть все: смешная обаятельная героиня, опасный таинственный красавец, сногшибательные сюрпризы на каждом шагу. Жду не дождусь продолжения!

Дж. Р. УОРД

Потрясающе! Красотка Чарли, детектив и ангел смерти, умиляет своим отчаянным разгильдяйством, каждая ее фраза разит наповал — не успеваешь перевести дух между приступами смеха.

КРЕСЛИ КОУЛ

Photo © Donita Massey Privett

Первый роман Даринды Джонс, вызвавший бурю восторга у американских читательниц, открывает серию безумных приключений сыщицы Чарли Дэвидсон. Ее текущие задачи: расследовать убийство трех адвокатов с помощью их призраков, вызволить из тюрьмы невиновного и разгадать тайну прекрасного незнакомца из своих эротических снов. Ее главное оружие — беспримерное нахальство и убийственное чувство юмора.

Любопытный Том — вошедший в поговорку портной, который подглядывал за обнаженной леди Годивой, ехавшей по Ковентри на коне, и за свое любопытство ослеп.

«Нью-Мексико Скорпионс» — команда Центральной хоккейной лиги.

Роман Розмари Роджерс.

Тазер — электрошокер, формой напоминающий пистолет и бьющий на расстоянии; нелетальное оружие, широко применяемое в работе полиции.

Джеймс Р. Хоффа (Джимми Хоффа) — американский профсоюзный лидер, исчезнувший при загадочных обстоятельствах.

Понимаете? (*исп.*).

Архитектурный стиль, отражающий влияние оседлых североамериканских индейцев пуэбло. Изначально они вырубали многоуровневые жилища в скалах, а переселяясь на равнины, заменяли их аналогичного вида постройками из адобы или песчаника. Здания, имитирующие аскетичный облик индейских поселений, особенно популярны в штате Нью-Мексико.

Том Селлек — американский актер, исполнитель главной роли в сериале «Частный детектив Магnum».

Ругательство, которое примерно можно перевести как «сукин сын» (*исп.*).

«Монте-Кристо» — сэндвич с сыром и ветчиной.

То есть книгу Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей».

Мауриц Корнелис Эшер (1898–1972) — голландский художник, график.

Согласно поверью, гномы прячут на конце радуги горшочек с золотом.

Рогипнол — снотворное без вкуса и запаха.

18 января, день рождения Питера Марка Роже (1779–1869), автора Тезауруса Роже.

Корпус-Кристи — город в штате Техас.

Лоис Лейн — возлюбленная Супермена, персонаж знаменитых американских комиксов.